

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

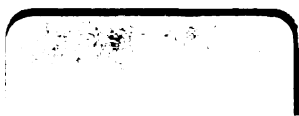
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NEVILL FORBES BEQUEST

3 NF.PG337.L6.25.1860

~~AF 2 E 7~~

N. F. 2. e. 7.

ЗАПИСКИ
НѢКОТОРЫХЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЪ
ЖИЗНИ И СЛУЖБЫ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОГО ТАЙНАГО СОВѢТНИКА, СЕНАТОРА

Н. В. Лопухина,

СОЧИНЕННЫЯ ИМЪ САМИМЪ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1860.

N. F. 2. e. 7.

Изъ II и III-й книги «Чтеній» въ Императорскомъ Обществѣ исторіи
и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1860 года.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Декабря 10 дня, 1860 года.

Цензоръ Гиляровъ-Платоновъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагая «Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника и Сенатора, И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ, въ двухъ частяхъ», считаю нужнымъ сказать, съ своей стороны, что онѣ тщательно свѣрены мною по нѣсколькимъ спискамъ. Извѣстно, что сочинитель самъ роздалъ довольно списковъ своихъ «Записокъ» въ разныя руки и мѣста, въ томъ числѣ и для храненія въ Архивъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, что нынѣ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, какъ это видно изъ письма его къ Управлявшему тогда онымъ, А. Ѳ. Малиновскому. Письмо это присоединилъ я къ концу второй части сихъ «Записокъ», изъ которыхъ ни одно мѣсто, ни одно выраженіе, даже слово не исключены ни къмъ, но все въ нихъ именно въ томъ самомъ видѣ, какъ въ подлинникѣ.

О. Бодяискій.

Ноября 21 дня, 1860 г.

Москва.

ЗАПИСКИ

О

НѢКОТОРЫХЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХЪ

ЖИЗНИ И СЛУЖБЫ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Я родился 24-го Февраля, 1756 года. Младенчество мое было самое болѣзненное. Воспитанъ я въ разсужденія тѣла въ крайней нѣгѣ, а со стороны знаній въ большомъ небреженіи. Родители мои были самые чадолюбивые, и бывши весьма добродушны и отъ природы отлично разумны, всѣми силами старались наставлять меня въ честности и благонавіи, но сами, имѣвъ воспитаніе того времени, въ которомъ не учились иностраннымъ языкамъ и знаніямъ, нынѣ обыкновеннымъ, не могли они, при всемъ своемъ желаніи наилучшаго мнѣ воспитанія, достаточно съ этой стороны успѣвать въ немъ.

Руской грамотѣ училъ меня домашній слуга. По Французски училъ Савояръ, незнавшій со всѣмъ правилъ языка. По Нѣмецки Берлинецъ, которой ненавидѣлъ языка Нѣмецкаго и всячески старался сдѣлать мнѣ его противнымъ, а хвасталъ Французскимъ, и сколько умѣлъ, училъ меня ему тихонько, пользуясь охотою моею къ чтенію. Нѣмецкія же книги держали мы на учебномъ столѣ своемъ для одного виду, и я, выучась только читать по Нѣмецки, разумѣть, что читаю на немъ, уже научился больше, нежели чрезъ десять лѣтъ

послѣ окончанія мною такого ученія, научился отъ сильнаго желанія разумѣть на языкѣ семь духовныхъ книги.

Такимъ образомъ на 17 году моего возраста кончилось мое воспитаніе и ученіе языковъ, которыхъ ни одного, какъ и своего природнаго, не знаю и по сіе время грамматическихъ правилъ, хотя на послѣднемъ я очень много писалъ и даже сочинялъ книги. Однимъ словомъ, естли я что знаю, то подлинно самоучкою.

Слабость моего здоровья столько же, какъ и обыкновенное родителямъ, особливо въ старости ихъ, желаніе имѣть дѣтей при себѣ, не позволяли имъ рано отпустить меня на службу. Я страстенъ былъ къ военной, и, сидя дома, водилъ строи и давалъ баталіи по по Пвисегюру и Фоларду. Кампаніями арміи нашихъ противъ Турокъ войны, начавшейся въ 1769 году, я такъ горячо занимался, какъ бы по чрезмѣрному усердію очень обязаннаго участвовать въ планахъ ихъ операций. Нѣсколько ночей безпокойно спалъ отъ ожиданія, чѣмъ рѣшится кампанія Князя Голицына подъ Хотинимъ, и хотя почти уже 40 лѣтъ, не имѣлъ я въ рукахъ описанія дѣйствій той войны, но и теперь, конечно, помню почти всѣхъ ихъ числа.

Около сего времени лишился я моей матери. Я отъменно къ ней былъ привязанъ. При началѣ ея болѣзни, будучи ребенкомъ лѣтъ десяти, я очень горячо молился о ея выздоровленіи, и вотъ какая была моя ребяческая молитва. Я помню, что однажды, спрятавшись за занавѣсъ кровати, молился я тихонько и просилъ Бога очень усердно, чтобъ онъ лучше отнял у меня палець и даже всю руку, а только бы она не умерла.

Я былъ записанъ въ гвардіи Унтеръ-Офицеромъ, и въ 1775 году именнымъ указомъ пожалованъ въ Прапорщики Преображенскаго полка. Послуживъ нѣсколько мѣсяцевъ, я сдѣлался такъ боленъ, что цѣлые три года не могъ выходить изъ комнаты, кромѣ какъ въ лѣтніе и самые хорошіе дни. Потомъ еще года три сряду въ каждой мучила меня лихорадка. Это время, въ самые бурные лѣта молодости, было для меня большая опытная школа терпѣнія и много послужило въ пользу охотѣ моей къ чтенію. Ослабленные силы здоровья и случившійся при томъ нѣкоторой припадокъ, препятствующій верховой ѣздѣ, принудили меня на вѣкъ проститься съ военною службою.

Любовь къ службѣ, при невозможности удовлетворяться военною, устремила склонность мою къ гражданской. Особливо занимала меня

часть уголовная. Съ большою прилежностію собиралъ я всѣ возможные по сей части свѣдѣнія, интересовался обстоятельствами и сужденіемъ всякаго уголовного дѣла, о которомъ слышалъ, и, по болѣзнямъ моимъ въ отпуску живучи тогда въ деревнѣ, часто бывая у пріятеля моего, Городничаго въ уѣздномъ городѣ, рѣдко выѣзжалъ изъ него безъ того, чтобъ не побывать въ тюрьмѣ для разговоровъ на сей предметъ съ колодниками и для примѣчаній на нихъ.

Въ началѣ 1782 года по прозвбѣ моей, за болѣзнями, отставленъ я изъ Капитанъ-Порутчиковъ гвардіи къ статскимъ дѣламъ Полковникомъ, а въ концѣ того же года, при открытіи, по новымъ учрежденіямъ, Московской губерніи, опредѣленъ я былъ въ ней Совѣтникомъ Уголовной Палаты.

Въ должности сей принялъ я себѣ за правило наблюдать, чтобъ какъ невинной не былъ никогда осужденъ, такъ бы и виноватой не избѣжалъ наказанія, но по человѣколюбію, сколько можно больше умѣреннаго, не удаляясь, однако жъ, отъ силы законовъ.

Я думаю, что предметъ наказаній долженъ быть исправленіе наказуемыхъ и удержаніе отъ преступленій. Жестокость въ наказаніяхъ есть только плодъ злобнаго презрѣнія человѣчества и одно всегда бесполезное тиранство. Ненадежность избѣжать наказанія гораздо больше можетъ удерживать отъ преступленій, нежели ожиданіе жестокаго. Намѣреваясь къ преступленію, естественнѣе человѣку ослабляться мыслями, что преступленіе его не откроется, нежели соображать мѣру наказанія, которому онъ подвергаетъ себя, особливо, когда оно относится къ страданію тѣлесному, или потерянію свободы.

Вѣроятно, никто не покусится на преступленіе при увѣреніи, что не избѣжитъ такого рода казни. Ожесточенный въ злодѣянιάхъ не думаетъ объ ней. Но не находящійся еще въ такомъ степени разврата, конечно, собираясь сдѣлать уголовное преступленіе, не ласкается тѣмъ, что ему дадутъ двадцать, а не пятьдесятъ, ударовъ.

Весьма также опасался я осуждать по заключеніямъ изъ обстоятельствъ, безъ совершеннаго изобличенія и признанія судимыхъ. Не можно, по мнѣнію моему, почитать доказательствами соображенія умствованій, сколько бъ онѣ ясны и основательны ни казались. Такого рода доказательства едва ли могутъ когда быть совершенныя и такія, чтобъ исключали уже всѣ возможности къ показанію невинности обвиняемаго.

Гдѣ одна вѣроятность, тамъ истинной разумъ не можетъ находить поляго увѣренія, какъ бы сильна ни была она. Все, что можно только выдумать противъ доказательствъ, составляемыхъ умственнымъ соображеніемъ, уже ихъ опровергаетъ. И по множеству опытовъ извѣстно, какъ ошибочны въ уголовныхъ судопроизводствахъ заключенія, которыя основаны были такими соображеніями на одной вѣроятности, приемлею за моральную извѣстность.

При такихъ сужденіяхъ, кромѣ недовольнаго вниманія и корыстныхъ пристрастій, весьма можетъ заводить въ погрѣшности одно самолюбіе, столь много свойственное большей части людей, особливо тѣмъ, коихъ страсть отличать умомъ. Желаніе показать свой разумъ въ открытіи виноватаго весьма легко и нечувствительно можетъ заставить найти его въ невинномъ. Тѣ только судьи не будутъ подвержены такимъ ошибкамъ, которые стараются дѣлать правду для ея самой правды, всѣмъ сердцемъ любя ея, а не для того, чтобъ ея прославиться, или которые во всякомъ, ими судимомъ, сердечно видятъ прямо ближняго своего. Безъ сего расположенія не можетъ быть истинно добрыхъ судей, а такіе, по несчастію, очень рѣдкіе судьи и не послѣдуютъ, конечно, одному образу сужденія.

Но можетъ ли быть правило мудрѣе и справедливѣе того, что лучше оставить безъ наказанія многихъ виноватыхъ, нежели одного невиннаго осудить, и случаи преступленій, коихъ совершенно доказать не можно, предоставлять правосудію Всевидающаго? Иные мудрователи при семъ скажутъ: «Что же? И такъ людямъ ничего не надобно дѣлать, а все оставлять дѣйствовать Богу, и силъ разума, отъ него же данныхъ, употреблять, стало, не надобно.—Нѣтъ: надобно ихъ употреблять найприлежнѣйше; но тамъ, гдѣ они недостаточны, съ кротостію признавать ихъ слабость, и страшиться жребіемъ ближняго своего жертвовать самолюбію.

Какъ странно видѣть, когда люди напрягаютъ всѣ свои силы найти виноватаго, для того только, чтобъ его наказать, и, безъ совершеннаго увѣренія въ его винѣ, спѣшатъ осудить его, и сіе часто изъ мнимаго правосудія и усердія къ сохраненію порядка, какъ будто безъ того оной бы совершенно возмущился, и остановилось бы дѣйствіе невидимо, но всегда и вездѣ безпогрѣшно дѣйствующаго источника его. Страннѣе еще иногда видѣть, съ какимъ рвеніемъ и сколько грабителей и мздоимцевъ, при чувствахъ, самой видя добраго усердія имѣющихъ, стараются натянуть доказательства къ об-

виненію какого нибудь бѣдняка, впадшаго и въ неважное преступленіе, и по какому ни будь, можетъ быть, особливо несчастному стеченію обстоятельствъ.

Съ такимъ же вниманіемъ старался я соблюдать всю точность и обрядовъ законныхъ, почитая всякое ихъ нарушеніе вреднымъ, сколько для существа правосудія, столько жъ по вліянію чрезъ примѣръ и на порядокъ службы, которой онъ долженъ быть душею.

Одинъ случай относительно къ сему расположенію моему, въ бытность мою Совѣтникомъ Московской Уголовной Палаты, заслуживаетъ чтобъ разказать его.

Внесено было въ Палату на ревизію изъ Губернскаго Магистрата дѣло о подложныхъ векселяхъ одного купца. По сему дѣлу являлись нѣкоторыя подозрѣнія на двухъ изъ знатныхъ и богатыхъ купцовъ Московскихъ, кои были обвинены и приговорены подъ стражу. Они скрылись и уѣхали въ Петербургъ искать защиты у самой Императрицы. Государыня приказала взять изъ Палаты дѣло для предварительнаго разсмотрѣнія. Имянной о семъ указъ объявилъ бывшій тогда въ 6-мъ Сената Департаментѣ Оберъ-Прокуроръ Князь Гагаринъ. Но какъ, по узаконенію, Оберъ-Прокуроры не имѣютъ права объявлять именныхъ указовъ, то я не согласился отдавать дѣло изъ Палаты, и подалъ о томъ голосъ. * Дѣло отослано было по большинству голосовъ, но я остался при своемъ, не смотря на всѣ устраиванія, на всѣ предвѣщанія мнѣ за то бѣдъ, и даже на самое принужденіе съ большою досадою бывшаго тогда Главнокомандующимъ Графа Захара Григорьевича Чернышова.

Предсѣдатель Палаты скоро отлучился въ Петербургъ искать себѣ лучшаго мѣста, а я остался, какъ старшій Совѣтникъ, отправлять его должность. Старался служить очень усердно, и какъ тогда, такъ и съ начала вступленія моего въ Палату, да и до самаго выхода изъ нея, едва ли было одно рѣшительное опредѣленіе, которое бы не самъ я сочинилъ.

Правила умѣренности въ наказаніяхъ держался я неотступно. Будучи старшимъ въ Палатѣ, въ которую скоро опредѣленъ я былъ и Предсѣдателемъ, гораздо удобнѣе мнѣ было сохранять его; ибо без-

* Смотри журналъ Московской Уголовной Палаты 22 Ноября, 1803 году, и послѣдовавшее о томъ въ протоколѣ.

спорно соглашались товарищи мои со мною въ томъ, что прежде долженъ я былъ одерживать спорами и часто самыми жаркими.

Неохотники до меня и столько жъ, кажется, вообще до человечества, тамъ, гдѣ нѣтъ въ немъ ихъ интересовъ, вопіяли осужденіями, такъ называвшагося ими, милосердія моего. Говорили, что я развожу злодѣевъ и воровъ. Однако, по счастью моему, что ли, гораздо ихъ меньше стало съ открытія въ Москвѣ Уголовной Палаты, при умѣренныхъ ея, какъ описываю, наказаніяхъ, заступившихъ мѣсто тѣхъ люностей торговой казни, коими передъ тѣмъ Московское правительство нѣсколько лѣтъ отличалось и о которыхъ безъ ужаса вспомнить нельзя.

И такъ, не взирая ни на что, продолжалъ я держаться вышесказаннаго мною расположенія, а Главнокомандующій, Графъ Захаръ Григорьевичъ, подкрѣплялъ меня согласіемъ своимъ на все мои приговоры. Сколько сей почтенный мужъ достоинъ похвалы, о томъ говорить излишне. Онъ весьма извѣстенъ.

Слѣдуя оному расположенію и соображая общественную пользу, рѣшился я за воровство, кражу и мошенничество цѣною свыше двадцати рублей (ибо о наказаніяхъ за преступленія сего рода на меньшую цѣну заработкою, уже существовало узаконеніе), наказывать не кнудомъ, а тѣлесно же, но такимъ образомъ, чтобъ наказанные могли отдаваться въ рекруты. Товарищи мои не спорили противъ меня. Они знали, что это дѣлается мною съ согласія Главнокомандующаго, хотя оное на бумагѣ и не изъявлялось, по тому что въ то время не вносились еще на разсмотрѣніе начальниковъ губерній опредѣленія о таковыхъ наказаніяхъ. Однако я сіе дѣлалъ не отступая и отъ закона. Рѣшенія основывались на той статьѣ Морскаго Устава, въ коей сказано: «За первую, вторую и третью кражу наказывать, что разъ, то жесточае, по разсмотрѣнію» (книга V, гл. 17, ст. 127).

Черезъ сіе считалъ я соблюдать то правило, чтобъ преступленіе не оставалось безъ наказанія, но наказаніе бы, сколько можно не нарушая законовъ, было умѣренно и общественной пользѣ тѣмъ соотвѣтственно, что не оставались въ тягость селеніямъ такимъ образомъ наказанные за преступленія, которые между людьми низкаго состоянія, по грубости ихъ нравовъ и невѣжеству, особливо часты.

Изданныя послѣ того чрезъ нѣсколько лѣтъ, и нынѣ существующія, узаконенія о наказаніи за преступленія онаго рода, оправдываютъ мои рѣшенія и подтверждаютъ ихъ пользу.

Уставъ о наказаніи только рабочимъ домою за воровство, кражу и мошенничество не свыше двадцати рублей, конечно, сдѣланъ въ томъ же намѣреніи, чтобъ за преступленія, кои въ народѣ очень часто случаются, не существовало такое наказаніе, отъ котораго многіе дѣлались увѣчными и негодными въ рекруты, воровство же при всемъ томъ не уменьшалось, какъ извѣстно изъ опытовъ. Конечно, въ томъ намѣреніи, а не для того, чтобъ цѣною кражи цѣнить нравственное количество преступленія; ибо ежели судить о преступленіяхъ по тѣмъ побужденіямъ, изъ коихъ оныя производятся и которыя, когда они достовѣрно извѣстны, могутъ быть единственно истиннымъ основаніемъ правильнаго опредѣленія мѣры наказаній; естли судить, говорю, по онымъ побужденіямъ, то чѣмъ меньше соблазнительнъ предметъ преступленія, тѣмъ оно больше, и тѣмъ вяцій означается степень разврата въ преступникѣ.

Мщеніе, какъ звѣрское свойство тиранства, ни одною каплю не должно вливаться въ наказанія. Вся ихъ цѣль должна быть исправленіе наказуемаго и примѣръ для отвращенія отъ преступленій. Все же, превосходящее сію мѣру, есть только безплодное терзаніе челоуѣчества и дѣйствіе неуваженія къ нему, или лютости.

Всѣ казни должны быть соразмѣрны оной цѣли, и такъ распределены, чтобъ сколько можно дѣйствительнѣе достигая къ ней, сколько же можно меньше изнурительны и мучительны для челоуѣчества были. Сіе кажется есть неоспоримое правило челоуѣколюбія въ законодательствѣ, коего одинъ предметъ долженствуетъ быть благо челоуѣчества на землѣ и всевозможное приготовленіе его къ оному въ вѣчности.

Такъ, конечно. Цѣль наказаній и мѣры ихъ должны быть не иныя, какъ выше сказанныя мною. Мѣра ихъ и образъ должны также сообразоваться съ господствующими качествами нравовъ народа и съ тѣмъ, что дѣйствительнѣе дѣлаетъ въ нихъ впечатлѣніе, соотвѣтственно разнымъ состояніямъ людей, народъ составляющимъ.

Естли бъ можно было всегда проникать въ побужденія къ преступленіямъ, то свойство и мѣра побужденій были бы, конечно, лучшими и самыми естественными указателями правила опредѣленія казни. И тогда многія дѣла или извиняемыя, или за преступленія не

считающіяся, по справедливости подверглись бы наказанію столько же тяжкому, какъ самыя важныя преступленія, и такія, коими гнушаются и безъ всякой пощады стремятся за нихъ наказывать тѣ сами, которымъ весьма обыкновенны оныя, какъ я сказалъ, преступленія, ими и въ нихъ даже часто не примѣчаемыя.

На примѣръ, судья, который не истощаетъ всего своего вниманія, судя челоуѣка въ уголовномъ дѣлѣ и безъ совершеннаго увѣренія, или хотя и съ малымъ небреженіемъ осуждаетъ его на тяжкую казнь, столько жъ самъ ее заслуживаетъ, и столько жъ преступникъ, если не больше, какъ неумышленной убійца, и даже такой, которой убилъ, разсерженъ будучи. Кто склонилъ вѣсы суда, и хотя не изъ мздоимства, но изъ уваженія къ пріязни, или въ угожденіе лицу сильнаго, и чрезъ то лишилъ кого либо собственности его несправедливо, конечно, не меньше виноватъ ѣднаго невѣжи, укравшаго отъ крайности и отъ того, что не имѣлъ при ней довольно разума и твердости духа одолѣть себя при соблазнѣ.

Думаю, что также не должно опредѣлять наказаній безконечныхъ въ здѣшней жизни, потому что въ Христіянскихъ правительствахъ исправленіе наказуемаго и внутреннее обращеніе его къ добру надлежитъ имѣть важнѣйшимъ при наканіяхъ предметомъ, и что нѣтъ такого злодѣя, о которомъ бы можно рѣшительно заключить, что предметъ оный въ немъ не исполнится, и что онъ не можетъ еще сдѣлаться полезнымъ для общества въ лучшемъ и свободномъ состояніи жизни.

Что касается до смертной казни, то она, по мнѣнію моему, и безъ полезна, кромѣ того, что одному только Творцу жизни извѣстна та минута, въ которую можно ее пресѣчь, не возмущая порядка его Божественнаго строенія.

Такія наказанія и заточенія, употребляемыя вмѣсто смертной казни, при способахъ, какъ я сказалъ, исправленія наказуемыхъ, къ возможному еще улучшенію жребія ихъ и въ здѣшней жизни, сохраняя ихъ всегда на полезную для государства работою службу, столько же могутъ примѣромъ устрашать и удерживать отъ злодѣяній, еслии еще не больше, какъ смертная казнь. Не рѣдко случается, что люди сами себя лишаютъ жизни отъ страха наказаній и лишенія свободы.

Извѣстны примѣры Христіянскихъ мучениковъ, сихъ героевъ истинныхъ, предавшихъ себя на изтязанія изъ подвига вѣры и чистой

любви къ Богу спасителю; также и героевъ языческихъ, потерпѣвшихъ муки изъ любви къ отечеству и для славы, искомой самолюбіемъ: но злодѣи малодушны и слишкомъ привязаны къ сладостямъ жизни, чтобъ не страшиться страданій и неволи.

Могутъ сказать, что смертная казнь нужна для избавленія общества отъ такого государственнаго злодѣя, котораго жизнь опасна для общаго спокойства. Но и въ семь случаѣ рѣдкомъ и, конечно, важнѣйшемъ, строгое заключеніе можетъ отвратить ту опасность, а время ослабляетъ и наконецъ уничтожаетъ ее.

Впрочемъ, вѣроятно, что того рода злодѣи не думаютъ о смерти при своихъ предпріятіяхъ; что они предпочитаютъ ее страданіямъ и заточеніямъ, то доказывается многими примѣрами, что они по большей части готовились отравлять себя при неудачахъ и умерщвляли себя при оныхъ.

Обращаюсь къ предсѣдательству моему въ Московской Уголовной Палатѣ.

Графа Захара Григорьевича Чернышова не стало въ 1784 году лѣтомъ. Преемникъ его, главнокомандовавшій въ Москвѣ, сначала очень обласкалъ меня, но скоро открылся моимъ гонителемъ. Я его извиняю по привычкѣ его къ властолюбію, коей угожденіями дали въ немъ укорениться, и по тому предъубѣжденію противъ меня, съ которымъ онъ отправился изъ самаго Петербурга и которому, въ разсужденіи силы его источника, не имѣлъ онъ довольно твердости не покориться. Слабость такая въ немъ была слишкомъ обыкновенная многимъ придворнымъ. О семь обстоятельнѣе скажу въ своемъ мѣстѣ по приличности. Теперь же объ немъ только относительно ко мнѣ въ Палатѣ.

Первое неудовольствіе его собственно противъ меня было за то, что малое число ударовъ Палатою опредѣлялось. Онъ возвратилъ мнѣ внесенной къ нему на утвержденіе приговоръ, коимъ опредѣлено было одному убійцѣ дать пятьдесятъ ударовъ, каковаго числа больше при мнѣ никогда не полагалось, возвратилъ съ тѣмъ, чтобъ перемѣнить и гораздо прибавить. Я не согласился, и сперва очень учтивымъ и, надѣясь лучше успѣть, нѣсколько шуточнымъ образомъ отговаривался и представлялъ ему мои причины; но когда онъ, не внимая имъ, упорствовалъ въ своемъ требованіи, думая даже, что имѣеть къ тому право, и настаивалъ уже съ досадою, то я ему твердо и рѣшительно сказалъ, что опредѣленіе не будетъ перемѣ-

нено; что никогда жесточайшихъ при мнѣ наказаній не будетъ; что какъ Палата, по учрежденіямъ, не должна перевершивать своихъ рѣшеній, такъ и онъ не имѣетъ права возвращать ихъ. А ежели онъ несогласенъ и не угодно ему такое число ударовъ, то можетъ прибавку испрашивать представленіемъ своимъ Правительствующему Сенату.

Можно себѣ вообразить, какъ разгнѣвался г. Главнокомандующій. Однако ни сколько не оказалъ грубости, много только горячился и кричалъ: «Какъ, разбойникамъ и смертоубійцамъ давать только по 50-ти ударовъ!» — «По сколько жь бы, Ваше Сіятельство, думали?» спросилъ я его — «По сколько?» — отвѣчалъ: «Двѣсти, триста, четыреста, пятьсотъ.» — «Да эдакъ будемъ всегда засѣкать до смерти.» — «Чего жь ихъ жалѣть?» говорилъ онъ; «и это же наказаніе вмѣсто смертной казни.» — «Такъ,» отвѣчалъ я; «но отмѣна смертной казни, къ величайшей славѣ Россійскаго скипетра, въ первой Россіи учрежденная, почитается мудрымъ закономъ милосердія; а ежели, вмѣсто того, чтобъ отрубить голову, замучивать людей до смерти кнутомъ, то это былъ бы законъ тиранской, и всякая такая мѣра наказанія сего рода, которая можетъ лишить жизни, уже есть большое преступленіе онаго закона милосердія.»

Графъ мой сталъ тише. — «Однако жь,» говорилъ мнѣ, «странно, что Вы такъ разсуждаете; вѣдь можетъ иногда случиться, что наказуемый умретъ и отъ 10 ударовъ.» — «Конечно,» я говорилъ, «это можетъ иногда случиться по какимъ ни будь непредвидимымъ причинамъ и съ моей стороны безвинно. Но если я буду давать такіа сотни ударовъ, то, при явномъ тиранствѣ своемъ, долженъ быть увѣренъ, что люди и умирать будутъ подъ кнутомъ непремѣнно.» — «Но какъ же Вы узнаете мѣру?» спросилъ онъ меня уже самымъ снисходительнымъ и серьезнымъ тономъ. — «Смотря по лѣтамъ, по сложенію, по состоянію здоровья и проч.,» отвѣчалъ я ему.

Вдругъ онъ мнѣ говоритъ: «Я вамъ очень благодаренъ. Вы одолжили меня, Вы меня вразумили; признаюсь, что я никогда не видалъ такъ ясно этой истины, и всегда думалъ, что при наказаніяхъ, вмѣсто смерти, такого разбора ненадобно. Вы меня убѣдили. Соглашаюся съ Вашимъ опредѣленіемъ и даю Вамъ слово никогда съ Вами не спорить.» Онъ подлинно сдержалъ его, и даже во время пущей своей злобы, наконецъ, противъ меня, не останавливалъ ни одного приговора Палатскаго.

Я рассказал сіе происшествіе, какъ достойное примѣчанія и по той чести, какую оно дѣлаетъ особливо самому не соглашавшемуся, и тѣмъ больше, чѣмъ онъ упрямѣ былъ и самолюбивѣ. Жаль только, что такія нужныя истины такъ поздно становятся знакомы людямъ, занимающимъ важнѣйшія въ государствѣ мѣста и управляющимъ нѣсколькими губерніями. И, конечно, ни одинъ изъ нихъ Графъ Брюсъ бывалъ въ подобномъ заблужденіи, но не многіе столь почтенно, какъ онъ, и съ такою пользою признавались въ ономъ.

Расположеніе его тѣснить меня, однако жъ, продолжалось, и думаю, отъ того сильнаго предубѣжденія, которому, какъ сказалъ я выше, не могъ онъ сопротивляться; всевозможныя выискивалъ онъ къ тому средства. Посадилъ въ Палату двухъ Членовъ, коимъ онъ покровительствовалъ, съ тѣмъ, чтобъ они всячески шли противъ меня. Но, не смотря на обѣщанныя имъ отъ него за то награды, и на ужасныя угрозы за противное, они всегда были со мною согласны.

Такое согласіе со мною, какъ въ это время, такъ и во всю бытность мою Предсѣдателемъ въ Палатѣ меня даже безпокоило. Часто пенялъ я за него моимъ товарищамъ, говоря: «Для чего никогда они не спорятъ? Не уже ль я никогда не ошибаюсь. А ошибки въ уголовныхъ дѣлахъ страшны?» Они всегда отвѣчали, что нельзя, и не смѣютъ спорить противъ справедливости и порядка. Можетъ быть они и пристрастны ко мнѣ были, но что я всѣми силами старался о правдѣ и порядкѣ, то истинно. Также отзывались самому покровителю своему два Члена, опредѣленные отъ него для войны со мною, при всѣхъ имъ отъ него ругательствахъ. Онъ наконецъ рѣшился наглѣмъ образомъ открыть свое гоненіе.

Пришло время производить въ Палатѣ то дѣло о купцахъ, о которомъ я описывалъ по случаю несогласія моего принять имянной указъ, не въ должномъ порядкѣ объявленной. Дѣло сіе было очень пространное и требовало еще пополнительнаго производства. Главнокомандующій вдругъ даетъ предложеніе, въ которомъ пишетъ, что дѣло оное отъ нерадѣнія присутствующихъ въ Палатѣ, и особливо Предсѣдателя, утопаетъ въ медленности; чтобъ оно непременно въ двѣ недѣли было рѣшено; а ежели не рѣшится въ это время, то Предсѣдатель и Члены отрѣшены будутъ.

По сему предложенію дѣлается справка, и на другой день подается Главнокомандующему отъ Палаты отвѣтъ, въ которомъ изясняется,

что дѣло, коего окончанія требуетъ онъ въ двѣ недѣли, въ одномъ экстрактѣ своемъ на тысячѣ листахъ и еще производствомъ не совсѣмъ окончано, а потому въ назначаемый имъ срокъ никакъ рѣшено быть не можетъ; что, впрочемъ, не имѣетъ онъ законнаго права назначать такихъ сроковъ, когда Генеральнымъ Регламентомъ на сочиненіе однихъ опредѣленій, по обширнымъ дѣламъ, дается времени шесть недѣль; что, наконецъ, исправность Палаты доказывается числомъ дѣлъ рѣшенныхъ съ начала ея открытія, изъ которыхъ ни одно не было остановлено Главнокомандующимъ и имъ самимъ. При такомъ отвѣтѣ вручилъ я Графу Брюсу, для представленія Сенату, и прозбу о увольненіи меня отъ службы.

Онъ ее принялъ, однако жъ не послалъ въ Сенатъ, а на первой почтѣ написалъ жестокою на меня жалобу Государынѣ: представилъ меня непослушнымъ, надмѣннымъ, упрямымъ и такимъ, надъ которымъ нужно оказать примѣръ строгости. Однако, Государыня съ кротостію, которая отличала ее, изволила только отвѣчать ему, чтобъ онъ «не оставилъ, призвавъ меня къ себѣ, объявить мнѣ отъ себя, что неприлично бы было преемника моего обременять такимъ дѣломъ, которое долженъ былъ рѣшить я самъ; чтобъ я остался рѣшить его, и что не буду я отставленъ прежде его рѣшенія».

Главнокомандующій на первой же почтѣ, получивъ отвѣтъ сей на его донесеніе, о которомъ я совсѣмъ и не зналъ, вмѣсто того, чтобъ призвать меня къ себѣ, велѣлъ въ Губернскомъ Правленіи объявить мнѣ оной указъ, съ изключеніемъ изъ него словъ отъ себя и съ прибавленіемъ въ предложеніи своихъ выговоровъ. Объявленіе такое въ присутствіи Правленія дѣлалъ мнѣ Губернаторъ. Я отвѣчалъ, что очень жалѣю, что нѣтъ въ присутствіи самаго Главнокомандующаго, и что я не могу ему лично сказать, что онъ самой дерзкой нарушитель закона, объявляя иманной и подписной указъ съ перемѣною словъ его, ибо я уже зналъ тогда точныя слова рескрипта; что Ея Величество, какъ мудрая Государыня и законодательница, конечно, не изволитъ столь торжественно отвергнуть никакого закона, особливо такъ важнаго, какъ есть указъ о вольности дворянства, позволяющій ему оставлять службу; но когда Ей угодно было исполнить мою прозбу, то Она о томъ имянно повелѣла Главнокомандующему объявить мнѣ только отъ себя; что, впрочемъ, повелѣніе сіе приемяю я знакомъ Высочайшей ко мнѣ довѣренности и

хорошаго обо мнѣ заключенія Ея Величества; ибо безъ того неестественно было бы оставлять меня въ службѣ для рѣшенія важныхъ дѣлъ.

Такимъ образомъ остался я предсѣдательствовать въ Палатѣ, въ которой, между прочими, рѣшилось черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и оное большое о купцахъ дѣло. По особливому уваженію его въ разсужденіи нѣкоторыхъ обстоятельствъ, и найпаче относительно къ Графу Захару Григорьевичу Чернышову, при коемъ оно началось, и котораго злоба и клевета хотѣли представить пристрастно въ немъ участвующимъ, приказано было отъ Государыни, чтобъ, когда оно рѣшится, то, ни въ какомъ случаѣ не приводя въ исполненіе приговора, представить его чрезъ Главнокомандующаго Ея Величеству. Тогдашній Главнокомандующій представилъ его съ мнѣніемъ своимъ противнымъ, но Государынѣ угодно было опредѣленіе Палаты, съ коимъ согласно рѣшилъ и Сенатъ по Ея волѣ.

Послѣ рѣшенія дѣла сего въ Палатѣ Графъ Брюсъ тотчасъ отослалъ удержанную имъ у себя прозьбу мою объ отставкѣ въ Сенатъ, съ прописаніемъ, вмѣсто аттестата, всего происшествія, и съ повтореніемъ своей на меня жалобы; однако я уволенъ былъ съ награжденіемъ чина Статскаго совѣтника. Сіе было въ Маѣ 1785 года.

КНИГА ВТОРАЯ.

Время отставки было для меня самое спокойное, самое приятное и самое интересное.

Проживъ лѣто, осень и половину зимы 1785 года въ деревнѣ съ отцомъ и братомъ моимъ, возвратились мы въ Москву, въ которой съ того времени жилъ я больше десяти лѣтъ сряду, внѣ ея не ночевавъ ни одной ночи. На первыхъ дняхъ нашего въ нее прїѣзду отецъ мой, имѣвъ слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ, лишился зрѣнія, и главнымъ упражненіемъ моимъ было попеченіе о семь родителяхъ, истинно добромъ и чадолубивомъ.

Свободные часы проводилъ я въ чтеніи духовныхъ книгъ, которыя стали тогда моими любимыми! * въ бесѣдахъ съ друзьями, имѣвшими ту же склонность, много занимался, какъ уже и за нѣсколько предъ

* Никогда не былъ еще я постояннымъ вольнодумцомъ, однако, кажется, больше старался утвердить себя въ вольнодумствѣ, нежели въ его безуміи, и охотно читывалъ Вольтеровы насмѣшки надъ религією, Руссовы опроверженія и прочія подобныя сочиненія. Весьма замѣчательной со мною случай переѣмнилъ вкусъ моего чтенія и рѣшительно отвратилъ меня отъ вольнодумства.

Читая извѣстную книгу *Systeme de la Nature*, съ восхищеніемъ читалъ я въ концѣ ея извлеченіе всей книги, подъ именемъ Устава природы (*Code de la Nature*). Я перевелъ уставъ этотъ, любовался своимъ переводомъ, но напечатать его нельзя было. Я расположился рассвѣтать его въ рукописяхъ. Но только что дописали первую самымъ красивымъ письмомъ, какъ вдругъ почувствовалъ я неописанное раскаяніе. Не могъ заснуть ночью, прежде нежели сжегъ я и красивую мою тетрадку, и черную. Но все я не былъ спокоенъ, пока не написалъ, какъ бы въ очищеніе себя, разсужденія о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и проч., которое въ первой разъ напечатано, помнится, въ 1780 году. Теперь у меня нѣтъ ни одного экземпляра. Вторымъ изданіемъ въ 1787 году, съ котораго напечатано въ нынѣшнемъ, 1809, въ Февральской книжкѣ ежемѣсячнаго изданія «Друга юности.»

тѣмъ лѣтъ, извѣстнымъ обществомъ, которое и по нынѣ называютъ Мартинистскимъ и о коемъ много было и есть странныхъ и ложныхъ заключеній, происходящихъ или отъ пристрастія, или отъ злобы, или отъ невѣжества. Мартинистскимъ же называли его по тому, что въ то же время, какъ оно сдѣлалось здѣсь извѣстнымъ, Мерсье, въ своей картинѣ Парижа, называлъ тамъ Мартинистами нѣкоторое число людей, съ особливымъ любопытствомъ занимавшихся чтеніемъ недавно вышедшей извѣстной книги *О заблужденіяхъ и истинѣ*, которая тогда же и у насъ была переведена и напечатана, и которой сочинитель былъ нѣкто *Ст.—Мартенъ*, мужъ почтенной своими знаніями и добродѣтелями.

Цѣль его общества была издавать книги духовныя и наставляющія въ нравственности истинно Евангельской, перевода глубочайшихъ о семъ писателей на иностранныхъ языкахъ и содѣйствовать хорошему воспитанію, помогая особливо готовящимся на проповѣдь слова Божія чрезъ удобнѣйшія средства пріобрѣтать знанія и качества, нужныя къ оному званію, для чего и воспитывались у насъ больше 50 семинаристовъ, которые отданы были отъ самихъ епархіальныхъ Архіереевъ, съ великою признательностію.

Члены общества сего упражнялись въ познаніи самаго себя, творенія и Творца, по правиламъ той науки, о которой говоритъ Соломонъ, въ книгѣ премудрости гл. VII, ст. 17 — 22 *, содержащимся въ Библии и въ писаніяхъ мужей, непосредственнымъ откровеніемъ просвѣщенныхъ отъ Бога, науки, открывающей начала всѣхъ вещей, безъ познанія коихъ никогда натура вещей истинно извѣстна быть не можетъ. Возможность же откровенія онаго во всѣ времена не сомнительна для всякаго разумнаго и вѣрующаго Христіанина, и самый нехристіанинъ, но только бытіе всемогущаго Бога не отвергающій и здравой имѣющій смыслъ, не можетъ отвергать возможности сей, безъ ощутительной прогрѣшности противъ разсудка.

Сіе произошло года за два до вступленія моего въ общество. Первыя же книги, родившія во мнѣ охоту къ чтенію духовныхъ, были: извѣстная «О заблужденіяхъ и истинѣ», и Арида «О истинномъ Христіянствѣ.» Сей бо даде мнѣ о сущихъ познаніе неложное, познати составленіе міра и дѣйствіе стихій, начало, и конецъ и средину временъ, возвратовъ премѣны и измѣненія временъ, лѣтъ круги и звѣзды расположенія, естество животныхъ и гнѣвъ звѣрей, вѣтровъ усиліе и помышленія челоуковъ, разство лѣторасленъ и силы корней.

Вотъ какое было наше упражненіе. Мы учились. Многимъ это казалось и покажется смѣшно, но простолюдинская поговорка: *Вльъ живи, вльъ учись*, гораздо умнѣе такого смѣха.

Когда человѣкъ сколько ни будь съ благоразуміемъ помыслить о бытіи своемъ, то поразится удивленіемъ, какъ мало люди, и самыми разумными сывущіе, занимаются тѣмъ, что необходимо нужно для вѣчнаго ихъ благополучія и для истиннаго блага въ самой адѣшной жизни, которое состоитъ въ томъ единомъ, чего никто и ничто лишить человѣка не можетъ.

Единое сіе заключается въ духѣ Христовомъ, долженствующемъ быть истинною жизнью человѣка; въ духѣ чистой любви къ Богу и ближнему, которая есть единственный источникъ совершенной добродѣтели.

Въ школахъ и на кафедрахъ твердятъ: Люби Бога, люби ближняго; но не воспитываютъ той природы, коей любовь сія свойственна, какъ бы разслабленнаго больнаго, не вытѣчивъ и не укрѣпивъ, заставляли ходить и работать.

Надобно человѣку, такъ сказать, морально переродиться: тогда Евангельская нравственность будетъ ему природна; тогда онъ будетъ любовію къ Богу любить ближняго, и очень возможно будетъ ему исполненіе заповѣди: обращать другую щеку, ударившему по одной, заповѣди, которой смыслъ есть, конечно, тотъ, чтобъ въ самомъ глубокомъ смиреніи и безъ гнѣва сносить обиды. Примѣръ чувствованій, съ какими сносимъ мы, порочны будучи, огорченіе и обиды отъ тѣхъ, коихъ мы любимъ по страстямъ нашимъ, легко можетъ объяснить намъ возможность неограниченнаго терпѣнія и любви къ ближнимъ и къ самымъ врагамъ своимъ у людей, имѣющихъ сердца, очищенныя Божественною добродѣтелью.

Сіе моральное перерожденіе, чрезъ которое только человѣкъ становится образцомъ и подобіемъ Божиимъ, и которое долженствуетъ быть главнымъ предметомъ всѣхъ уставовъ и упражненій Христіанской Церкви, не можетъ, конечно, произойти безъ дѣйствія силы всемогущей; но непремѣнно содѣйствовать оному должна и воля человѣческая, коей свобода дана отъ Бога, какъ даръ величайшій и особенно составляющій величіе человѣка. Самопознаніе долженствуетъ руководствовать оное содѣйствіе, открывая человѣку, сколь далеко онъ совратился съ пути истиннаго, съ пути нерушимаго блаженства своего. Познаніе Творца и творенія открываетъ человѣку связь

его съ ними и цѣль его созданія. Безъ сего познанія не можетъ быть основательное познаніе самаго себя. Безъ познанія же самаго себя не можно имѣть премудрости. Страхъ Божій есть начало ея. О семъ пишутъ и говорятъ при всякомъ воспитаніи, но ни мало не пекутся вселять спасительный страхъ сей въ души.

Здѣсь представляется вся глубина того паденія и забвенія, въ которомъ мы живемъ. Всякой скажетъ, что онъ ни мало не сомнѣвается въ томъ, что Богъ вездѣ, все знаетъ, все видитъ и все слышитъ; въ чемъ не можно, конечно, и сомнѣваться, не сомнѣваясь въ бытіи Божіемъ. Но ежели бъ имѣли мы въ сердцахъ истинную, какъ должно, къ сему вѣру, то какъ бы могли мы, зная, что всегда мыслимъ и дѣйствуемъ предъ очами Божіими, мыслить и дѣйствовать такимъ образомъ, какъ бы мы постыдились, или убоялись, и предъ челоукомъ цѣломудреннымъ, или почтеннымъ.

Не можно довольно съ самаго младенчества и до конца жизни воспитывать въ людяхъ оной святой навѣкъ ощущенія вездѣ присутствія Божія. Одно сіе ощущеніе можетъ раждать страхъ Божій, которой есть соль истинной добродѣтели, и коего совершенство должна быть любовь, побуждающая вести жизнь угодную Богу, не изъ страха наказаній отъ него, а изъ любви къ нему; подобно тому какъ дѣти, прямо любящіе родителей чадолюбивыхъ, опасаются огорчить ихъ не для того, что боятся ихъ наказаній. Они увѣрены въ ихъ любви, коей нѣжность оскорбить боятся.

Но самыя наказанія Божіи въ здѣшней жизни и по смерти суть только очистительныя дѣйствія любви его къ намъ, и слѣдствія нашей собственной нечистоты и грѣховъ нашихъ, какъ боль рѣза въ рукахъ врача бываетъ иногда необходимымъ и спасительнымъ средствомъ къ исцѣленію болѣзни, которая есть слѣдствіемъ порока и невоздержности.

Вотъ нѣкоторыя черты предмета, бывшаго у насъ общества и нашихъ въ немъ упражненій. Люди, какъ бы почитающіе себя за должность осуждать другихъ и порицать то, чего совѣмъ не знаютъ, распускали разныя о насъ толки. Шумъ былъ великъ, потому что людей такихъ много, и больше еще тѣхъ, которые столько же охотно вѣрятъ всякому дурному о другихъ, сколько не хотятъ повѣрить доброму.

Порочили особливо тайность общества и его собраній. Для чего, говорили, таино дѣлать хорошее? Отвѣтъ на это легокъ. Для чего

въ собраніяхъ, такъ называемыхъ, лутчихъ людей для пубрики, не только никогда не говорятъ, да и не можно говорить, о Богѣ, о добродѣтели, о вѣчности, о суетѣ жизни, о томъ, сколь порочны люди и какъ нужно имъ заботиться о нравственномъ своемъ исправленіи и проч?

Между тѣмъ коварство и алчность къ наградамъ за выслуги, на клеветѣ и вредѣ ближнему основанные, старались представлять насъ подозрительными и для спокойства общаго не безопасными. Такимъ образомъ дѣйствующихъ во мракѣ навітничества было не мало. Но одинъ хитрѣйшій на то время вельможа и царедворецъ, въ часы колебанія своего могущества, которое и въ немъ не могло быть безпрестанно неподвижнымъ, хотя при разныхъ переворотахъ и жизнь его скончалась среди блеску онаго, для поддержанія себя выдумалъ навлечь подозрѣніе на существовавшую будто связь съ обществомъ нашимъ у ближайшей къ престолу особы.

Искусно внуша такое подозрѣніе, искусно же не допускалъ онъ и до розыска, вѣроятно, для того, что, не имѣвъ сердца жестокаго, при всей своей политической нещадности, не хотѣлъ онъ жертвовать людьми, никакого зла ему не причинившими, каковыя жертвы подобные ему характеры приносятъ себѣ только тогда, когда сіе необходимо требуется ихъ интересами, для которыхъ они, кромѣ себя, всѣмъ жертвуютъ.

Сіе вѣроятно; а извѣстно то, что розыскъ бы обличилъ его выдумку, которая тогда обратилась бы во вредъ ему самому. И такъ онъ старался только питать вселенное имъ подозрѣніе, выставя себя за знающаго все, что въ государствѣ происходитъ, съ тѣмъ, что когда онъ хранитель особы Государыниной, то Ей нечего опасаться. Онъ все предъупредить.

По сему расположенію удерживалъ онъ отъ строгостей, и всѣ слѣдствія возбужденнаго подозрѣнія и гнѣва Государыни на общество, долго ограничивались тѣмъ, что нѣсколько разъ запечатаны были и пересматриваны изданныя нами книги, нѣкоторыя изъ нихъ запрещены и Н. И. Новиковъ отосланъ былъ на испытаніе въ замокъ къ Московскому Архіепископу, которой нашелъ его такимъ христианиномъ, какихъ бы желалъ онъ, чтобъ было больше. Сими словами доносилъ Преосвящ. Платонъ о порученномъ ему испытаніи.

Первое же дѣйствіе придворнаго негодованія на общество наше явно открылось противъ меня; и сіе-то было оное сильное предъ-

убиженіе, съ которымъ Графъ Брюсъ прїѣхалъ начальствовать въ Москву и конимъ; особливо побуждаясь, гналъ онъ меня, какъ я описывалъ.

По прїѣздѣ своемъ въ Москву не только обходился онъ со мною крайне ласково и учтиво, но даже увѣрялъ, и казалось искренно, въ желаніи имѣть самое короткое и прїятельское со мною знакомство, изъявляя при томъ особливое ко мнѣ уваженіе. Сіе продолжалось нѣсколько времени и послѣ разсказаннаго мною спора моего съ нимъ о числѣ ударовъ, при которомъ поступилъ онъ такъ похвально.

Но вдругъ Графъ Брюсъ говорить мнѣ на одинъ, что извѣстно, что я нахожусь въ ономъ обществѣ, и что хотя онъ самъ бывалъ въ подобномъ и зная всю святость его цѣли и упражненій, понесетъ онъ въ сердцѣ своемъ уваженіе къ нимъ и во гробъ (сіи были точныя его слова), однако въ нѣкоторыхъ чинахъ и лѣтахъ уже не пристойно симъ заниматься. «Естьли это таково, какъ Ваше Сіятельство оказывать изволите», отвѣчалъ я ему, «то мнѣ кажется, что чѣмъ больше лѣтъ и чиновъ имѣеть человекъ, и чѣмъ важнѣйшею обязанъ должностію, тѣмъ пристойнѣе и нужнѣе упражняться ему въ томъ, что его просвѣщаетъ, учить добродѣтели и заставляеть исполнять ея правила.»

Разговоръ нашъ былъ длинной и долго съ обѣихъ сторонъ довольно равнодушный. Предметъ его былъ тотъ, что Графъ Брюсъ настоятельно требовалъ, чтобъ я оставилъ общество и упражненія оныя, и что это будетъ угодно Государынѣ. «Волю ея о семъ, что ли», спросилъ я его, «объявляете Вы мнѣ?»—Нѣтъ, говорилъ онъ, но можете разумѣть, что не отъ себя говорю я Вамъ это. «Что жъ», отвѣчалъ я, «неужели Государыня изволить знать о моихъ связяхъ и упражненіяхъ? Я думаю, едва ли Ей извѣстно мое имя и существованіе на свѣтѣ». «Да», сказалъ онъ, «Вы Ей слишкомъ извѣстны, и она непременно требуетъ отъ васъ того, что вы отъ меня слышите.» — «Позвольте мнѣ усумниться», говорилъ я, «чтобъ такой мудрой Государынѣ было негодно такое доброе дѣло, какимъ и вы его признаете». «Да, Она не такъ думаетъ», отвѣчалъ онъ. — «Можетъ по тому», говорилъ я, «что оно Ей непрямо извѣстно; такъ стоитъ только ей объяснить; а объ дѣлахъ добрыхъ не только полезно, да и долгъ вѣрнаго подданнаго объяснять Государямъ правду.» — «Ты поди, объясняй Ей», сказалъ онъ мнѣ съ жаромъ, и съ очень сильнымъ, требовалъ моего согласія на его предложеніе.

Я говорилъ, что осмѣливаюсь сказать ему откровенно, и такъ, что онъ можетъ донести мои слова самой Государынѣ, что не могу я повѣрить, чтобъ Ея Величеству угодно было, чтобъ кто ни будь оставилъ столь хорошія упражненія. Естли жъ Она того желаетъ, по противному объ нихъ понятію, не имѣя способовъ получить истиннаго, то я думаю угождать въ такомъ случаѣ мыслямъ Ея была бы слабость и чувство, противное тому уваженію, какое имѣтъ естественно къ столь великой Государынѣ; и что великодушіе Ея представляю я себѣ въ столь высокомъ степени, что такіе то подлые угождатели должны быть Ей больше всего неуютны.

«Знайте жъ», сказалъ мнѣ Графъ мой голосомъ, дрожащимъ отъ досады, «что съ теперешней минуты буду я всякое вамъ зло дѣлать», и побѣжалъ вонъ, хлопнувъ дверью, а я спокойно побѣжалъ домой.

На другой день далъ онъ то грозное предложеніе Паматѣ, о коемъ я описывалъ, и къ дѣлу о купцахъ онъ только придрался. Принося на меня Государынѣ жалобу за поданное мною объясненіе и удержанную имъ прозбу мою объ отстаткѣ, описывая упрямство мое будто по службѣ, описалъ онъ, конечно, и съ отгѣнками еще своими, и послѣднюю между нами сцену. Государыня имѣла привычку его жаловать, и онъ къ ней писывалъ свободно.

И такъ въ концѣ 1784 года открылись давно уже продолжавшіяся негодованія и подозрѣнія Двора противъ нашего общества. Коварство, клевета, злоба, невѣжество и болтовство самой публики питали ихъ и подкрѣпляли. Одни представляли насъ совершенными святошами; другіе увѣряли, что у насъ въ системѣ заводятъ вольность; а это дѣлалось около времени Французской революціи. Третьи, что мы привлекаемъ къ себѣ народъ и въ такомъ намѣреніи щедро раздаемъ милостиню. Иные рассказывали, что мы бесѣдуемъ съ духами невѣря при томъ существованію духовъ, * и разныя разглашали нечестности, которымъ столько жъ неблагоразумно вѣрить, сколько непохвально распускать ихъ. Однако всѣ сіи слухи имѣли свое дѣйствіе, сколь ни были они ложны и одинъ другому противны; ибо и святые,

* Вѣруя, что есть Богъ, всемогущій творецъ, духъ непостижимый и, конечно, вездѣсущій, весьма безразсудно думать, что строенія его ограничиваются однимъ видимымъ нами твореніемъ, и не вѣрить бытію существъ невидимыхъ, а полагая бытіе оныхъ, безразсудно же не вѣрить, чтобъ они могли имѣть вліаніе на человѣковъ.

и бунтовщики, и проказники, и суевѣры, и замысловатые обманщики: всего этого, разсудя, нельзя связать хорошенько.

У страха, говорятъ, глава велики. Вотъ отъ чего прямо родились и возрасли негодованія оныя и подозрѣнія. А сему содѣйствовали довѣренность къ навѣтамъ, обычай слушать шпионовъ, которые должны необходимо лгать, потому что ежели они будутъ правду доносить о тѣхъ, коихъ подозрѣваютъ напрасно, то естественно потеряютъ несчастную къ нимъ довѣренность и съ нею корысть свою; обычай также полагаться на искусство полиціи, которая почти всегда строить свою фортуна на безпокойствѣ жителей, вмѣсто того, чтобъ ей сохранять ихъ покой.

Много также дѣйствовали предубѣжденіе и ненависть, которыми съ невѣжествомъ исполнены люди противъ строгой морали и всякой духовности, коими отличались издаваемые нами книги.

Всѣ сіе усилилось началомъ революціи въ Парижѣ въ 1789 году, которой произведеніе тогда приписывали тайнымъ обществамъ и системѣ философовъ; только ошибка въ этомъ заключеніи была та, что и общества оныя и система были совсѣмъ непохожи на наши. Нашего общества предметъ былъ добродѣтель и стараніе, исправляя себя, достигать ея совершенства, при сердечномъ убѣжденіи о совершенномъ ея въ насъ недостаткѣ; а система наша, что Христосъ начало и конецъ всякаго блаженства и добра въ здѣшней жизни и въ будущей. Той же философіи система — отвергать Христа, сомнѣваться въ безсмертіи души, едва вѣрить, что есть Богъ, и надуваться гордостію самолюбія. А обществъ оныхъ предметъ былъ: разговоръ буйства, побуждаемаго глупымъ стремленіемъ къ необузданности и неестественному равенству.

Но изъ того, что бываютъ тайныя общества вредныя, ни какъ не можно съ благоразуміемъ заключить, чтобъ не могли быть и полезныя. Извѣстны примѣры, что давали отраву въ Причастіи. Но что жъ изъ того заключить можно противъ Причастія? Мистеріи древнихъ служатъ сильнымъ доказательствомъ возможности добрыхъ и полезныхъ обществъ тайныхъ.

Впрочемъ, главною причиною революціи ставить самую оную философію и общества, похоже, мнѣ кажется, на то, какъ иногда больныя, изнуривъ себя и всѣ свои соки испортивъ невоздержностью и неосторожностью, не желая признаваться въ прямыхъ причинахъ своихъ болѣзней, стараются ихъ приписывать какимъ ни будь не важ-

нымъ постороннимъ случаямъ, въ коихъ они невинны и которые бы для нихъ совсѣмъ нечувствительны были, естли бъ разслабленое тѣло ихъ не было уже готово разрушиться.

Злоупотребленіе власти, ненасытность страстей въ управляющихъ, презрѣніе къ человѣчеству, угнетеніе народа, безвѣріе и развратность нравовъ: вотъ прямые и одни источники революцій. Всѣ законодательства, всѣ училища, всѣ устройства, безъ истиннаго живаго духа вѣры, безъ духа Христова, безъ свѣта премудрости Божіей, суть то для тѣла политическаго, что, безъ кровочистительныхъ, гѣкарства и пластыри, могущіе залѣчивать наружныя болячки для больнаго, у котораго кровь нечистотами испорчена.

Неудовольствія оныя правительства, подозрѣнія, скрытые при-смотръ полиціи, толки и шумы публики, то уменьшаясь, то прибавляясь, продолжались лѣтъ семь. Много имѣли мы непріятелей, а защитниковъ съ голосомъ никого, ни при Дворѣ, ни гдѣ. Мы столько были невинны, что и не старались оправдываться, а только при случаяхъ простоудшно говорили правду о цѣли и упражненіяхъ нашего общества, но намъ не вѣрили.

Хотя и собранія наши наконецъ пресѣклись, однако подозрѣніе на насъ ни сколько не уменьшилось. Открывали на почтѣ наши письма, и всѣхъ моихъ писемъ копіи, особливо къ одному тогда пріятелю, бывшему въ чужихъ краяхъ, отсылались къ Государынѣ. Я симъ ни мало не безпокоился, и зная, писалъ всегда такъ, какъ бы я говорилъ наодинѣ въ полной откровенности.

Однажды вздумалось мнѣ воспользоваться симъ обстоятельствомъ, чтобъ въ письмѣ къ моему пріятелю, стѣти расположа, описать все существо и дѣйствіе нашего общества, и такъ справедливо, что ни какими бы слѣдствіями и розысками инаго не могло открыться, потому что самъ сердцаевѣдецъ видѣлъ, что инаго не было. И подавно въ планѣ и общихъ дѣйствіяхъ нашего общества не было ни чего, кромѣ очень добраго и полезнаго для сердець нашихъ и для отечества. Естли же и были между нами частныя, въ обществахъ людскихъ неизбѣжныя, слабости, или ошибки, то они имѣли не больше вліянія на общее государство, какъ слабости и ошибки миллионновъ, составляющихъ его и подверженныхъ таковымъ недостаткамъ въ человѣчествѣ.

Въ письмѣ томъ къ пріятелю моему повторилъ я сказанное мною нѣкогда Графу Брюсу, что и Государя могутъ ошибаться, и что

ежели Государыня, не имѣя прямого понятія о какой ни будь доброй вещи, дурныхъ объ ней мыслей, то ни какъ нѣтъ долга соображаться съ такимъ Ея заключеніемъ, и угождать ему была бы величайшая подлость, измѣна въ душѣ правиламъ добродѣтели, грѣхъ предъ Богомъ и предъ Ея собственно истиннымъ величіемъ. Я написалъ сіе точно для того, чтобъ Она прочитала.

Еще изданіемъ и дубличною продажею нѣкотораго Катихизиса употребилъ я средство представить въ самыхъ истинныхъ и краткихъ чертахъ всѣ начала науки и нравственности нашего общества. Сіе мнѣ случилось нечаянно. Часто бывалъ я тогда у Преосвященнаго Платона, Митрополита Московскаго, котораго отличнымъ благорасположеніемъ я всегда пользовался. Онъ очень въ разговорахъ возставаъ противъ нашего общества, однако жъ разставались мы всегда пріятелями. Однажды разговаривая съ нимъ, при возраженіяхъ на его критику, родилась у меня мысль объ ономъ Катихизисѣ, и я его тутъ же составилъ такъ, что, пріѣхавъ домой, тотчасъ его написалъ и, переведа на Французской языкъ и напечатавъ его въ типографіи компаніи нашей, отдалъ знакомому книгопродавцу продавать, какъ новую книжку, полученную изъ чужихъ краевъ. Все сіе тогда извѣстно было только троимъ изъ самыхъ короткихъ моихъ.

Я помѣщу его здѣсь. Не зная, сходно ль это будетъ съ порядкомъ историческаго сочиненія, но я уже сказалъ, что я не ученый, слѣдовательно, несоблюденіе мною правилъ учености извинительно, особливо въ сихъ Запискахъ, которыя пишу только для пріятелей и для любопытныхъ, * изъ коихъ, можетъ быть, охотники до сказокъ будутъ быть мою читать тѣмъ охотнѣе, что это подлинно было, и тетрадка та можетъ быть пріятна будетъ ихъ любопытству. Вотъ она:

* Записки сіи диктовалъ я по вечерамъ, для проважденія времени, и никогда бы онѣ сочинены не были, естли бъ мнѣ писать своею рукою.

ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЙ
КАТИХИЗИСЪ
ИСТИННЫХЪ Ф-КЪ М-ВЪ.

—
Аще сынъ вы свободить, тогда свободни будете.
—

1. Истинный ли ты Ф. М.?

Мнѣ извѣстны та невидимая и неустроенная земля, и тѣ воды, на коихъ носился духъ великаго строителя вселенной при ея сотвореніи.

2. Чѣмъ найпаче отличается истинный Ф. М.?

Духомъ собратства который одинъ есть духъ съ Христіанскимъ.

3. Какая цѣль орд. истинныхъ Ф. М.?

Главная цѣль его таже, что и цѣль истиннаго Христіанства.

4. Какой главный долгъ истиннаго Ф. М.?

Любить Бога паче всего, и ближняго, какъ самого себя, или еще болѣе, по примѣру Св. Павла, который желалъ даже быть анаѣма и отлученъ быть отъ Иисуса Христа, ради своихъ братій. Рим. IX. 3.

5. Какое должно быть главное упражненіе (работа) истинныхъ Ф. М.?

Послѣдованіе Иисусу Христу.

6. Какія суть дѣйствительнѣйшія къ тому средства?

Молитва, упражненіе воли своей въ исполненіи заповѣдей Евангельскихъ, и умерщвленіе чувствъ лишеніемъ того, что ихъ наслаждаетъ; ибо истинный Ф. М. не въ иномъ чемъ долженъ находить

свое удовольствіе, какъ токмо въ исполненіи воли небеснаго Отца.

7) Гдѣ истинный Ф. М. долженъ совершать свою работу?

Посреди сего міра, не прикасаяся сердцемъ къ суетамъ его, и въ томъ состояніи, въ которое каждый былъ призванъ. 1 Кор. VII, 20.

8) Какія суть самыя вѣрныя знаки послѣдованія Иисусу Христу? Чистая любовь, преданность и крестъ.

9) На какой матеріи работаютъ мудрые отцы истинныхъ Ф-къ М-въ?

На той же, изъ которой все сотворено.

10) Въ чемъ состоятъ ихъ искусство?

Въ наукѣ вѣдать тайны Царствія Божія, кои другимъ сообщаютъ они въ притчахъ, поколику то нужно къ созиданію Царства сего.

11) Гдѣ мѣсто ихъ пребыванія?

Въ обновленномъ Едемѣ.

12) По чему таинство Ордена не можетъ быть всякому извѣстно?

По тому же, по чему не всякій можетъ видѣть и ощущать присутствіе Бога вездѣ сущаго.

13) Чѣмъ приобрѣтается оное таинство?

Возрожденіемъ.

14) Что открывається симъ таинствомъ?

То, чего око не видѣло и ухо не слышало, и на сердце чловѣку не всходило: сіе-то Богъ чрезъ таинство оное открываетъ возлюбленнымъ своимъ.

15) Всѣ ли Ф-къ М-ны должны искать онаго таинства?

Изучаясь познавать въ натурѣ пути, къ нему ведущіе, должны они всѣ искать, во первыхъ, Царствія Божія и правды его, и каждому изъ нихъ потребное приложится волею Божіею, которую одну любить должно.

16) Какихъ свойствъ долженъ быть тотъ, который можетъ получить (имѣть) оное таинство?

Онъ долженъ быть таковъ, что хотя бы имѣлъ способъ излѣчать всѣ болѣзни тѣла и жить нѣсколько сотъ лѣтъ, по примѣру древнихъ праотцевъ, совсѣмъ тѣмъ могъ бы терпѣливо сносить и не помогая себѣ жесточайшую боль, и быть въ готовности на завтра

умереть безъ роптанія; также чтобъ былъ готовъ сносить величайшую бѣдность, обладаючи способами производить богатства, превосходящія богатства всего міра, и имѣя средство бесѣдовать съ Ангелами, могъ бы смиренно пребывать въ глубочайшемъ невѣжествѣ, когда то угодно волѣ источника свѣта, и имѣя съ Іисусомъ Навиномъ силу остановить солнце, и съ Ілією отверзаты и затворять небо, считалъ бы себя менѣе всѣхъ, и могъ бы скитаться безъ роптанія по землѣ, не имѣя мѣста, гдѣ на оной преклонить главу свою. Однимъ словомъ, ни чѣмъ бы не желалъ наслаждаться, и на все бы рѣшился, естли бы оное потребно было для исполненія воли небеснаго своего Владыки.

17) Какая должность истиннаго Ф. М. въ разсужденіи своего Государя?

Онъ долженъ Царя чтить и во всякомъ страхѣ повиноваться ему, не токмо доброму и кроткому, но и строптивому. 1. Петр. II, 17, 18. Ефес. VI, 5, 7.

18) Какія обязанности въ разсужденіи властей управляющихъ?

Онъ долженъ быть покоренъ вышнимъ властямъ, не токмо изъ страха наказанія, но и по долгу совѣсти. Рим. XIII, 1 — 5.

19) Какая обязанность истиннаго Ф. М. въ разсужденіи внѣшняго Богослуженія?

Почитая его установленія и обряды, долженъ онъ прилѣжно ими пользоваться, какъ средствомъ для внутренняго; чему надлежитъ быть ихъ предметомъ во всѣхъ Христіанскихъ учрежденіяхъ Богослуженія внѣшняго.

20) Какъ истинный Ф. М. долженъ поступать съ подвластными ему?

Наиболѣе долженъ онъ пещись о ихъ вѣчномъ блаженствѣ, воспитывая ихъ во страхѣ и ученіи Господнемъ; обязанъ наблюдать между ними правду и уравниеніе, оказывать имъ снисхожденіе и обходиться съ ними безъ жестокости, памятуя, что всѣ имѣютъ общаго Владыку на небѣ, у котораго нѣтъ лицепріятія. Ефес. VI, 4, 9. Колос. IV, 1.

21) Какъ долженъ онъ поступать со всѣми людьми вообще?

Всѣхъ долженъ любить для Бога, желать имъ всѣмъ всякаго въ немъ блага, и вспомоствовать имъ сколько ему возможно.

22) Какъ онъ долженъ расположенъ быть противу своихъ враговъ?

Любить ихъ.

23) А противъ тѣхъ, кои клянуть его?

Благословить ихъ.

24) Какъ онъ долженъ поступать съ ненавидящими его?

Дѣлать имъ добро.

25) А съ тѣми, которые гонять его?

Молиться за нихъ.

26) Какъ долженъ истинный Ф. М. поступать съ тѣми, которые у него просятъ?

Онъ не долженъ отказывать тому, кто хочетъ у него занять; просящему долженъ давать; и когда даетъ милостыню, то чтобъ его лѣвая не знала, что дѣлаетъ правая. *

27) Что долженъ истинный Ф. М. дѣлать съ тѣмъ, кто хочетъ съ нимъ судиться и лишить его принадлежащаго ему?

Естли кто хочетъ съ нимъ судиться и отнять у него платье, то долженъ онъ отдать ему и рубашку; и естли кто пожелаетъ заставить его итти съ собою версту, то итти съ нимъ и двѣ. Мате. V, 40, 41.

28) Что долженъ онъ дѣлать съ тѣмъ, кто его обидить?

Естли кто ударить его по одной щекѣ, то онъ долженъ оборотить ему и другую.

29) Слѣдовательно, онъ не можетъ быть на войнѣ?

Истинный Ф. М. чтить Царя и повинуется властямъ управляющимъ.

30) Какое должно быть правило истиннаго Ф. М. въ исправленіи долга своего къ отечеству?

Зная, что не только каждое дѣйствіе и каждое слово, но даже каждая мысль, каждой взглядъ, каждый вздохъ, служить къ распро-

* Истинные Ф. М. должны наблюдать сіе правило во всѣхъ добрыхъ поступкахъ, также должны они молиться тайно, постясь, умащать главу свою и умывать лице, какъ сказано въ Евангеліи, и слѣдовать всѣмъ принятымъ въ общежителствѣ обычаямъ, какъ-то въ нарядахъ, въ обхожденіи, въ образѣ домашней жизни и проч., тому подобномъ, избѣгая и виду лицемерія. Мате. V, 42; VI, 3, 6.

страненію Царствія Божія, или къ сопротивленію оному, и имѣя непрестанно сіе въ виду, долженъ онъ помнить при всемъ, чтобы онъ ни дѣлалъ, что чрезъ оное могутъ открываться правда, или благодѣтельность Господня, котораго воля должна ему быть драгоцѣннѣе всего.

31) Какія чувства истинный Ф. М. долженъ имѣть къ своимъ родителямъ?

Долженъ ихъ почитать, слушать и любить (Ефес. VI, 1, 2), но такую любовь, которая бы не препятствовала ему быть ученикомъ Иисуса Христа, рекшаго: «Аще кто грядетъ по мнѣ, и не возненавидитъ отца своего и мать, и жену, и чадъ, и братія, и сестръ, еще же и душу свою, не можетъ мой быти ученикъ. Лук. XIV, 26, т. е., не можетъ быть истиннымъ послѣдователемъ Христовымъ тотъ, кто не только всѣми оными естественными связями, но даже и любовью къ самому себѣ и всякимъ къ себѣ прилѣпленіемъ жертвуетъ дѣятельному исполненію ученія Христова, и изъ ревности къ нему не возненавидитъ, или не отвергнетъ въ оныхъ всего того, что можетъ ему препятствовать.

32) Можетъ ли истинный Ф. М. жениться?

Богъ, видя, что человекъ утопаетъ во снѣ грѣховномъ, благоволилъ сотворить ему помощницу и, отдѣля отъ него натуру (часть) женскую, сдѣлалъ изъ оной жену. Быт. II, 21, 22.

Ученики Христовы услыша слова его о брачномъ состояніи, сказали ему: «лучше есть не жениться.» Онъ же рече имъ: «Не вси вмѣщаютъ словесе сего (не всѣ могутъ не жениться), но имъ же дано есть: суть бо скорцы, иже изъ чрева матерня родившася тако, и суть скорцы, иже скопидася отъ человекъ, и суть скорцы, иже исказиша сами себе Царствія ради Небеснаго. Могій вмѣстити, да вмѣститъ.» Мате. XIX, 10 — 12.

Въ откровеніи Іоанновомъ сказано, говоря о 144,000 ·искупленныхъ отъ земли: «Сіи суть, иже съ женами не осквернишася, зане дѣвственницы суть; сіи послѣдуютъ агнцу, амо же аще пойдетъ; сіи суть куплены отъ людей первенцы Богу и агнцу: и во устѣхъ ихъ не обрѣтется лъсть; безъ порока бо суть предъ престоломъ Божиимъ.» Апок. XIV, 4, 5.

Іовъ сказалъ: «Завѣтъ положихъ очима моима, да не помышлю на дѣвицу.» Гл. XXXI, 1. А св. Апостолъ Павелъ къ Коринейномъ говорить. «Хочу бо, да вси человекъцы будутъ, якоже и азъ (въ безбрачїи

и необщениі плотскомъ съ женами); ащели не удержатся (естыи похоти плотской воздержатъ не могутъ), да посягаютъ: лучше бо есть женитися, нежели разжизатися.» I. Кор. VII, 7 — 9.

33) Какъ истинный Ф. М. долженъ поступать съ своею женою? Долженъ ее любить, какъ Христосъ возлюбилъ Церковь, беречь ее и содержать, какъ свое собственное тѣло, и стараться, чтобъ она была освящена и омыта чистотою крещенія въ словѣ жизни. Ефес. V, 25, 26.

34) Какъ долженъ онъ воспитывать своихъ дѣтей?

Онъ долженъ, какъ скоро только возможно, начать воспитывать ихъ къ оному новому рожденію, безъ котораго не можно войти въ Царствіе Божіе, какъ говорить Христосъ. Іоан. III, 5.

35) Какъ истинный Ф. М. долженъ употреблять свое имѣніе?

Считая себя токмо орудіемъ Божіимъ, долженъ онъ знать, что всякая полушка можетъ служить или къ строенію дѣла Его и прославленію святаго имени Его на землѣ, или къ умноженію того, что оному препятствуетъ, и по сему долженъ поступать со вѣрнымъ ему имѣніемъ.

36) Какъ долженъ онъ поступать въ разсужденіи пици и питія?

Дѣлая все во славу Божію, долженъ тоже наблюдать и при вкушеніи пици и питія. I. Кор. X, 31; употреблять, долженъ умѣренно, не въ удовольствіе сластолюбія, но дабы только подкрѣпить тѣло, какъ храмину, которой надлежитъ быть яслями возрожденія и земною обителью истиннаго человѣка внутренняго и духовнаго, сотвореннаго по образу и по подобію Божескому. I. Кор. II, 14, 15.

37) Какимъ образомъ истинный Ф. М. долженъ готовиться къ смерти?

Непрестанно стараясь умирать грѣху. Рим. VI.

38) Когда начинается истинная работа въ нравственности?

Когда человѣкъ начнетъ совлекаться ветхаго Адама.

39) Когда она оканчивается?

Тогда, какъ ветхій Адамъ совлеченъ совершенно.

40) Когда престанетъ всякой трудъ и работа?

Когда не останется на земли ни единой воли, которая бы не совершенно предалась Богу; когда золотой вѣкъ, который Богъ хочетъ

прежде внутренне возстановить въ маломъ своемъ избранномъ народѣ, распространится вездѣ и явится внѣшне, и когда царство самой природы освободится отъ проклятій и возвратится въ средоточіе солнца.

Моимъ отмстити, да отмститъ.

Катихизисъ сей съ нѣкоторыми исключеніями и прибавками, по пристойности, назвавъ краткимъ изображеніемъ качествъ и должностей истиннаго Христіанства, присоединилъ я послѣ къ сочиненной мною въ то же почти время книгѣ, подъ названіемъ: *Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, о единомъ пути истины и о различныхъ путяхъ заблужденія и гибели*, которая два раза напечатана: первой разъ въ 1798, а второй въ 1801 году. Она переведена очень хорошо на Французскій языкъ, и сей переводъ также напечатанъ въ С.-Петербургѣ, а послѣ вышло оное изданіе въ Парижѣ съ аллегорическою картиною въ заглавіи моего сочиненія, изображающаго храмъ природы и благодати, съ моимъ же изъясненіемъ, которое на Русскомъ при картинѣ оной въ большомъ видѣ выгравировано въ Москвѣ. * Недавно картина сія съ Французскимъ изъясненіемъ наилучшимъ образомъ выгравирована въ Лондонѣ. Оной же Катихизисъ точно въ томъ содержаніи, въ какомъ онъ написанъ и здѣсь помѣщенъ, присоединилъ я къ сочиненной мною, охотникамъ извѣстной, піесѣ подъ именемъ *Духовный Рыцарь* или ищущій премудрости, которое сочиненіе диковиннымъ случилось образомъ.

Вдругъ за обѣдомъ пришла мнѣ объ немъ мысль. Отобѣдавши тотчасъ пошелъ я прогуливаться. Въ прогулкѣ составилъ весь планъ, и я, съ Покровки дошедши только до Ниренбергскихъ лавокъ, скорыми шагами воротился домой, принялся писать; почти не вставая съ мѣста, писалъ часовъ шесть, и кончилъ сіе сочиненіе, содержащее въ себѣ листа четыре печатныхъ въ 8-ку мелкими литерами.

Въ этой піесѣ краткими чертами представлены главные пункты Герметической науки, образъ ея святилица, ходъ внутренняго обновленія человѣка и начала самопознанія и глубокой морали.

Для того же предмета, для котораго издалъ я свой нравоучительный Катихизисъ, заставилъ я написать извѣстную книжку: *Кто*

* Самой хорошей переводъ книги сей на Нѣмецкомъ языкѣ сдѣланъ нѣкоторымъ Г. Эвальдомъ, и помѣщенъ въ его Христіанскомъ мѣсячномъ изданіи.

можетъ быть добрымъ гражданиномъ и подданнымъ върымъ? которая также переведена на Французской и пущена была въ продажу. Сочинилъ ее по моему плану самый ближайшій другъ мой, Иванъ Петровичъ Тургеневъ, сей честнѣйшій человѣкъ, коего память всегда любезна будетъ всѣмъ, его знавшимъ и любящимъ добродѣтель.

Сочиненіе мое *О внутренней Церкви*, хотя напечатано уже въ то время, когда печатаніе подобныхъ матерій весьма правительствомъ терпимо было, однако, познакомивъ со мною многихъ, которыхъ вниманіе должно быть для меня лестно, навлекло мнѣ много и непріятелей. Нѣкоторые изъ духовныхъ намѣревались было воздвигнуть на него гоненіе, но время имъ въ томъ не благопріятствовало.

Для меня же сочиненіе сей книги будетъ всегдашнимъ утѣшеніемъ, потому что ощутительная мнѣ помощь Божія въ сочиненіи семъ, удостовѣряетъ меня въ его пользѣ. При всемъ томъ, однако жъ, очень умножилось удовольствіе мое отъ сдѣланнаго одобренія Г. Эккартсгаузеномъ, который называлъ книгу сію драгоценною и истинною мудростью исполненною. Признаюсь также откровенно, что удовольствію оному причиною сколько самолюбіе мое, которое весьма еще далеко отъ своей смерти, сей единственной совершительницы чистой добродѣтели, столько же и подкрѣпленіе въ ономъ увѣреніи о пользѣ книги, какое естественно быть должно отъ такого мужа, коего по справедливости можно считать изъ величайшихъ свѣтилъ Божественнаго просвѣщенія, извѣстныхъ въ нашемъ времени.

Вниманіе его ко мнѣ всегда будетъ очень лестно для меня. И смиренію — у него бы мнѣ учиться надобно. Онъ писалъ ко мнѣ послѣднее, можетъ быть, въ жизни своей письмо, писалъ дней за десять до своей смерти, и прислалъ ко мнѣ въ манускриптѣ послѣднее же, думаю, сочиненіе свое о согласіи внѣшнихъ законовъ природы съ внутренними законами духа, подъ названіемъ: *Наставленіе Клоаса, жреца природы, Софрониуму*. Въ письмѣ томъ пишетъ, что ежели сіе его сочиненіе заслужитъ мое одобреніе, то онъ будетъ продолжать его. Читая сіе я покраснѣлся, при всемъ столь живомъ, какъ сказалъ я выше, самолюбіи моемъ.

Оное сочиненіе Г. Эккартсгаузена нѣчто совершенное въ своемъ родѣ, и впрочемъ превосходящее всякую похвалу мою, переведенное на Русской языкъ, помѣщено въ отрывкахъ изъ его сочиненій, изданныхъ другомъ моимъ, Александромъ Федоровичемъ Лабзинымъ, которой перевелъ и напечаталъ многія сочиненія сего великаго мужа,

какъ и другихъ подобныхъ, и коего труды въ изданіи книгъ, споспѣшествующихъ распространенію свѣта Божественной мудрости и назиданію глубокаго Христіанства, при дѣятельности, великодушномъ твердостью примѣрной, по всей справедливости обязываютъ къ нему почтеніемъ и признательностью всѣхъ любителей истины и просвѣщенія сердечнаго. Одно изданіе извѣстнаго *Сіонскаго Вѣстника* должно дѣлать имя его любезнымъ и безсмертнымъ.

Книгу О внутренней Церкви сочинялъ я въ 1789 году, оправляясь послѣ жестокой болѣзни, и многое изъ нея написано мною карандашемъ, въ старомъ саду Графа Разумовскаго, что на Гороховомъ Полѣ, которой тогда открытъ былъ для народнаго гулянья и въ которомъ я часто прохаживался.

Неожиданный переломъ болѣзни оной къ совершенному выздоровленію стоитъ того, чтобъ описать его. Всѣ знающіе, какъ дѣйство силы милосердія Божія чрезъ вѣру и раствореніе сердца любовью разливается и на физическую натуру, съ удовольствіемъ, конечно, прочтуть сіе описаніе.

Отъ простуды сдѣлалась у меня, при безпрестанномъ почти кашлѣ, боль въ груди и въ боку и нѣсколько недѣль продолжалась уже изнурительная лихорадка (*fièvre lente*), вѣрная предвѣстница чахотки, которую медяки, и въ числѣ ихъ одинъ искренній мой пріятель, мнѣ и объявили рѣшительно, успокоивая только меня тѣмъ, что въ разсужденіи лѣтъ моихъ, уже не самыхъ молодыхъ, могу еще я нѣсколько ихъ прокашлять.

Занемогъ я въ Великой постѣ. На Страстной недѣлѣ семейство наше всегда имѣло обычай говѣть. Отецъ мой, въ разслабленномъ его состояніи, не могъ ѣздить въ церковь, и причащался дома. По болѣзни своей, и я также дома долженъ былъ тогда причаститься, послѣ обѣдни. Въ день причастія долго утромъ пролежалъ я отъ болѣзни въ постели, насилу всталъ. Между тѣмъ торопили меня итти къ отцу моему въ спальню слушать правило. Все это тревожило нетерпѣніе, больному еще больше свойственное. Отслушавъ правило, пришелъ въ свои комнаты одѣваться. Я спѣшу, а камердинеръ мой еще и умываться мнѣ не приготовилъ. Разсердился я до изступленія, ругалъ его, не билъ только отъ говорившаго еще нѣсколько во мнѣ чувства долговременной любви къ нему и вниманія по отличнo хорошему его поведенію. Но брань моя была таковыми язвительными словами, что побой легче бы ему, конечно, былъ.

Онъ дрожалъ, блѣднѣлъ, синія пятна показывались на лицѣ его. Увидѣвъ это, почувствовалъ я вдругъ всю мерзость моего поступка и, залившись слезами, бросился въ ноги къ моему камердинеру. Можно себѣ представить, какая это была сцена.

Тутъ мнѣ сказали, что священникъ пришелъ съ дарами. Я пошелъ въ слезахъ же и рыдая причащался, и причастился подлинно.

Проводя священника, легъ я отдохнуть. Уснулъ съ часъ и проснувшись, почувствовалъ въ тѣлѣ моемъ такую теплоту здоровья, какой медики уже для меня въ натурѣ не предполагали. Словомъ, я проснулся здоровъ.

Скоро послѣ того прѣхалъ ординарный дома нашего докторъ. Посмотрѣвъ у меня пульсъ, удивился: «Вы совсѣмъ здоровы, говорилъ онъ мнѣ; въ пульсѣ Вашемъ не только уже нѣтъ ни сколько лихорадки, да онъ такой чистой и свѣжій, какъ бы у самаго здороваго человѣка. Ну, радъ я, прибавилъ онъ, что порошки мои такъ Вамъ помогли; однако скорость перемѣны необыкновенная.

Надобно примѣтить, что онъ мнѣ лѣкарства выписывалъ, а я ихъ не принималъ, и всѣ уже тогда давно оставилъ. За нѣсколько дней предъ тѣмъ принялъ бымо я одинъ именно изъ тѣхъ, по его мнѣнью, цѣлительнѣйшихъ порошковъ его, но у меня пошла кровь горломъ, и одинъ медикъ, который по пріязни меня всякой день посѣщалъ, совѣтовалъ ихъ не принимать, какъ могущихъ ускорить разрушительныя слѣдствія моей болѣзни.

Такимъ образомъ я совершенно выздоровѣлъ отъ болѣзни смертельной; только слабость нѣкоторая продолжалась почти все лѣто.

Поютъ: Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ; но ежели можно осмѣлится сказать, то онъ еще дивнѣе въ грѣшникахъ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Обратимся къ такъ называемой исторіи Мартинистовъ въ Москвѣ.

Подозрѣнія шпіонства и всѣ виды притѣсненія обществу нашему до крайней степени возрасли при вступленіи въ управленіе оною столицею Князя Прозоровскаго, смѣнившаго Петра Дмитріевича Еропкина, которой былъ человекъ разумной, богобоязливой и самыхъ честныхъ правилъ, а потому и дѣлалъ онъ развѣ только то, что необходимо принужденъ былъ дѣлать, исполняя порученія.

Портрета Князя Прозоровскаго писать я не буду, для того, чтобъ не дать какъ ни будь нищи своему пристрастію; ибо онъ такъ много былъ лично противъ меня, какъ только бы можно быть противъ своего злодѣя человекъ, не имѣющему даже понятія о томъ, что должно прощать врага своего; а я не только никогда ему зла не желалъ, не дѣлалъ и не могъ дѣлать, да и сердить на него не бывалъ. Его же такого непріязненнаго ко мнѣ расположенія, кромѣ многихъ доказательствъ, видѣлъ я одно самое сильное въ своеручныхъ его письмахъ, кои писалъ онъ тогда въ глубочайшемъ секретѣ и, конечно, не воображалъ, чтобъ я могъ когда ни будь ихъ читать.

Напрасно, однако жъ, думаютъ, чтобъ Князь сей былъ причиною всего того, что мы наконецъ потерпѣли. Нѣтъ. При описанномъ уже мною расположеніи Государыни, это было дѣйствіе замысловатѣйшихъ и сильнѣйшихъ при Дворѣ, нежели онъ, которые дѣйствіе сіе вмѣщали въ планъ упрочиванія и большаго со временемъ возвышенія своей фортуны, а Князя Прозоровскаго только выставляли и употребляли, какъ самое надежное, по характеру его, орудіе.

И подлинно, онъ вездѣ видѣлъ зло и опасность. Особливо подозрѣвалъ онъ раздачу милостыни. Обо мнѣ отзывался, между прочимъ, что я такъ много ея раздаю, что едва ли не дѣлаю фальшивыхъ ассигнацій, и даже, какъ я слышалъ отъ людей, весьма вѣроятія достойныхъ, навлекалъ въ томъ на меня сомнѣніе, приплетая тутъ и типографію, которая была нѣкогда подъ моимъ именемъ, и тогда

давно уже не существовала. А что представлялъ онъ меня человѣкомъ не безопаснымъ для общественнаго покоя, то видѣлъ я въ оныхъ его своеручныхъ письмахъ.

Кстати о милостыни. Странно, какъ очень многіе противъ ея умствуютъ. Главная тому причина, кажется, желаніе оправдывать свое нехотѣніе подавать ее.

Правительству, конечно, нужно и должно стараться, чтобъ нищія не шатались по улицамъ и по дорогамъ; однако такими средствами устройства, чтобъ, во первыхъ, не было ихъ, естли то можно, и наконецъ, чтобъ ихъ переведа, не сдѣлать вдвое несчастныхъ, то есть, чтобъ не лишать людей сихъ единственнаго способа къ пропитанію, и притомъ еще съ притѣсненіемъ.

Но частному человѣку, имѣющему въ сердцѣ хотя искру любви къ ближнему, какъ отказать ему въ помощи? Какая можетъ быть въ томъ ошибка, что поданныхъ нѣсколько копѣекъ иной пропеть? А ежели отъ сдѣланнаго по сему отказа иногда человѣкъ долженъ будетъ сутки, или больше, терпѣть голодь, или покусится на преступленіе, или замараеть душу свою ропотомъ на судьбу, то каково должно это быть душѣ того, кто откажетъ, ежели въ ней есть чувствительность истиннаго человѣколюбія?

И мнѣ случалось иногда отказывать и съ нѣкорою досадою по тому, что просящій милостыни покажется мнѣ пьянымъ; однако признаюсь, я всегда очень радъ бывалъ, когда въ такомъ случаѣ, воротивъ того, кому отказалъ, заслуживалъ ему, и себя какъ бы наказывалъ дачею ему вдвое, говоря себѣ въ мысляхъ: Что! Развѣ ты самъ не преступалъ никогда предѣловъ трезвенности, и развѣ бѣдному и подлинно крайнюю нужду имѣющему не можетъ случиться лишнее выпить?

Впрочемъ, я въ себѣ расположеніе къ милостыни никакъ не считаю добродѣтелью. Это во мнѣ природная склонность, какъ въ иныхъ бываетъ къ разнымъ скотамъ. Дѣлать удовольствіе людямъ всегда была страсть моя. Будучи еще ребенкомъ, я нарочно проигрывалъ мальчику, служившему при мнѣ, деньги, какія у меня случались—и любовался его о томъ радостью.

Но съ того времени, какъ я, по щастію, узналъ, въ чемъ состоитъ истинная добродѣтель, уже я старался склонность оную обращать на исполненіе закона сей добродѣтели, чувствами дѣланія для угожденія источнику любви, которой повелѣлъ: *прослице му давать*. По-

мощь ближнему, при стараніи дѣлать ее изъ искренняго къ нему состраданія и для Бога, особливо воспитываетъ духъ въ чистой любви, которая есть магнитъ, привлекающій вездѣсущаго Духа Божія, готоваго всегда соединиться съ духомъ человѣческимъ; а въ семь соединеній состоитъ все истинное просвѣщеніе и блаженство.

Въ такомъ расположеніи милостыня всегда бываетъ полезна дающему, естли бь она и не нужна была тому, кому подается, какъ, напротивъ, благодареніе, сдѣланное въ прямую пользу того, кому оно сдѣлано, но изъ тщеславія, или самолюбія, ни сколько не приноситъ благословенія благодарителю, и не только не удобряетъ сердца его, но еще ожесточаетъ его въ самолюбіи, которое есть корень всѣхъ въ человѣкѣ пороковъ, и коего владычеству должно совсѣмъ истребится, дабы Духъ Божій воцарился въ человѣка.

Но Князь Прозоровскій отмѣнной былъ неохотникъ до такой морали, и подаватели милостыни казались ему бунтовщиками. Представленія его не усиливали, конечно, нѣсколько, уже лѣтъ постоянно существовавшего противъ насъ расположенія, но естественно, что частыми напоминаніями питали его.

Въ началѣ 1791 года Князь Безбородко, бывшій тогда Графомъ, подъ видомъ прогулки, пріѣзжалъ въ Москву съ Николаемъ Петровичемъ Архаровымъ для того, чтобъ произвести надъ нами слѣдствіе, съ указомъ о томъ Князю Прозоровскому, какъ Главнокомандующему въ Москвѣ. Врученіе указа сего для исполненія предоставлено было усмотрѣнію на мѣстѣ Князю Безбородку. Однако онъ подлинно прогулявъ нѣсколько недѣль въ Москвѣ, возвратясь, ничего не предпринимая, и не отдававъ указа Князю Прозоровскому, какъ слышалъ я отъ самаго послѣдняго, при сѣтованіи за то на Князя Безбородка.

Безбородко ни къ чему не приступилъ, по своей проницательности, по мягкосердечію своему и можетъ быть по нѣкоторымъ личнымъ уваженіямъ дворскимъ. Впрочемъ, онъ и по разсужденію своему былъ совершенно противъ всего того, что съ нами дѣлали, и послѣ мнѣ даже говорилъ почти при первомъ свиданіи знакомства его со мною (въ 1794 году), еще при жизни Государыни, когда я жилъ въ отставкѣ и подъ нѣкоторымъ присмотромъ, что дѣло сіе не соотвѣтственно ея славі.

Но не могъ онъ, или не имѣлъ довольно твердости, не исполнить сдѣланнаго ему порученія, какъ ненужнаго, а представилъ причину неудобности исполнить его и такую, которая на нѣсколько мѣся-

цевъ удержала слѣдствіе, но подозрѣніе умножила до крайности. Онъ сказалъ, что я сжегъ бумаги, и что чрезъ то скрылись слѣды къ уликѣ и къ основательному изслѣдованію. Съ чего же это онъ взялъ, о томъ я расскажу, какъ о весьма достойномъ примѣчаніи съ той стороны, что иногда самые невинные поступки, по связи съ обстоятельствами, могутъ имѣть всѣ виды подозрѣнія и неоправдательнаго. Сіе особливо полезно для вниманія судей въ дѣлахъ уголовныхъ.

Имѣвъ большую дирекцію и большую переписку по обществу нашему, имѣлъ я у себя много и бумагъ такого рода. Собираясь переходить въ новые комнаты, хотѣлъ я очистить свои бюро, и разобравъ бумаги, нѣсколько лѣтъ копившіяся, драгъ и жегъ самыя неважныя и ненужныя, а нужнѣйшія и важнѣйшія оставлялъ, и теперь могу помясться, что точно такъ было. Сіе дѣлалось мѣсяца за три до пріѣзда Князя Безбородка и когда я не ожидалъ никакого слѣдствія, особливо обыска въ домѣ отца моего, съ которымъ я жилъ всегда вмѣстѣ; шпіонство, окружавшее насъ, о семъ донесло. Князь Прозоровскій принялъ это по своему, а Безбородко узнавъ, обрадовался этому случаю, по своимъ же видамъ, и совѣмъ инымъ.

Я и не подозрѣвалъ того: и вотъ какъ сперва свѣдалъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отъѣзда Князя Безбородка, разговаривая на единѣ съ Графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ-Чесменскимъ о происходящемъ противъ нашего общества, говорилъ я ему, что мнѣ удивительно, какъ Государыня, при отлично великомъ умѣ своемъ и чрезвычайной проничательности, не можетъ открыть невинность нашего общества и успокоиться отъ напрасныхъ на него подозрѣній, что самой обыкновенной, только опытной взоръ полицейской увидѣтъ это можетъ, что дѣйствія наши явныя, и по нихъ судить можно.

Мы воспитывали, говорилъ я, нѣсколько молодыхъ людей; стоитъ только изслѣдовать образъ мыслей, которой мы старались имъ вселить. Мы издали много книгъ. Конечно, на каждой страницѣ, естли не на каждой строкѣ, почти каждой изъ нихъ найдете вы поученіе. что надобно истреблять въ себѣ самолюбіе, смиряться, все сносить, принимая все отъ руки Божіей, покоряться властямъ, какъ отъ него поставленнымъ и тому подобное. Что можно не понимая, или не любя такихъ правилъ, ихъ оуждать; но не сходно съ разсудкомъ, внушающихъ такія правила подозрѣвать въ замыслахъ

мятежническихъ. Пусть можно ими закрываться затѣйщикамъ, притворно проповѣдуя ихъ иногда словами, обкладывая себя такими книгами; но такъ усердно и прилѣжно разсѣвать ихъ чрезъ такое множество книгъ въ народѣ, было бы точно притуплять свои орудія и дѣйствовать совершенно противъ себя; что можно провѣдать о свойствахъ и поведеніи составляющихъ общество, и увидѣли бы, что они не хуже лучшихъ изъ прочихъ; и что тѣ, которые въ службѣ изъ нихъ, отправляютъ ее не хуже и не съ меньшимъ усердіемъ, нежели другіе. Что можно нечаянно схватить наши бумаги.

При семь-то Графъ, которой меня лично столько же любилъ, сколько былъ противъ общества нашего и правилъ его, а по связямъ большой близости своей тогдашней къ Двору многое зналъ, и во многомъ скрытно участвовалъ, и при семь дѣлъ сказалъ мнѣ: Какія же схватить бумаги, когда ты ихъ созрешь?—Почему жъ, говорю, думать, что ихъ жгутъ? — Да ты первой, отвѣчалъ онъ мнѣ, сжегъ, предъ прїѣздомъ сюда Безбородка съ Архаровымъ.

И истинно даже и забылъ, что жегъ бумаги, какъ описывалъ выше, и долго увѣрялъ его, что этого не бывало, но онъ разсказалъ мнѣ даже почти часы тѣ и положеніе мѣста. Я вспомнилъ и разсказалъ ему, что такое подлинно было, и что совсѣмъ на-противъ; что я жегъ только самое ненужное и напрасно занимавшее у меня ящички, а самое интересное и нужное у меня цѣло, и я могу то доказать. Однако, онъ, при всей любви своей ко мнѣ и отлично хорошемъ обо мнѣ заключеніи, этому не вѣрилъ, и умеръ съ тѣмъ.

Вотъ, какъ откровенность коварствомъ, и самое обыкновенное, ничего незначущее, дѣйствіе, важнымъ и злымъ казаться могутъ.

Наконецъ, въ Апрельѣ 1792 года рѣшилось много разъ и нѣсколько лѣтъ предпріемлемое пораженіе нашего общества.

Вдругъ всѣ книжныя лавки въ Москвѣ запечатали, также типографію и книжные магазины Новикова, и дома его наполнили солдатами, и онъ изъ подъ Московной взятъ былъ подъ тайную стражу съ крайними предосторожностями и съ такими воинскими нарядами, какъ будто на волоскѣ тутъ висѣла цѣлость всей Москвы.

Остро и смѣшно при семь случаѣ сказалъ Графъ Кирилль Григорьевичъ Разумовскій Князю Прозоровскому, который ему разсказывалъ о важности ареста Новикова и о всѣхъ своихъ къ тому распоряженіяхъ: «Вотъ расхвастался, какъ городъ взялъ старичонку, скор-

ченнаго гемороидами, взялъ подъ караулъ; да одного бы десятицаго, или будошника, за нимъ послать, такъ бы и притащилъ его».

Новиковъ содержался недѣли три въ Москвѣ, и потомъ отвезенъ окольными дорогами въ Шлиссельбургъ. Его везли на Ярославль и на Тихвинъ. Приставу отъ Князя Прозоровскаго предписано было съ особливою опасностію проѣзжать Ярославль, потому, де, что въ немъ была нѣкогда Масонская ложа, подъ покровительствомъ бывшаго тамъ Генераль Губернаторомъ Алексѣя Петровича Мельгунова, котораго тогда и съ ложею уже нѣсколько лѣтъ на свѣтъ не было. Я описываю подробности сіи для того, чтобъ представить, какъ дѣйствовали. Можно прямо сказать, что съ тѣнью своею сражались.

Въ Петербургъ Новиковъ ни на часъ привезенъ не былъ, а извѣстной Шепяковской ѣздилъ его допрашивать въ Шлиссельбургъ. Мѣсяца три ничего не открывалось о томъ, что тамъ происходило: и вдругъ Князь Прозоровской получилъ секретной имянной указъ, чтобъ Князя Николая Никитича Трубецкаго, Ивана Петровича Тургенева и меня, какъ главныхъ сообщниковъ, допросить, по приложеннымъ отъ Государыни пунктамъ, и потомъ объявить намъ ссылку на житье въ дальнихъ отъ Москвы деревняхъ, подъ присмотромъ и безъ выѣзду изъ тѣхъ губерній, въ которыя мы отправимся.

Тургенева тогда не было въ Москвѣ. Послѣ очень скорого окончанія въ одно утро допроса Трубецкому, призвалъ для онаго же Прозоровской меня късебѣ. Я очень спокойно принялъ этотъ призывъ и поѣхалъ съ присланнымъ за мною его Генеральсь-Адъютантомъ, которой крайне удивляясь моему спокойствію, простодушно говорилъ мнѣ, что онъ, видя меня, совершенно увѣренъ въ моей невинности. Спокойство мое не заслуживало удивленія; ибо оно подлинно, при невинности, естественно было: и напрасно многіе думаютъ, что безъ вины страдать тяжело. При чувствахъ совѣсти вина, конечно, тяжело казни, а невинность въ чловѣкѣ немалодушномъ или торжествуеть, или спокойна.

Безпокоила меня только мысль о томъ, что происходящее со мною можетъ поразить отца моего, которой тогда имѣлъ уже около девяноста лѣтъ и, лишенный зрѣнія, былъ въ крайней слабости тѣла, кромѣ головы, коей здравость сохранилась въ немъ почти до послѣдняго часа его жизни; а для того и старался я все отъ него скрывать.

Князь Прозоровской приступилъ къ допросу моему съ весьма строгими изъясненіями о важности дѣла. Я имѣлъ честь быть главнымъ цѣлью его Сіятельства. Онъ ожидалъ раскрыть во мнѣ превеликаго злодѣя Государственнаго и надѣялся, что доведется меня арестовать, что ему позволено было, естли бь открылось что ни будь важнѣйшее изъ нашихъ допросовъ и изъ бумагъ, кои ведѣно отъ насъ отобрать. Но какъ уже было предъубѣжденіе, что бумаги сожены, то въ допросныхъ пунктахъ сказано было только, чтобъ мы при семъ представили наши бумаги, подь страхомъ смертной казни за малѣйшую утайку.

И такъ ласкаясь, что доведется оказать со мною всевозможныя строгости. Князь Прозоровской призвалъ къ себѣ въ Петровской подѣздной дворецъ, гдѣ онъ тогда жилъ, и гдѣ все сіе происходило, Оберъ-Полицмейстера очень скрытно, и посадилъ его одного въ особую комнату, часу въ пятомъ послѣ обѣда, въ которомъ и я къ нему пріѣхалъ. Занимаясь со мною, забылъ Князь объ Оберъ-Полицмейстерѣ, которой, въ ожиданіи приказа, просидѣлъ одинъ до полуночи безъ свѣчъ. Забыли, или не смѣли къ нему ихъ внести, а это дѣлалось уже въ Августѣ. Князь противъ чаянія своего не нашелъ ему упражненія со мною, отпустилъ его домой съ извиненіемъ, что такъ продержалъ его. Это мнѣ сказывалъ самъ тогдашній Оберъ-Полицмейстеръ, признаваясь, что не одну сотню бранныхъ словъ, которыхъ непристойно пересказывать, отпустилъ онъ въ потемкахъ намъ съ Княземъ Прозоровскимъ.

Предисловіе Князя сего къ допросу было предлинное, гораздо свысока и жестко. Наскучивъ, сказалъ я ему, что когда онъ имѣеть отъ Государыни указъ и вопросные мнѣ пункты, то, я думаю, ему слѣдуетъ только по нихъ исполнять, а отъ себя прибавлять, кажется, излишній только трудъ для него будетъ: прошу мнѣ дать пункты, такъ я буду отвѣчать.—Очень хорошо, говорилъ онъ, спрашивая меня, самъ ли я буду писать отвѣты, или позвать Секретаря, и весьма уже смягчился.—Я бы желалъ самъ писать, ежели можно, сказалъ я, но только не знаю, не много ли будетъ помарокъ.—Тѣмъ лучше, отвѣчалъ онъ мнѣ: ибо мнѣ приказано прислать отвѣты Ваши въ чернѣ, и точно въ такомъ видѣ, какъ они напишутся.—И подлинно ему такъ предписано было.

Все сіе происходило у насъ съ нимъ на одинѣ, въ его кабинетѣ. Я сѣлъ за его бюро и началъ писать на лучшей съ золотымъ обрѣ-

земь приготовленной для того бумагъ, очень по рукѣ очиненными перьями. Онъ давалъ мнѣ на особливыхъ листахъ списанные пунктъ за пунктомъ такъ, чтобъ отвѣчая на одинъ, не зналъ я содержанія слѣдующаго. Всѣхъ пунктѡвъ было, помнится, осьмнадцать, а въ отвѣты на нихъ изписалъ я кругомъ 20 листовъ, и безъ одной пометки; въ двухъ мѣстахъ поправилъ только по одному слову, поставя тѣ, которыя мнѣ казались складнѣе. Сего, конечно, при всемъ самолюбіи, нельзя мнѣ приписать моему искусству, или уму.

Вопросы сочинены были очень тщательно. Сама Государыня изволила поправлять ихъ и свои вмѣщать слова. Все мѣтилось на подозрѣніе связей съ тою ближайшею къ престолу особою, какъ я упоминалъ выше; прочее же было, такъ сказать, подобрано только для расширения завѣсы.

Въ четвертомъ, или пятомъ, пунктѣ началась эта матерія, и Князь Прозоровской, отдавая мнѣ его дрожащею, правда не множко, рукою, такимъ же голосомъ говорилъ: «Посмотрю, что Вы на это скажете?» — «О! на это отвѣчать всего легче», сказалъ я, и написалъ отвѣтъ мой такъ справедливо и оправдательно, что послѣ много сіе, конечно, участвовадо въ причинахъ благоволенія ко мнѣ оной высокой особы. Князь Прозоровской, прочитавъ отвѣтъ сей съ чрезвычайною досадою, бросилъ листъ на бюро и, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: «Что жъ, развѣ здыхъ-то умысловъ не было у Васъ?» — «Да какъ же быть-то, не быдо,» — холодно я отвѣчалъ ему, сидя за бюро.

Онъ далъ мнѣ для отвѣта слѣдовавшій за тѣмъ пунктъ, и пошелъ ходить по комнатѣ, которая была пребольшая. Отошедъ отъ меня такъ далеко, что думалъ, не могу слышать, говорить про себя: «Не такъ бы съ ними надобно.» — Подходя ближе ко мнѣ, говорить будто про себя, однако такъ, чтобъ я слышалъ: «Теперь Новиковъ-то здѣсь, такъ съ нимъ можно тотчасъ и свести.» — «Признаюсь, что онымъ удалось ему на нѣсколько минутъ смутить меня, не для того, чтобъ я боялся очной ставки съ Новиковымъ, которой, конечно, также невиненъ былъ, какъ и я; но, представивъ себѣ, что его привезли въ Москву, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заключенія въ Тайной Ениседашии, изнуреннаго, обросшаго бородою, можетъ быть, окованнаго, прискорбно было ожидать такого тутъ свиданья съ человѣкомъ, котораго я всегда очень любилъ, и съ коимъ такъ долго былъ въ самомъ короткомъ знакомствѣ.

Послѣ сихъ розыскныхъ стратагемъ Князь Прозоровской, подошедъ къ бюро, за которымъ я писалъ свой отвѣтъ, говорить мнѣ: «Новиковъ-то вить во всемъ признался». — «Не сомнѣваюсь,» отвѣчалъ я ему; «я думаю, что Новиковъ также невиноватъ; а естли въ чемъ видѣвать, то, конечно, признался: онъ не дуракъ и боится Бога.»

«Однако, говорилъ мнѣ Князь Прозоровской, съ Французами-то вы имѣли переписку?» — «Кто?» спросилъ я. — «Вы, и имянно, Вы, сиречь, ты.» — «Имѣлъ», отвѣчалъ я. Обрадовался мой Князь, и съ веселымъ вдругъ лицомъ, самымъ ласковымъ тономъ продолжалъ: «Это хорошо, что Вы чистосердечны, да и дѣло уже извѣстное. Скажи, пожалуй, о чемъ же и когда Вы къ нимъ писывали?» — «Не упомнишь,» отвѣчалъ я, «всего, о чемъ и когда.» — «Однако, сколько можешь вспомнить?» — «Ну, я писывалъ къ нимъ, чтобъ прислать табаку, вина, конфектъ, сукна какого нибудь, игрушекъ въ подарки дѣтямъ». — «Вы шутите», осердясь, говорилъ мнѣ Князь. «Къ какимъ же Французамъ Вы писывали это?» — «Къ лавочникамъ здѣшнимъ, а то къ какимъ же?» — «Нѣтъ, Вы были въ перепискѣ съ Якобинцами.» — «А Ваше Сіятельство бывали съ ними въ перепискѣ?» — «Можетъ ли это быть, чтобъ я съ ними переписывался?» говорилъ онъ. — «Такъ знайте жъ,» сказалъ я ему, сидя и гораздо не учтивясь, что въ чести, въ вѣрности къ Государю и отечеству я никакъ Вамъ не уступлю, и не смѣйте мнѣ дѣлать такихъ вопросовъ!»

Князь, очень сбавивши своего жару, говорилъ мнѣ: «Что жъ ты эдакъ на меня нападаешь: вить не я, Государыня объ этомъ тебя спрашивает!» — «Гдѣ же этотъ вопросъ?» — «Вотъ будетъ.» — «А я буду отвѣчать.» — «Что жъ отвѣчать будешь, скажи, пожалуй?» — «Тогда увидите.» — «Лучше, скажи, пожалуй, прежде, такъ, можетъ быть, мы и посовѣтуемся», и очень прилежно уговаривалъ меня рассказать ему напередъ этотъ отвѣтъ. — «Скажу Вамъ только,» отвѣчалъ я, «что ежели Государыня изволить меня объ этомъ спрашивать, то я, конечно, въ отвѣтъ своемъ Ей шутить не буду; и чѣмъ онъ будетъ серьезнѣе, тѣмъ основательнѣе отразится клевета.»

Я продолжалъ писать отвѣты, и ни въ одномъ пунктѣ не нанесть такого вопроса, сказалъ Князю Прозоровскому, что такой поступокъ съ его стороны слишкомъ явно доказываетъ неблагорасположеніе его ко мнѣ, и не принесетъ ему, конечно, никогда славы. — «Да,» говорилъ онъ, въ присланныхъ отъ Государыни пунктахъ нѣтъ такого вопроса, но мнѣ поручено спрашивать, о чемъ я разсужу, естли бѣ

того и не было въ тѣхъ пунктахъ.» — «Такъ Ваше Сіятельство очень несправедливо разсудить изволили,» отвѣчалъ я ему; «и еще Вамъ скажу, что въ обязанностяхъ вѣрнаго подданнаго и сына отечества не уступаю я ни Вамъ, никому; а образъ спрашиванья Вашего неоспоримо открываетъ личное недоброжелательство.» Замолчалъ, однако, Князь мой.

Описываю только главные черты обращенія со мною Князя Прозоровскаго; все же описывать было бы слишкомъ пространно и невесело интересно. Но описываю точно, какъ было, и какъ самъ онъ, конечно, признается, еще здравствуя и въ полезнѣйшихъ, вѣроятно, стратагемахъ упражняясь теперь на берегахъ Дуная. *

Еще одно обстоятельство отмѣнно характеристическое съ его стороны при оныхъ допросахъ разсказать надобно.

Въ тѣхъ же годахъ была въ Германіи секта подъ именемъ Плюмицатовъ, подлинно вредная и намѣреніями своими противная Христіанству и властямъ. Незнающіе смѣшивали съ нею общество наше, которое совершенно противныхъ было правилъ, и у насъ даже сочиненъ былъ планъ, какъ остерегаться отъ всякаго прикосновенія оной секты, и мѣры къ сему прилѣжно внушены были каждому члену. Планъ сей въ главномъ правленіи общества нашего сочинялъ я.

Во время допроса Князь Прозоровской говоритъ мнѣ, что мы Иллюминаты. Я ему отвѣчалъ, что мы не только не они, да мы ихъ неспріатели, и, зная всю вредность этой секты, постановили самыя строгія мѣры осторожности отъ нея, чему и планъ, за нѣсколько лѣтъ назадъ мною сочиненный, привезу я къ нему, хотя сейчасъ черной, писанный моею рукою. «Очень хорошо,» сказалъ онъ, «завтра привезите!» Привезъ я завтра. Это было въ другой день моей съ нимъ допросной бесѣды. Прочитавъ бумагу мою, Князь мнѣ ее возвращаетъ, говоря, что она «ничего не значитъ.» — «Она только то значитъ, что мы не Иллюминаты,» отвѣчалъ я; «такъ прошу принять ее въ оправданіе.» — «Пусть вы не они,» говорилъ мнѣ Прозоровской, «да все то же. «Уже какъ скоро это доказываетъ, что мы не Иллюминаты, накинни насъ считаютъ, то естественно доказываетъ и ложность заключенія объ насъ; слѣдовательно, и оправдываетъ, говорилъ я; но есть»

* 1 Января, 1809 года.

ли бы это мне и казалось только оправданіемъ, то я думаю: Ваше Сіятельство должны отъ меня принять эту бумагу; ибо я не думаю, чтобы было намѣреніе только винить насъ. «Не приму», отвѣчалъ онъ мнѣ рѣшительно.

Между тѣмъ продолжая писать отвѣты, увидѣлъ я, что въ одномъ вопросѣ сказано, чтобы я при семъ представилъ всѣ мои бумаги, подъ опасеніемъ найстрожайшей казни за сокрытіе хотя одной. Тутъ я обрадовался, что Прозоровской не принявъ отъ меня той бумаги, потому что, съ расположеніемъ своимъ, могъ бы ее принять особо, и утаить; а то я подумалъ про себя: «Принужу тебя, Князь, принять эту бумагу, и такимъ образомъ, что уже не льзя будетъ тебѣ скрыть ее.» Замолчавъ объ ней, спрашивалъ я его: «какъ же могу я при семъ представить всѣ мои бумаги? Ихъ со мною нѣтъ, и такъ ихъ много, что я всѣмъ имъ и реестра въ скоромъ времени сдѣлать не могу.»

«Да это и не нужно,» говорилъ онъ мнѣ, «а Вы ихъ привезите послѣ; только всѣ и за Вашею печатью.»

На другой день поутру привезъ я ихъ къ нему безъ разбору; запечатанныя въ нѣсколькихъ большихъ пакетахъ. Когда онъ ихъ принялъ, то я, вынувъ изъ кармана ту неугодную ему бумагу; просилъ особо ее принять. «Я уже Вамъ сказалъ, что не приму ее,» отвѣчалъ онъ мнѣ, «и никакъ отнюдь не приму,» и, оборотясь къ случившемуся тутъ по тому же дѣлу, Князю Н. Н. Трубецкому, говорить ему: «Помилуй, уговори его: навязываетъ на меня эту бумагу; къ чему она?» Трубецкой не поддержалъ меня. Однако я, продолжая мнимое свое для нихъ упрямство, говорилъ къ Прозоровскому: «За что такъ особливо не нравится эта бумага Вашему Сіятельству?» — «Она ничего не значить, и я уже сказалъ, что не приму ее,» отвѣчалъ онъ мнѣ. «Такъ позвольте же сказать,» продолжалъ я, «Вы должны ее принять, какая бы она ни была. Когда Государыня приказываетъ представить мнѣ всѣ мои бумаги, то я обязанъ всѣ ихъ отдать, а Вы обязаны принять.»

Одумался Князь, и съ нѣкоторою торопостію принимая ту бумагу отъ меня, говорилъ: «Извольте, я ее приму, естли то Вамъ не прѣмѣнно надобно.» Когда онъ принялъ, то я просилъ его позволить мнѣ въ отвѣтахъ моихъ прибавить, что я, въ исполненіе требованія, отдалъ ему всѣ бумаги. «За чѣмъ же?» говорилъ онъ: «Государыня мнѣ и безъ того вѣрить?» — «Не сомнѣваюсь,» отвѣчалъ я, «но признаюсь, что я

немножко педантъ, и въ приказной службѣ къ формамъ сдѣлалъ привычку. — «Пожалуйте, позвольте!» Онъ вынулъ изъ бюро своего тетрадь моихъ отвѣтовъ, и я въ ней приписалъ, что отдалъ ему всѣ мои бумаги, и въ какой формѣ. О врученіи же ему спорной оной описалъ особо; представя обстоятельно ея содержаніе и причину, для чего я вручилъ ему ее особливо.

Отвѣты писалъ я два дни, въ которые отдыху мнѣ было только, что въ первой ѣздилъ ночевать домой, а въ другой обѣдалъ у Князя Прозоровскаго, и обѣдъ нашъ точно представлялъ трапезу тайной экспедиціи. Кромѣ Княгини, хозяйки, сидѣли за нимъ только служители сей экспедиціи и хозяйскіе адъютанты, которые во все это время одни и въ домѣ находились; ибо онъ тогда не принималъ никого, даже Губернатора. Однако въ кабинетъ никто и изъ нихъ не входилъ, и мы со лбу на лобъ съ Княземъ Прозоровскимъ бесѣдовали въ немъ по крайней мѣрѣ часовъ двадцать.

Во всѣхъ вопросахъ важнѣйшее было, какъ я описывалъ, о связяхъ съ оною ближайшею къ престолу особою, и еще поважнѣе два пункта: 1) Для чего общество наше было въ связи съ Герцогомъ Брауншвейгскимъ, и въ чемъ состояла наша съ нимъ переписка? 2) Для чего имѣли мы сношенія съ Берлинскими членами подобнаго общества въ то время, когда мы знали, что между Россійскимъ и Прусскимъ Дворами была холодность?

На первое отвѣчалъ я, что хотя, по вступленіи моемъ въ наше общество, не было уже никакихъ отношеній къ Герцогу Брауншвейскому, но извѣстно мнѣ, что оныя ни въ чемъ иномъ состояли, какъ въ церемоніальныхъ къ нему отзывахъ, по обрядамъ извѣстнаго масонства, въ коемъ былъ онъ тогда титулярнымъ начальникомъ нѣкоторыхъ ложъ въ Европѣ; а что касается до содержанія переписки съ нимъ, то я объ ней только то помню, что нечего помнить.

На второе: что хотя съ Берлинскими сообщниками никогда въ перепискѣ не было ни одного слова, касающагося до политики; но когда узнали мы о холодности между Дворами, то всякая съ ними переписка пресѣклась, что можетъ быть доказано всякимъ изслѣдованіемъ и подлинными бумагами.

Прочіе вопросы сочинены были, какъ я уже сказала, только для разширенія той завѣсы, которая закрывала главной предметъ подозрѣнія; а предметъ сей столько же казался важнымъ, сколько въ основаніи своемъ мечтателенъ былъ.

Спрашивали, на примѣръ: гдѣ собирались? для чего скрытно отъ полиціи? объ обрядахъ; о числѣ ложъ, о составлявшихъ оныя и тому подобное.

На все отвѣчалъ я со всею искренностію и очень подробно. Нигдѣ по совѣсти не обвинялъ я ни себя, ни общества. Вездѣ изъяснялъ пользу цѣли его и упражненій. Что жъ касается до скрытности отъ полиціи, то писалъ я, что не можно правосудію почитать бывшія наши собранія отъ нея тайными, когда не только она про нихъ знала, но въ праздничныя собранія и команду давала для порядка въ разъѣздѣ и проч.

Заключилъ я отвѣты свои обращеніемъ прямо къ лицу Государыни въ слѣдующихъ словахъ:

«Всѣ бумаги отдалъ; ничего важнѣйшаго даже забвеніемъ не сокрылъ и проч.

«Государыня! Я не злодѣй. Мать Отечества! Я одинъ изъ вѣрнѣйшихъ Твоихъ подданныхъ и сыновъ его. Мать моя! Я исполненъ нѣжнѣйшею къ Тебѣ любовью. Никогда мысль одна противъ Тебя не обращалась въ душѣ моей. Никогда не упражнялся я въ томъ, гдѣ бы не только находилъ, но даже подозрѣвалъ хотя одну тѣнь криминальнаго. Свидѣтель сему Царь Царей, Господь Богъ мой, Спаситель, надежда и утѣшеніе.

«Сіе чистосердечное исповѣданіе мое печатлѣю я слезами. Не слезами страха и ропота, Государыня: ибо я не дерзаю и усумниться въ правосудіи и милосердіи Твоемъ, и ежели дѣло сіе не во всѣхъ еще отношеніяхъ изслѣдовано, или буде существуетъ какая на меня клевета, то я твердо увѣренъ, что все исчезнетъ отъ одинаго воззрѣнія Твоей прозорливости на сіе чистосердечное мое исповѣданіе. И такъ не слезами страха и ропота печатлѣю его, но слезами чувствительности сердца, во всей полнотѣ ощущающаго невинность свою, и любящаго, смѣю сказать, добродѣтель.

Твой

вѣрный по гробъ поданный

И. Лопухинъ.

Долго помышляя я всё мои отвѣты, такъ что могъ бы записать ихъ почти отъ слова до слова; но я столько усталъ отъ упражненія въ оригинальномъ ихъ сочиненіи, что очень много дней послѣ того приняться за перо была самая тяжкая работа.

Заключеніе же оное вытекало изъ такого сильнаго во мнѣ впечатлѣнія, что я никогда не могъ его забыть. Писавъ его, я подлинно плакалъ — обливался, можно сказать, слезами, и точно отъ причинъ въ немъ изображенныхъ. Князь Прозоровской, любитель и любимицею жестокосердой Беллоны, не короткое, кажется, имѣя знакомство съ такими слезами, не выдавъ, что я пишу, а видя только, что плачу, обрадовался, подумавъ, что я наконецъ струсилъ, и началъ меня успокоивать: «Укрѣпитесь! Чего вы робѣете?» — «Нѣтъ, отвѣчалъ я, робость очень далеко отъ меня; и я плачу не отъ нея.» — «Отъ чего же?» — «Увидите изъ того, что я пишу.»

Окончивъ, подаль я ему, и когда онъ дочиталъ до словъ: *буде существуетъ клеветка на меня клевета*, то, измѣняясь въ лицѣ, говорилъ мнѣ: «Ежели Вы тутъ обо мнѣ разумѣли, то напрасно.» — «Нѣтъ, Ваше Сіятельство, отвѣчалъ я: писавши это, я истинно на Васъ не мѣтилъ, какъ и то правда, что ожидалъ, что возьмете Вы это на свой счетъ.» Сіе точно я думалъ писавши, и останавливался, опасаясь въ размягченныхъ тогда сильно чувствахъ моихъ, оскорбить его.

«Почему жъ ожидали Вы того?» спрашивалъ онъ меня. — «Какъ чисто-сердечно увѣрюю, отвѣчалъ я, что не цѣлилъ я на Васъ, писавши о клеветѣ; также признаюсь, что считаю Васъ большимъ мнѣ непріателемъ, и справедливость моего заключенія могу доказать очень основательно.» Тутъ я говорилъ ему о томъ, какіе онъ отъ себя выдумывалъ вопросы, какъ старался меня запутывать и проч.

Сія сцена была послѣдняя нашихъ допросовъ. Былъ при ней и Князь Николай Никитичъ Трубецкой, котораго онъ призвалъ тогда для объявленія намъ вмѣстѣ указа о ссылкѣ. Послѣ онаго изъясненія со мною, Князь Прозоровской объявилъ намъ указъ сей, коимъ рѣшалось все вообще дѣло, прочитавъ изъ него только то, что касалось до нашего осужденія, и показавъ намъ подпись на немъ Государыни. Всего же содержанія не читалъ. Мнѣ оное случилось уже прочесть лѣтъ чрезъ десять послѣ, и признаюсь, что читалъ съ превеликимъ негодованіемъ, коего во все пронаводство надъ нами суда и по выслушаніи самаго незаслуженнаго мною приговора, и гнѣвъ

во мнѣ не было. Можно поистинѣ сказать, что весь указъ составленъ былъ только изъ словъ, подобранныхъ для расщепленія покрова обвиненія невинности.

Князь Прозоровской, по снисхожденію къ товарищу моему, Князю Трубецкому, и по тому, что онъ находился тогда при должности въ казначействѣ, о здѣшней коей ничего не было предписано при указѣ о ссылкѣ, которой шель по Тайной Экспедиціи, далъ ему десять дней времени прожить здѣсь для распорядженія своихъ дѣлъ, въ ожиданіи возвращенія курьера, котораго онъ отправить съ нашими отвѣтами, и при томъ спросится о смѣнѣ Князя Трубецкаго. А мнѣ сказать: «Вы, вить, не въ службѣ, такъ можете скоро отсюда выѣхать.» — «Очень бы скоро могъ выѣхать,» отвѣчалъ я, «если бъ не нужно мнѣ было подумать, какъ объявить отцу, лежащему почти на смертномъ одрѣ; а притомъ мнѣ около сорока лѣтъ; одиннадцать жилъ сряду въ Москвѣ, такъ и у меня натурально также должны быть дѣла, которыя бы распорядить надобно.» Князь Прозоровской позволилъ мнѣ пробыть въ Москвѣ десять же дней.

Я бы скорѣе выѣхалъ. Но писавъ мои отвѣты, и особливо ихъ заключеніе, я точно ожидалъ, по какому-то неизъяснимому предчувствію, что Государыня, прочитавъ ихъ, перемѣнитъ свои мысли; хотя Она уже рѣшила дѣло, не ожидая отвѣтовъ, которые трудно придумать, для чего и требовались; ибо осужденіе уже было сдѣлано. Надеждою перемѣны сей ласкался я совсѣмъ не для того, чтобъ не ѣхать въ ссылку, которую принялъ я очень равнодушно; не ставилъ ее себѣ въ безчестье, мочитая всегда стыдъ въ винѣ, а не въ наказаніи, и въ нныя минуты даже радовался ея, какъ отдыхомъ и удаленіемъ отъ всѣхъ тѣхъ подысковъ, которые мнѣ въ столько лѣтъ уже наскучили. Но прискорбно мнѣ было разстаться съ отцемъ, привыкшимъ, въ глубокой его старости и болѣзняхъ, къ моей помощи. Я думалъ, что все происшедшее и скрыть можно будетъ отъ него навсегда, ежели ссылка моя отмѣнится.

Для сего-то съ удовольствіемъ питался я мечтаніемъ этой отмѣны и неравнодушно ожидалъ возвращенія курьера, отправленнаго съ нашими отвѣтами, располагая, что ежели быть перемѣнѣ рѣшенія, то она послѣдуетъ по прочтеніи отвѣтовъ, или, никогда. Князь Прозоровской, посылая отвѣты мои и Князя Трубецкаго, писалъ, что онъ посылаетъ два отвѣта совсѣмъ въ разномъ вкусѣ (это были точныя

его слова, какъ я видѣлъ послѣ въ своеручномъ его письмѣ), что Князь Трубецкой сильно раскаивается и заслуживаетъ помилованія, а я все скрываю, упорно стою въ своихъ мнѣніяхъ и проч. Однимъ словомъ, такъ меня описалъ, что ссылка была бы для меня подлинно еще большая милость.

Между тѣмъ нужно было приготовиться къ объявленію отцу моему. Оно приняли на себя, по пріязни, Графы Орловы (Алексій и Теодоръ). Я хотѣлъ, чтобъ объявленіе то сдѣлано было сколько можно позже, ожидая переменъ. Графъ Алексій Григорьевичъ говорилъ мнѣ съ сожалѣніемъ, что я помѣшался, думаетъ онъ, на этомъ пунктѣ. Можно ли, чтобъ Государыня отмѣнила указъ, Ею подписанный и объявленный: этого не дѣлала Она ни одного раза во все свое царствованіе и не сдѣлаетъ, конечно, никогда. «Я коротко Ее знаю,» говорилъ онъ мнѣ; однако я просилъ его подождать до самаго послѣдняго дня, который уже былъ одиннадцатой по объявленіи указа и отсылки нашихъ отвѣтовъ.

Курьеръ не возвращается. Князь Прозоровской торопитъ меня выѣхать, измуча между тѣмъ агентовъ своего шпионстволюбія подзорами за мною. По расчету времени, потерявъ уже надежду получить ожидаемое, просилъ я Графовъ Орловыхъ объявить отцу моему. Они пріѣхали и объявили ему безъ меня передъ обѣдомъ. Минуты объявленія сего были для меня таковы, что, я думаю, не мучительнѣе были бы они для меня на эшафотѣ. При всей безпредѣльной любви ко мнѣ и привязанности отца моего, Богъ помогъ ему, точно чудеснымъ образомъ, терпѣливо принять сей ударъ.

Все къ отъѣзду у меня уже было готово; дорожная взята. Вечеру привели почтовыхъ съ тѣмъ, чтобъ на завтра до свѣту мнѣ выѣхать. Но часу въ 12 по полудни прислалъ за мною Князь Прозоровской и объявилъ полученный имъ иманный указъ, въ коемъ было написано, что Государыня изволила читать наши отвѣты и, въ слѣдствіе того, повелѣваетъ: о Князѣ Трубецкомъ исполнить точно по данному прежде объ насъ указу; должность же его поручить старшему подъ нимъ, а меня оставить въ Москвѣ.

Государыню тронули отвѣты мои до слезъ, какъ я слышалъ отъ Василія Степановича Попова, которой читалъ ихъ предъ нею также въ слезахъ. Тогда не зналъ онъ меня и въ лице, а гораздо послѣ, познакомясь, рассказывалъ мнѣ это, сказывая при томъ и о многихъ, противъ меня, отъ нѣкоторыхъ, ополченіяхъ, и злыхъ и смѣшныхъ,

коихъ я не хочу описывать, чтобъ не черниться ѣдкостью. И недавно, при одномъ случаѣ, писалъ онъ ко мнѣ: «Помню, какъ я плакалъ, читавши Ваши отвѣты предъ растроганною Императрицею.»

Государыня, съ такими чувствами принявъ мои отвѣты, точно перемѣнила обо мнѣ свое заключеніе и рѣшилась освободить меня отъ ссылки. Но имѣвъ, какъ извѣстно, особливую твердость поддерживать основательность своихъ повелѣній, и строго сохранять весь видъ порядка, при такой, и подлинно, можетъ быть, во все Ея царство однажды случившейся, отмѣнѣ ея указа, предлогомъ поставила опасность сразить престарѣлаго отца моего, хотя она знала о его состояніи, и подписывая указъ о моей ссылке, и гораздо прежде въ нѣсколько лѣтъ ея противъ меня предъубѣжденія. Я очень Ей извѣстенъ былъ, какъ знала Она и то, чей я сынъ.

Легко можно себѣ представить, сколько оставленіе меня въ Москвѣ утѣшило отца моего, и меня для него. Онъ, конечно бы, и не свѣдалъ ничего о томъ, что со мною происходило, естли бъ курьеръ, которой отвозилъ наши отвѣты, сутки двое лишнихъ не былъ удержанъ, по причинѣ пребыванія въ то время Государыни въ Царскомъ Селѣ.

Всѣ удивлялись случившейся со мною перемѣнѣ. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, можно сказать, пораженъ былъ удивленіемъ, и тѣмъ больше, говорилъ онъ, что правила Государыни очень ему извѣстны. Не хотѣлъ онъ вѣрить, чтобъ я не имѣлъ сильной при дворѣ партіи. И подлинно, у меня была самая сильная — невинность, и одинъ вѣрный ея покровитель.

И такъ, я остался въ Москвѣ. К. Н. П. Трубецкой и П. П. Тургеневъ отиравились на житѣе въ деревни. Новиковъ заключенъ былъ на пятнадцать лѣтъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, студенты: Колокольниковъ и Невзоровъ * оставлены также подъ тайною стражею.

* Они ѣздили въ чужіе края на моемъ иждивеніи обучаться Медицинѣ и, когда кончивъ ученіе и получа докторской градусъ, возвращались въ Россію, то, по подозрѣнію на общество наше, взяты были въ Ригѣ и по Тайной Экспедиціи привезены въ Невскій монастырь, оттуда переведены въ Петропавловскую крѣпость, а наконецъ въ Секретную больницу, гдѣ Колокольниковъ умеръ, а Невзоровъ, просидѣвъ нѣсколько лѣтъ, освобожденъ Императоромъ Павломъ I съ милостью; нынѣ служить онъ въ Московскомъ Университетѣ Надворнымъ Совѣтникомъ и особливо извѣстенъ по изданію пренепознаго журнала подъ именемъ *Дружн юношества*, которой издаеть онъ

Домы Новикова остались под арестомъ, также и магазины съ книгами. Разборъ имъ продолжался нѣсколько лѣтъ. Множество соизкено и все почти исчезло. Многимъ, участвовавшимъ въ прежде бывшей между нами Типографической компаніи, нанесло оное крайніе убытки, и мнѣ особливо. Это главная причина долговъ моихъ. Но я не жалѣю, потому что намѣреніе къ издержкамъ было самое доброе.

А какъ при арестѣ Новикова запечатаны были въ Москвѣ всѣ Русскія книжныя лавки, при разборѣ книгъ нашлись у нѣкоторыхъ книгопродавцевъ въ продажѣ запрещенныя книги, то книгопродавцы сии преданы были публичному суду.

До конца 1796 года жилъ я въ Москвѣ очень спокойно, занимаясь пожеланіями о престарѣломъ отцѣ моемъ, любимымъ своимъ чтеніемъ *, знакомствомъ съ малымъ числомъ добрыхъ друзей и про-

единственно отъ ревностнаго усердія къ общему благу, для распространенія доброй нравственности.

Поступокъ сего Максима Ивановича Невзорова съ извѣстимъ покойникомъ, Степаномъ Ивановичемъ Шешковскимъ въ крѣпости заслуживаетъ того, чтобъ его рассказать. Невзоровъ былъ боленъ и не могъ отвѣчать, да и нечего отвѣчать было, а Шешковскій думалъ, что онъ упрямится и гаятъ нѣчто важное. — «Знаешь ли, гдѣ ты?» говорить ему Шешковскій. Невзоровъ: «Не знаю.» — Ш. «Какъ не знаешь? Ты въ Тайной — Н. «Не знаю, что такое Тайная. Пожалуй, схвати, и въ лѣсъ завезутъ въ какойнибудь станъ, да скажутъ, что это Тайная, и допрашивать стануть.» — Ш. «Государыня приказала тебя бить четвертымъ полѣномъ, коли не будешь отвѣчать.» — Н. «Не вѣрю, чтобъ это приказала Государыня, которая написала Наказъ Комисіи о сочиненіи Уложенія.» — Шешковскій вышелъ съ досадою, и послѣ принесъ записку руки Государыни, кою повелѣвала она Невзорову отвѣчать. Я не знаю, говорилъ Невзоровъ, руки Ея Величества; можетъ быть Вы заставили написать жену свою, да кажете мнѣ ея руку вмѣсто Государыниной.» — Ш. «Да знаешь ли, кто я?» — Н. «И того не знаю.» — Ш. «Я Шешковскій.» — Н. «Слыхалъ я про Шешковского, а Вы ли онъ, не знаю; да впрочемъ мнѣ съ Шешковскимъ никакого и дѣла быть не можетъ. Я принадлежу Университету, и по его Уставу долженъ отвѣчать не иначе, какъ при депутатѣ Университетскомъ», и проч. Наконецъ принуждены были отвести Невзорова для допроса къ самому первому Куратору, Ивану Ивановичу Шувалову. Допросъ былъ неважный, потому что нечего было отвѣчать, какъ и не о чемъ было бы спрашивать.

Упражнялся я также, по охотѣ моей въ лигературѣ, въ разныхъ переводахъ и мелкихъ сочиненіяхъ. Нашель было на меня духъ поэзіи и я, совѣсть не зная ея правилъ и никогда не писавъ стиховъ, переложилъ шесть

гулкою пѣшкомъ, которая всегда очень мнѣ полезна была къ сохраненію здоровья и которая также давно, на смѣхъ сказать, подвержена была толкамъ во вредъ моему поведенію, представленному, какъ уже я выше писалъ, не бездостойнымъ уваженія въ разсужденіи общественнаго покоя.

Нѣкоторые, доброжелательствуя мнѣ, и даже изъ тѣхъ, коимъ тайно поручень былъ за мною присмотрѣ, убѣдительно мнѣ совѣтовали оставить привычку мою къ ходьбѣ, какъ навлекающую мнѣ опасность, хотя и безвинно. Я имъ, смѣючись, отвѣчалъ, что не оставлю, и по причинѣ самой основательной. Вѣдь никто изъ смертныхъ говорилъ я, не можетъ больше мнѣ сдѣлать вреда, какъ лишить меня жизни, чего, вѣроятно, и не случится; а ежели я разнакомлюсь съ ходьбою своею и съ воздухомъ, то вѣрно самъ себя тѣмъ скоро убью.

Пока былъ въ Москвѣ Главнокомандующимъ Князь Прозоровской, я все окруженъ былъ подсмотрами, только, спасибо, онъ ихъ такъу чреждалъ, чтобъ я не могъ объ нихъ и догадываться, а я не хотѣлъ объ нихъ знать, хотя и очень зналъ. До того даже не безпокоился я симъ, что зная, что въ собственномъ домѣ моемъ есть подкупленные, и виду о томъ не показывалъ. Однажды вздумалось мнѣ изъ любопытства только поручить моему камердинеру, человѣку очень вѣрному, обстоятельно о томъ развѣдать, но въ ту же минуту жалѣя, что и ему сказалъ, строго запретилъ ему исполнять мое порученіе, и совсѣмъ забыть его не только приказывалъ, но просилъ.

И такъ жилъ я довольно спокойно, кромѣ того, что вскорѣ послѣ самой описанной мною развязки нашего дѣла ссылкой въ деревни моихъ товарищей, Князя Трубецкаго и Тургенева, и оставленіемъ меня въ Москвѣ, Правительство Московское сдѣлало ко мнѣ безстыдную привязку, по приказанію ли Князя Прозоровскаго, которой тогда, однако, ѣздилъ по губерніи и, возвратясь, увѣрялъ меня, что при немъ бы того не случилось, или въ подлое угожденіе ему, или въ мнимое, далѣе не знаю.

исалмовъ, обращая все на внутреннюю жизнь обновленія души, которые напечатаны подъ именемъ: *Подражаніе нѣкоторымъ письмамъ Давидовымъ*. Если бъ нѣчто не отвлекло меня тогда, отъ чего пинтичскій духъ этотъ во мнѣ скрылся, то бы, думаю, переложилъ я всю исалтырь въ нѣсколько дней; такъ сильно онъ дѣйствовалъ. Послѣ же не могъ я написать ни одного стиха.

При разборѣ бумагъ Новикова нашли одинъ реестръ, мною подписанной, коимъ требовалъ я, по оставшемуся мнѣ кредиту, при расчетѣ съ бывшею у насъ Типографическою компаніею, на нѣсколько сотъ рублей книгъ, и въ томъ числѣ на семь съ копѣйками запрещенныхъ. Сіе случилось слѣдующимъ образомъ:

Былъ въ Орлѣ священникъ Іоаннъ, которой и нынѣ еще живъ, мужъ достойный отличнаго уваженія, по его примѣрной благотѣльности. Стараніями Христіанской любви своей, завелъ онъ больницу, богадѣльню, призрѣніе несчастнорожденныхъ младенцевъ и училище.

Между прочими къ тому средствами желалъ онъ моей помощи нѣкоторому въ Москвѣ книгопродавцу. Я бралъ для того книги на свой счетъ, которыя отдавалъ купцу оному, съ уступкою полтины и шести гривенъ отъ рубля. Сіе дѣлалось нѣсколько лѣтъ и обыкновенно такъ, что купецъ принесетъ ко мнѣ реестръ надобныхъ ему книгъ, многихъ десятковъ разныхъ званій, а я, не читая его, подпишу: «Отпустить по сему реестру, на столько-то рублей книгъ на мой счетъ». Не имѣлъ я и никакой надобности читать, бывши тутъ не продавцемъ, а покупщикомъ книгъ, совсѣмъ не обязаннымъ знать о запрещенныхъ, о коихъ никогда мнѣ и объявляемо не было.

Изъ такихъ-то реестровъ одинъ, упомянутой мною, присланъ былъ съ прочими бумагами въ наряженное надъ книгопродавцами собраніе суда, которое составлено было изъ Уѣзднаго, Надворнаго и Магистрата. Вдругъ мнѣ повѣстка, чтобъ я явился въ оное собраніе. Это было въ 1792 году, 17 Сентября. День былъ прекрасной и я очень спокойно отправился туда пѣшкомъ, заботился только, какъ бы успѣть воротиться домой къ батюшкѣ, которой тотъ день пу- скалъ кровь, при чемъ я обыкновенно бывалъ.

Вошедъ въ оное нижнихъ судовъ собраніе, я тотчасъ увидѣлъ, что они сами очень нерады своей комиссіи, и едва могли выговорить причину моего призыва. Я уже старался облегчить ихъ и, не смотря на то, что у нихъ даже и никакой надлежащей формы постановлено не было, взялъ бумаги и тутъ же написалъ прямо на бѣло отвѣтъ листахъ на двухъ кругомъ. Началъ его тѣмъ, что я очень радъ, что мнѣ представляется случай публично оправдать наши дѣла. И подлинно, привязавшись къ этому обстоятельству, говорилъ я о невинныхъ, или, лучше сказать, добрыхъ намѣреніяхъ нашихъ

въ продажѣ и печатаніи книгъ и проч., словомъ, о всѣхъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ нашего общества. На причину же требованія меня къ суду оправдаться слишкомъ легко было. Отдавъ сей отвѣтъ судьямъ, пошелъ я домой, и они, какъ слышалъ я, прочитавъ его, говорили: «Что жъ дѣлать? Онъ уже все рѣшилъ самъ.»

Однако, въ тотъ же день заготовилъ я письмо къ Государынѣ съ тѣмъ, что ежели еще отнесутся ко мнѣ по сему дѣлу, то жаловать ся Ей на такое притѣсненіе, описавъ всю его наглость.

На другой, или на третій, день послѣ того Князь Прозоровской, возвратясь въ Москву 22 числа, въ которое праздновали тогда коронацію, зоветъ меня къ обѣденному столу. Послѣ обѣда изъявляетъ свое сожалѣніе о томъ, что меня безъ него обезпокоили, и что не только произошло это не по его приказанію, да онъ уже и пожурилъ гораздо тѣхъ, которые отъ неразумнія такую путаницу, какъ говорилъ онъ, надѣлали. Я отвѣчалъ, что не хочу и знать отъ кого это шло, и что теперъ радъ былъ случаю публично написать то, что я написалъ; но ежели еще хотя мало коснутся до меня, то я пошлю къ Государынѣ письмо, которое и покажалъ ему, заготовленное въ чернѣ. Онъ убѣдительно просилъ меня это оставить, увѣряя, что уже больше ни малаго безпокойства я не потерплю.

Между тѣмъ, однако жъ, дѣло производилось, хотя и безъ всякаго ко мнѣ отношенія, и когда, по обыкновенному порядку, пришло на ревизію Уголовной Палаты, то Князь Прозоровской настаивалъ, чтобъ непременно обвинить меня. Озлобился на одного искуснаго и хорошаго судью, который ему доказывалъ, что обвинить меня ни какъ не можно, потому что я точно не продавалъ, а покупалъ запрещенныя книги, въ чемъ по законамъ виновны тѣ, кои отпускали ихъ, бывъ обязаны ихъ не продавать, а не тотъ, кто требовалъ и кому никогда оное запрещеніе объявлено не было, и что, наконецъ, никто съ разсудкомъ не можетъ предположить во мнѣ злаго намѣренія въ дѣлѣ о семи рубляхъ съ копейками. Разсердился Князь Прозоровской, выгналъ судью, однако послѣ велѣлъ оставить ревизію, чтобъ, по крайней мѣрѣ, не оправдать меня.

Вотъ какъ мнѣ случилось быть и Предсѣдателемъ Уголовной Палаты, и подъ судомъ ея, быть подъ судомъ Тайной Экспедиціи и всѣ дѣла ея имѣть въ рукахъ своихъ, при нечаянной въ жизни моей перемѣнѣ, о которой опишу я въ слѣдующей книгѣ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

6 Ноября, 1796 года, скончалась Екатерина Великая. Кончина Ея поразила меня, какъ и всѣхъ усердныхъ сыновъ отечества, коего Она была истинная благодѣтельница. Любовь къ славѣ была Ея страсть, которой пріятнѣйшая для нея пища была слава Россіи.

Величіе ума Ея было источникомъ всѣхъ Ея великихъ и благотворныхъ дѣяній. Изъ него проистекала и та неподражаемая кротость, коею столь искусно облегчала она бремя полезнаго и необходимаго для пространства Россійскихъ предѣловъ скипетра самодержавія, при которой, однако, въ превосходномъ степени умѣла Она содержать подданныхъ въ страхъ къ Ней, безъ робости, и въ ободрительной всегда надеждѣ на Нее. Подъ Ея державою, при недреманномъ бдѣніи нужной строгости полицейской, всякой, однако, мечталъ иногда себя живущимъ въ полной свободѣ и независимости.

Всѣ Ея уставы цѣлю имѣли благоустройство и на челоуѣколюбіи основаны были. Одна отмѣна пытокъ уже дѣлаетъ имя Ея безсмертнымъ въ бытіяхъ благотворителей челоуѣчеству. Она первая отринула сію, звѣрской паче, лютость, тиранствомъ избобрѣтенную и, къ стыду, просвѣщенными слывущихъ, Государствъ, столь многіе вѣки безплодно терзавшую въ нихъ челоуѣчество.

Ежели въ тайныхъ Ея судахъ гнѣвъ иногда наклонялъ вѣсы правосудія, то сіе дѣйствіе безгрѣшности, общей и царямъ со

Прошу читателя не подуматъ, чтобъ сіе относилось къ описанному въ третьей книгѣ сихъ моихъ записокъ суду, по Тайной Экспедиціи наложеною и надъ бывшимъ Обществомъ нашимъ. Нѣтъ! Свидѣтель тому Серцевѣдецъ, равно какъ искренность слѣдующаго мнѣнія.

Мы конечно невинны были, но Государыня считала насъ очень виноватыми по вселенному въ Нее предубѣжденію, отъ котораго кто же изъ смертныхъ всегда избѣжать можетъ, и какими испроницаемыми иногда стѣнами закрыта отъ Царскихъ очей истина, Всеидущему одному всегда известная? И такъ, разсуждая, что въ понятіи Государыни самовластной были мы преступники важные, по справедливости должно признаться, что судъ

всѣми смертными, въ высочайшемъ степени покрывается неизмѣннымъ Ея снисхожденіемъ и умѣренностью въ судопроизводствахъ публичныхъ, и всегда пользовалась Она прелестнѣйшимъ Государей правомъ укрощать строгость законовъ и миловать.

Однимъ словомъ, Екатерина была примѣръ Великихъ Государей, и царство ея было самое благотворное для Россіи. Кромѣ нѣкоторыхъ жертвъ славолібію, особливо въ войнахъ, коихъ не всегда предметомъ была одна истинная польза и безопасность Имперіи, и еще кромѣ нѣкагого поущенія роскоши; которое почитала она даже долженствующимъ содѣйствовать къ блеску процвѣтанія монархическаго, хотя роскошь, кажется, есть самая опасная зараза для тѣла всякаго народа, неизцѣльно расслабляющая его вообще, и всѣ части его составляющія, порабощеніемъ неизбѣжному игу суетной зависимости.

Дня чрезъ три послѣ перваго въ Москвѣ извѣстія о кончинѣ Государыни, получилъ я отъ друга своего, Сергѣя Ивановича Плещеева, письмо, въ которомъ описывалъ онъ мнѣ всѣ обстоятельства оной и занятія вступившаго на престолъ Императора. Письмо это было длинное. Плещеевъ, при недосугахъ, диктовалъ его, а въ концѣ своею рукою только приписалъ: «Естьли Вы намѣрены принять службу, то сообщите о семъ преданнѣйшему Вашему другу, Плещееву.»

Предложеніе его несказанно смутило меня; мнѣ тогда, и особливо такъ скоро, очень не хотѣлось въ службу. Успокоивался я нѣсколько

надъ нами Екатерины былъ весьма милостивою: а продолжавшаяся столько лѣтъ нерѣшимость Ея приступить къ оному, означаетъ обладаніе движеніями гнѣва своего и кротость, удивленія достойныя.

Я слышалъ отъ самаго Князя Прозоровскаго, что Государыня нѣсколько разъ говорила ему: «Для чего не арестовать онъ Новикова?»—«Тотчасъ, естьли только приказать изволите», отвѣчалъ всегда Князь. — «Нѣтъ, надобно прежде найти причину», всегда отвѣчалась Самодержица, предубѣжденная гнѣвомъ. Кто жъ былъ Новиковъ? Содержатель Типографіи, Поручикъ отставной, котораго она считала совершеннымъ злодѣемъ. Такая деликатность замѣтна была бы и въ Губернаторѣ, досадующемъ въ своей губерніи на челоуѣка подобнаго состоянія. Но на прим. въ дѣлѣ по Тайной Экспедиціи, о послѣнемъ заточеніи извѣстнаго Ростовскаго Митрополита, Арсенія, въ 1767 и въ началѣ 1768 года, видно, до чего и Великая Екатерина могла быть на гнѣвъ подвигнута. Сіе дѣло возникло за слова, тогда уже, какъ Арсеній нѣсколько лѣтъ находился въ ссылкѣ, въ монастырѣ Архангелогородской Епархіи, лишень епископскаго и священническаго сана, за представленія противъ отбора монастырскихъ вотчинъ.

тѣмъ, что зная его безиредѣльную ко мнѣ дружескую привязанность, былъ увѣренъ, что онъ ни къ чему не приступитъ безъ моего согласія, и первая моя забота была, какъ можно чаще подтверждать ему мою просьбу съ дружескимъ заклятіемъ, чтобъ не только ни словомъ не касаться до вступленія моего въ службу, но и всячески стараться отвратить этотъ жребій, если бы случилось ему на меня падать и безъ его напоминаній. Такъ писалъ я къ Плещееву, не пропуская ни одного знакомаго мнѣ случая, а курьеровъ тогда по нѣскольку изъ Москвы скакало всякой день. Я просилъ, чтобъ матерію о службѣ моей оставить, по крайней мѣрѣ, до личнаго свиданія въ Москвѣ, во время пріѣзду въ нее Двора для коронаціи.

Между тѣмъ сообщалъ я Плещееву, который очень близокъ былъ къ Государю, въ дружеской откровенности мысли мои о разныхъ предметахъ государственнаго правленія и о многихъ, столь быстро, ежедневно дѣлаемыхъ, переменнахъ новымъ Императоромъ. Писалъ я, въ самомъ пламенномъ усердіи къ нему и отечеству много, можетъ быть, и полезнаго. Плещеевъ, находя оное таковымъ же и до пристрастія имѣя ко мнѣ вниманіе, намѣренъ былъ показать Государю мои письма, но, по счастью, время и обстоятельства не дозволили ему скоро того сдѣлать, а послѣ опыты очень ясно открыли, что это бы только безъ пользы могло навлечь гнѣвъ Государевъ на него и на меня.

Откровеннѣе и сильнѣе еще собирался я писать съ отправлявшимся въ Петербургъ, по Государеву повелѣнію, тогдашнимъ, церкви Іоанна Воина въ Москвѣ, священникомъ, Матвѣемъ Михайловичемъ Десницкимъ, что нынѣ Черниговскій Архіепископъ Михаилъ. Сей, по истинѣ, великой въ званіи своемъ мужъ, коего сочиненія весьма извѣстныя въ народѣ, исполненномъ безмѣрной къ нему любви и уваженія, между твореніями учителей Россійской Церкви могутъ сравниваться только съ сочиненіями Дмитрія Ростовскаго и Тихона, перваго Епископа Воронежскаго, былъ особливо привязанъ ко мнѣ съ самаго студенческаго его состоянія, и дружбу его, 25 лѣтъ продолжающуюся, почитаю я лестною для себя честію.

Я назначилъ притти ему ко мнѣ проститься и письма взять 25 Ноября по утру, но наканунѣ, поздно въ вечеру, между прочими, съ почты, письмами, получилъ я, въ письмѣ Григорья Григорьевича Кушелева, бывшаго тогда Генераль-Адъютантомъ, именное повелѣніе: ѣхать въ Санктпетербургъ и явиться прямо у Государя. Письмо Ку-

шелера дни два пролежало въ Москвѣ на почтѣ, потому что тогда, не имѣя съ Петербургомъ обыкновенной переписки, изъ дому нашего и не ходили на почту въ тѣ дни, когда она изъ столицы сей приходитъ, а ходили за письмами деревенскими изъ Орла и отъ нѣкоторыхъ пріятелей, жившихъ въ семь городѣ, съ которыми и Кушелева письма принесли.

Императоръ такъ приказалъ написать ко мнѣ, чтобъ никто о томъ не зналъ. Не знали даже самые ближайшіе при немъ друзья мои, Сергій Ивановичъ Плещеевъ и Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, котораго также, въ послѣдніе 12 лѣтъ его жизни, имѣлъ я счастье быть первымъ, смѣю сказать, другомъ. Дружбу сихъ двухъ изъ достойнѣйшихъ между смертными, считаю я истиннымъ и отличнымъ въ жизни моей счастьемъ.

Христіанскія добродѣтели, примѣрное благородство души и рѣдкія дарованія ума Плещеева извѣстны всѣмъ, знавшимъ его безпристрастно. Что же касается до Князя Репнина, то онъ, конечно, былъ одинъ изъ тѣхъ великихъ мужей, о которыхъ чувствованія любви къ высочайшей добродѣтели и почтенія къ истинному геройству съ восторгомъ удивленія читаютъ въ исторіи, и коихъ величію, не понимающіе возможности его и совершенства добродѣтели, не имѣютъ силы вѣрять. Если бы мои правила дозволяли мнѣ давать волю самолюбію, то я не просилъ бы другой на гробѣ моемъ надписи, кромѣ слѣдующей: *Онъ другъ былъ Репнина.*

Черезъ нѣсколько уже дней по отправленіи ко мнѣ указа, Государь сказалъ Плещееву по Французски: «Я тебѣ скажу новость: Лопухинъ нашъ, И. В., скоро сюда будетъ. Я послалъ за нимъ.» Дружеская связь моя съ Плещеевымъ и съ Княземъ Репнинымъ давно была извѣстна Государю, у котораго они были въ особенной довѣренности, когда Онъ еще былъ наследникомъ престола; и хотя основаніе связи сей было самое чистое, безкорыстное и весьма удаленное отъ всяческихъ политическихъ видовъ, но она то была наиболѣе причиною отѣннаго на меня устремленія, при произшествіи съ бывшимъ нашимъ обществомъ въ 1792 году, которое, однако жъ, тѣмъ чудеснѣе такъ легко, въ разсужденіи меня, кончилось, какъ описано мною въ повѣсти о судѣ семъ.

Потомъ Государь приказалъ еще Дмитрію Прокофьевичу Троцинскому, которой тогда былъ Статсъ-Секретаремъ, отписать ко мнѣ

съ курьеромъ, чтобъ я скорѣе пріѣхалъ и прямо бы представился Его Величеству, при чемъ угодно было Государю приказать, написать ко мнѣ, что отъ него самаго узнаю я о томъ употребленіи, къ коему онъ меня назначать изволить, по отличному его ко мнѣ благоволенію и по извѣстнымъ моимъ достоинствамъ.

Черезъ пять дней послѣ получения перваго указа отправился я въ Петербургъ. Прискорбно мнѣ было разставаться съ отцомъ моимъ, которой тогда уже не вставалъ съ постели и почти ежечасно требовалъ моей помощи, сдѣлавъ къ ней привычку многихъ лѣтъ. Не только не радовался онъ моей, такъ называемой, фортуны, но съ начала досадовалъ на меня, подумавъ, что я самъ ее проискивалъ. Я успокаивалъ его, лаская надеждою скорого возвращенія. Надежда сія подлинно подкрѣплялась во мнѣ чувствомъ, что не рожденъ я ни для какого Двора.

4 Декабря 1796 года предсталъ я предъ Павла Перваго. Онъ такъ милостиво меня принялъ, и такой имѣлъ даръ приласкать, когда хотѣлъ, что ни съ кѣмъ во всю мою жизнь не былъ я свободенъ при первомъ свиданіи, какъ съ симъ грознымъ Императоромъ. Сергій Ивановичъ Плещеевъ, который ввелъ меня въ его кабинетъ, и одинъ былъ въ немъ при семъ первомъ моемъ представленіи, удивляясь моей смѣлости, послѣ дружески мнѣ совѣтовалъ обращаться съ Государемъ осторожнѣе. Однако я всегда смѣлъ былъ предъ нимъ, и никогда ни сколько Его не робѣлъ, даже во время самой Его холодности ко мнѣ, о которой опишу въ своемъ мѣстѣ.

Въ Государѣ семъ, можно сказать, безпримѣрно соединились всѣ противныя одно другому свойства до возможной крайности: только острота ума, чудная дѣятельность и щедрость безпредѣльная являлись въ немъ при всѣхъ случаяхъ неизмѣнно. Пылкость гнѣва Его никогда, однако жъ, не имѣла послѣдствій невозвратныхъ. Къ строгости побуждался онъ точно стремленіемъ любви, правды и порядка, коего разстройство увеличивалось иногда въ глазахъ Его предубѣжденіемъ. Сильное впечатлѣніе въ нравъ Его дѣлало, конечно, то, что отъ самаго дѣтства напоенъ Онъ былъ, такъ сказать, причинами къ страхамъ и подозрѣніямъ, и что безмѣрная дѣятельность Его стѣснялась невольнымъ бездѣйствіемъ до тѣхъ немолодыхъ уже лѣтъ, въ которыхъ вступилъ Онъ на престолъ. Я увѣренъ, что при рѣдкомъ Государѣ больше, какъ при Павлѣ I, можно было бы сдѣлать добра для

Государства, естли бѣ окружавшіе Его руководствовались усердіемъ къ отечеству, а не видами собственной корысти.

Первой разговоръ Его со мною былъ о Московскомъ Митрополитѣ, Платонѣ, на котораго Онъ тогда гнѣвался за то, что Платонъ, по Его призыву, не только отиѣнно милостивому, но, можно сказать, дружескому, не поспѣшилъ къ нему прѣѣхать, и представлялъ противъ начатаго Императоромъ жалованья духовнымъ особамъ знаковъ орденовъ кавалерскихъ. При чемъ Государь спрашивалъ меня, какъ я думаю объ этомъ жалованьи? Я Ему отвѣчалъ, что истинной Церкви Христіанской такія почести, самолюбіе цитающія, конечно, неприличны. Но пріемля правленіе Церкви нынѣ больше учрежденіемъ политическимъ, не бесполезно, по моему мнѣнію, употребляться могутъ такія отличія для награды и обоощренія оцаго членовъ, коихъ весьма не можно въ прямомъ смыслѣ почитать истинно духовными; l'habit ne fait pas le moine (идать монахомъ не дѣлаетъ), прибавилъ я. «Правда твоя», сказалъ Государь.

Я старался оправдывать Платона, сколько могъ, а Государь сильно обвинялъ его, и съ нѣкоторымъ огнемъ неудовольствія даже противъ меня, при всемъ, несказанно милостивомъ, со мною обращеніи. Однако я смѣло продолжалъ и имѣлъ счастье много помочь къ умиловленію Государя. Кончилось, тѣмъ что онъ изволилъ мнѣ сказать: «Ну, видно, ты прямо любишь Платона; и, естли такъ, какъ ты говоришь, то мы съ нимъ помиримся. Пусть онъ сюда прѣѣдетъ!»

Тотъ же день писалъ я все это къ Митрополиту, советуя поспѣшить прѣѣдомъ. Но онъ прежде еще воротился съ дороги, получивъ весьма гнѣвное отъ Императора письмо, отправленное къ нему еще до моего прѣѣзда, и по его же повелѣнію съ жестоимъ выговоромъ изъ Синода указъ, о коемъ опредѣленіе чины подписывади въ день праздничный, въ олтарѣ придворной церкви, въ самое время совершенія литургіи, отъ чего онъ занемогъ и не смѣлъ уже ѣхать. Утѣдомля меня о томъ, благодарилъ онъ меня точно такими словами, что и батюшка его родной не могъ бы больше для него сдѣлать. Съ моей стороны и по сей часъ не было иныхъ чувствъ, кромѣ искренней дружбы и почтенія къ еему знаменитому дарованіямъ, своимъ мужу и пастырю, рѣдкимъ благоразуміемъ уроченному.

Послѣ разговора со мною, Императоръ, при первомъ свиданіи съ Новгородскимъ Митрополитомъ, Гавріиломъ, сказалъ ему: «Пожауйте,

оставьте Платона въ покоѣ, и безъ меня не касайтесь до него! Мы и такъ пересолили.»

5 Декабря выносили въ Петропавловской соборъ тѣла Императора Петра III и преставившейся Императрицы. Въ сей церемонии шелъ я за Государемъ, который въ тотъ день пожаловалъ меня въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники, съ повелѣніемъ находиться при Немъ. Такимъ образомъ тогда, какъ и при покойной Императрицѣ и прежде, опредѣлялись Статсъ-Секретари.

Въ вечеру того же дня Государь, призвавъ меня къ себѣ, приказалъ мнѣ объявить въ Сенатъ Генераль-Прокурору волю его объ освобожденіи всѣхъ безъ изъятія заточенныхъ по Тайной Экспедиціи, кромѣ повредившихся въ умѣ. О сихъ послѣднихъ приказалъ Государь усугубить попеченіе къ возможному излѣченію, для освобожденія также ихъ по выздоровленіи, а между тѣмъ, сколько можно, ихъ поконить. И вообще приказалъ онъ по сей Экспедиціи принять мѣры къ лучшему и сколько можно спокойнѣйшему содержанію арестантовъ.

Я обнимаю коднаго Государя, дававшего сіе повелѣніе, точно, кажется, по одному чувствованію любви къ человѣчеству.

Конечно, всякое возможное облегченіе судьбы подвергнувшихся заключенію подъ стражу тайную, требуется сколько человѣколюбіемъ, столько и самою справедливостію; ибо тѣсны и строги могутъ быть и нѣкоторыя тюрьмы публичныя для исправленія кратковременныхъ въ нихъ содержавшихся нѣкотораго рода преступниковъ, и для удержанія примѣромъ для другихъ отъ преступленій подобнаго рода. Но тѣснымъ и тягостнымъ въ темницахъ содержаніемъ угнѣтать такихъ людей, которые иногда и по основательнымъ причинамъ осуждаются на заключеніе подъ стражу тайную, было бы единственно презрѣніе человечества, или месть вѣтернивая не только правилами Христіанства, но и самаго великодушія.

Милость и довѣренность Государевы ко мнѣ были неописанныя. Его снисхожденіе даже до того простиралось, что онъ позволилъ мнѣ быть при Немъ, по моей должности, только въ послѣобѣдienne часы для того, что, по тогдашней моей привычкѣ, очень мнѣ тяжело было рано по утру вставать, и я просилъ отъ утряннихъ прїѣздовъ меня уволить. Часто были такіе минуты, въ которыя тысяча душъ для себя выпросятъ отъ него бы мнѣ одного слова.

Милость такая родила противъ меня зависть, какъ обыкновенно при Дворахъ бываетъ. Всего больше неприятнымъ для нѣкоторыхъ меня сдѣлало опредѣленіе Государемъ должности моей въ томъ, чтобъ извѣстны мнѣ были всѣ дѣла по Тайной Экспедиціи; чтобъ всегда открытъ былъ мнѣ входъ ко всѣмъ заключеннымъ по ней во всей Имперіи, и чтобъ я могъ, когда заблагоразсужу, присутствовать при сдѣдствіяхъ, въ ней производившихся.

Тогдашній Генераль-Прокуроръ, пользуясь родствомъ своимъ и моею дружбою съ Княземъ Николаемъ Васильевичемъ Репнинымъ, два раза самымъ убѣдительнымъ образомъ просилъ его уговорить меня отказаться отъ оной должности. Князь вмѣстѣ со мною удивлялся такой прозвбѣ. Мы думали, что въ подобныхъ дѣлахъ надобно бы еще радоваться товарищамъ. Не уже ли, говорили мы, свидѣтели при нихъ въ тягость?

Скоро открывшаяся неспособность моего характера держаться при Дворѣ успокоила моихъ завистниковъ. Особливо примѣтили они это изъ слѣдующаго случая:

Государь приказываетъ мнѣ съзвать къ Трощинскому, рассмотреть конфирмованный уже имъ докладъ Сената о нѣкоторыхъ осужденныхъ по дѣлу объ утратѣ въ Государственномъ Банкѣ, начавшемуся еще при жизни Императрицы; остановить исполненіе и найти способъ оправдать, или гораздо облегчить участь, одного изъ осужденныхъ иностранца, котораго имя я забылъ. «Меня объ нешъ просилъ сынъ, Александръ Павловичъ,» сказалъ мнѣ Государь, «а его разжаловала жена этого арестанта, которую онъ видѣлъ у мужа ея, посѣщая арестантовъ по должности Военнаго Губернатора Истербургскаго.

Я поѣхалъ къ Трощинскому, у котораго, изъ короткой записки о семъ дѣлѣ, увидѣлъ, что осужденный оной признанъ равно виноватымъ съ нѣсколькими другими и къ одинакому приговоренъ публичному наказанію. Конфирмованный Государемъ докладъ возвращается уже былъ въ Сенатъ, а изъ Сената, какъ я и тамъ справился, повелѣніе уже было указъ къ второму Военному Губернатору о исполненіи.

Сообразивъ обстоятельства дѣла, я думаю, что простить, или облегчить казнь, всегда прилично милосердію самовластнаго Государя; но изъ осужденныхъ къ равному наказанію равныхъ преступниковъ

одного исключить, или очень меньше наказать предъ другими, было бы нарушить правосудіе съ самымъ презрѣніемъ къ человѣчеству.

Всего лучше казалось мнѣ, естли нельзя всѣхъ простить, то переимѣнить наказаніе всѣхъ, равно съ онымъ иностранцемъ, приговоренныхъ на содержаніе въ Смирительномъ Домѣ, или въ какихъ другихъ тюрьмахъ, и его освободить прежде и сіе сдѣлать, естли угодно Государю, скрытиѣ, чтобъ, по крайней мѣрѣ, сколько нибудь при томъ въ наружности сохранишь порядокъ правосудія.

Съ такими мыслями возвратился я къ Государю. Онъ былъ тогда въ кабинетъ съ Наслѣдникомъ, Александромъ Павловичемъ, и Княземъ Безбородкой. Скоро вошелъ въ секретарскую нашу комнату, которая была предъ самимъ кабинетомъ и, подошедъ, ко мнѣ, спрашиваетъ тихонько: «Что я сдѣлалъ?» — Я доложилъ ему о моей справкѣ и мысли свои представилъ. — «Какъ же, сказалъ Государь, всѣхъ! Они виноваты!» — «Да и онъ виноватъ,» отвѣчалъ я. Государь, подошедъ къ Безбородкѣ, и также говорилъ съ нимъ тихо. Я остался у своего секретарскаго стола. Поговоривъ нѣсколько съ Безбородкою, Государь, оборотясь ко мнѣ, изволилъ сказать: «Что жъ не подойдешь ты къ намъ; Иванъ Владиміровичъ? Мы говоримъ о твоємъ дѣлѣ.» Я подошелъ; Государь продолжалъ: «Вотъ и Александръ Андреевичъ говоритъ, что можно его освободить и послать только, какъ хорошаго художника (не помню, какого только мастерства), на жительство въ бывшій городъ Воскресенскъ Московской губерніи, гдѣ онъ и полезенъ будетъ для отдѣлки монастыря.» — «А прѣчихъ то,» докладывалъ я, «съ коими онъ равно виноватъ, куда же?» — «Въ семьку, по приговору,» отвѣчалъ Государь. — «Воля ваша,» сказалъ я, «только это будетъ несходно съ правдою и порядкомъ.» — «Да онъ же почти и невиновать,» выговорилъ притомъ Князь Безбородко. — «Какъ же,» говорилъ я, «невиноваго Сенатъ осудилъ и Государю казнь его подписать дали?» На сіе Государь мнѣ съ гнѣвомъ: «Полно, братецъ, переестань!»

Замолчавъ, отошелъ я къ своему столу. Государь, поговоря оиатъ тихонько же съ Безбородкою, подошелъ ко мнѣ и уже милостиво спрашивалъ: «Ну, что жъ ты думаешь сдѣлать?» — «Я сдѣлаю то, что Ваше Величество приказать изволите, а думаю, что не сравнять наказаніе будетъ несправедливо и несходно съ Вашимъ великодушіемъ. Нѣтъ,» сказалъ Государь, «эдакъ нельзя: я прикажу Архарову.»

Послѣ сей-то сцены товарищи мои, какъ мнѣ одинъ изъ нихъ послѣ самому сказывалъ, надежно заключили, что не удержусь я

при Дворѣ. Однако послѣ ея Государь ни сколько еще не отгнѣнилъ своего милостиваго со мною обращенія.

Но вотъ что не мало замѣчательнаго при семъ надобно сказать. Въ комнатѣ, гдѣ оное происходило, были только Императоръ, Наслѣдникъ, Князь Безбородко, человѣка два изъ самыхъ ближнихъ при Государѣ и я, да первой Государевъ камердинеръ стоялъ у дверей. Не больше, конечно, какъ черезъ полчаса послѣ оной сцены я поѣхалъ домой, а на завтра, какъ я проснулся, камердинеръ мой говоритъ мнѣ: «Что это вы такъ спорите съ Государемъ, какъ вчерась сказывають. Вѣдь бѣда будетъ!» — «Отъ кого онъ это слышалъ? спрашиваю я.» — «Отъ бывшаго за мной лакея.» — «А онъ отъ кого?» — «Отъ придворнаго.»

Окружавшимъ Государя не нравилась также связь моя съ Княземъ Репнинымъ и Плещеевымъ, и тѣмъ больше, что основанію ея предполагали они правила столько же твердыя, сколько съ образомъ ихъ мыслей несходныя. Ожидали, что связь сія можетъ очень усилиться и распространиться.

Когда Государь, по моему представленію, приказалъ послать за стариннымъ же другомъ моимъ, Захаромъ Яковлевичемъ Карیفевымъ, человѣкомъ, исполненнымъ честности и рѣдкихъ къ службѣ способностей, бывшимъ тогда въ Орлѣ Вице-Губернаторомъ, то заключеніе оное подтвердилось, и на явныя, часто при Дворахъ употребительномъ, говорили, что я подбираю себѣ партію. Но у меня истинно того никогда и въ мысляхъ не было. Во всю бытность мою при Дворѣ одинъ предметъ мой былъ: служить Государю вѣрно, вездѣ, гдѣ только мнѣ представится случай, соблюдать пользу Государства и челоѣчества вообще, а милость Государеву сохранять, доколѣ то будетъ угодно единому источнику милости непреложной.

Вотъ что, при посылкѣ за Карیفевымъ, случилось примѣчательнаго со стороны мечтательности интрижныхъ заботъ придворныхъ. Въ то время, какъ я еще и не думалъ представлять объ немъ, уже говорили, что я стараюсь опредѣлить его въ Секретари по военной части при Государѣ, и одинъ изъ любимцевъ его всякой день спрашивалъ меня: «Послали ль за Карیفевымъ?» не хотя мнѣ вѣрить, что не послали. Черезъ нѣсколько дней, послѣ такихъ вопросовъ, самый этотъ любимецъ, сидя со мною на канапѣ предъ Государевымъ кабинетомъ, фамильярнымъ и очень будто дружескимъ тономъ, какой онъ уже тогда употреблялъ со мною, проситъ меня еще въ откровенности

ему сказать, послали ль за Карнѣевымъ? Я увѣряю его, что имѣть, ризы безъ меня, что нельзя и глупо было бы мнѣ таить это, и что, ежели чрезъ меня призываться будетъ Карнѣевъ, то я тотчасъ ему скажу. Только что кончили этотъ разговоръ, Государь, не помню за чѣмъ, изволилъ позвать меня къ себѣ въ кабинетъ. и я тутъ имѣлъ случай доложить о Карнѣевѣ, какъ о человѣкѣ, коего служба при немъ полезна быть можетъ. «Пошли жъ за нимъ,» сказалъ мнѣ Государь. Вышедъ изъ кабинета, написалъ я къ Генералу-Прокурору письмо, съ объявленіемъ воли Государевой о прїездѣ Карнѣева въ Петербургъ, и показалъ оное любопытному прїятелю моему придворному.

Никогда, однако, не считалъ я за полезное быть Карнѣеву по военной части, отъ которой онъ тогда уже лѣтъ двадцать отсталъ. Но я думалъ всегда, что по всѣмъ частямъ правленія, нужно быть при Государѣ особливимъ Секретарямъ или докладчикамъ, кромѣ управляющихъ частями или Министровъ, койхъ доклады о своихъ же производствахъ, по большей части должны быть естественно не иное, какъ ходатайство за то, что только имъ прїятно и надобно. Такой перевѣсъ весьма бы, конечно, былъ полезенъ, особливо по дѣламъ Сената коего большинство голосовъ давно уже сдѣлалось однимъ только отголоскомъ Генерала-Прокурора. «Согласенъ съ предложеніемъ Его Превосходительства, или Сїятельства, или Свѣтлости,» только почти и слышится и пишется въ общихъ собраніяхъ онаго.

Карнѣевъ прїѣхалъ въ Петербургъ. Все уже противъ него настроено было. Одинъ самой ближній при Государыи комнатной человѣкъ, мнѣ рѣшительно сказавъ, что ни какъ его не допустить остаться при Дворѣ. Государь откладывавъ его представленіе день за день, и Карнѣевъ первой разъ представленъ былъ Государю вмѣстѣ съ прочими уже благодарить за опредѣленіе его Губернаторомъ въ Минскъ, съ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, которое опредѣленіе послѣдовало по многому старанію, чтобъ, по крайней мѣрѣ, не напрасно онъ мною вызванъ былъ. Продолженіе службы сего достойнаго человека доказываетъ, сколько онъ полезенъ для нея.

Съ того времени Государь сдѣлался холоденъ ко мнѣ; только прямой тому причины я и теперъ не знаю. Признаюсь, что и не любопытствовалъ много знать ее, зная, что я съ своей стороны не подаю ни какой. Вообще, кажется, можно вѣрно заключить, что главною причиною было затрудненіе, въ которое поставили Государя противъ меня тѣ, коиъ я былъ ненадобенъ, и которые ему

больше были надобны, нежели я. Особое свойство великодушія потребно Государямъ, чтобъ одолѣвать сіе затрудненіе.

Не только уже Императоръ не дѣлалъ мнѣ ни какихъ препорученій и не призывалъ меня въ свой кабинетъ, но пересталъ и говорить со мною. Чувствуя, что ни чѣмъ не заслужилъ я гнѣва Его, былъ я очень спокоенъ. Знатоки придворнаго дѣла осуждали мое равнодушіе, и совѣтовали мнѣ хотя притворяться огорченнымъ. Почитая всегда притворство искусствомъ самымъ презрительнымъ, продолжалъ я свою откровенность, и даже чаще тогда веселъ былъ, какъ бы отъ предчувствія того, что скоро освобожусь я отъ бремени придворной жизни.

Нѣсколько разъ намѣренъ я былъ объясниться съ Государемъ въ кабинетѣ. Но тотъ, кто обыкновенно докладывалъ о входѣ въ него, не смѣлъ доложить обо мнѣ, а пріятели, искренно мнѣ добра желавшіе и которые больше знали нравъ Государя, не совѣтывали мнѣ того дѣлать. Наконецъ уже очень явно стало, что ни какъ не можно мнѣ оставаться при Государѣ, и я открыто говорилъ, что сколько бы желалъ я сохранить милость къ себѣ Государеву, столько же порадовался бы увольненію моему отъ Двора.

Тотъ же самый ближній комнатный человѣкъ, о которомъ сказалъ я выше, предлагалъ мнѣ подать отъ меня Государю письмо о моемъ отъ него увольненіи, въ которомъ я могу просить себѣ многаго, что онъ увѣренъ, что Государь при отпускѣ моемъ все сдѣлаетъ въ мое удовольствіе, и за это отвѣчаетъ. Я не соглашался. «Вы философъ,» говорилъ онъ мнѣ, «а Двора, позвольте сказать, не знаете. Теперь Вамъ случай, я вѣрно знаю, такъ много получить, какъ уже никогда не удастся, ежели упустите его. Лента ли Вамъ надобна, Государь тотчасъ ее надѣнетъ на Васъ, чинъ также получите. Естьли же Вамъ надобна тысяча душъ, или больше, гдѣ Вамъ угодно, то я берусь по подачѣ Вашего письма, вынести Вамъ на то указъ, и позволяю Вамъ сдѣлать со мною, что хотите, ежели того не исполню.»

«Нѣтъ,» отвѣчалъ я ему, «я не соглашусь на Ваше предложеніе, хотя и увѣренъ я въ его успѣхъ (и подлинно я былъ увѣренъ). Я не философъ, но правда, что люблю держаться правилъ философскихъ. Двора подлинно я не знаю, и никогда, думаю, очень знакомъ съ нимъ быть не могу, только въ этомъ случаѣ, мнѣ кажется, и придворныя обстоятельства вижу я тонѣе Вашего. Я не искалъ бытъ при Государѣ, Онъ самъ изволилъ призвать меня и принять»

личною милостью. Гнѣва Его я не заслужилъ. Возвратится милость Его ко мнѣ, я буду очень радъ; продолжится гнѣвъ Его, все я не виноватъ буду. Уволить Онъ меня отъ себя съ милостью, я буду счастливъ, съ немилостью — несправедливость не на моей сторонѣ будетъ. Но когда я самъ буду просить увольненія и награды отъ Него, не заслужа ихъ, то я оправдаю гнѣвъ Его; и тогда-то, если не удастся мнѣ, потеряю я то, чего уже, конечно, никогда возвратить не можно во всякомъ смыслѣ.»

Въ такомъ расположеніи продолжалъ я всякой день спокойно быть свои часы предъ кабинетомъ Государевымъ, и нѣсколько въ нихъ разъ видѣть Его въ гнѣвѣ, или очень холоднаго ко мнѣ. Между тѣмъ я старая сыскивать хорошій способъ удалиться отъ Двора. Вѣрный другъ мой, Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ, помогалъ мнѣ въ томъ, хотя и онъ тогда былъ уже не въ прежней милости и довѣренности у Государя. Однажды, воспользуясь очень благосклоннымъ разговоромъ Государя въ Эрмитажѣ, Плещеевъ говоритъ Ему обо мнѣ и проситъ уволить меня, если я Ему негоденъ, съ милостью. Государь отказалъ, сказавъ: «Полно, дайте время! Мы съ нимъ уживемся.» Но вотъ что надобно при семъ рассказать, какъ весьма характеризующее покойнаго Государя.

По званію моему Статсъ-Секретаря былъ при мнѣ Коллежскій Советникъ Александръ Алексѣевичъ Лѣнивцевъ, человекъ съ рѣдкими дарованіями ума и сердца. Онъ былъ давно другъ Плещееву и мнѣ, и Государю извѣстенъ былъ. Плещеевъ, настаивая о увольненіи меня, выговорилъ Государю: «А когда Лопухина изволите отъ себя уволить, то Лѣнивцева прошу пожаловать, опредѣлить ко мнѣ.»—«Такъ-то,» отвѣчалъ Государь съ жаромъ: «хорошъ же ты другъ Ивану-то Владимировичу! Его прочъ для того, чтобъ Лѣнивцева къ себѣ. Такъ знай же, что мы не разстанемся съ нимъ никогда,» и съ тѣмъ отошелъ отъ Плещеева.

Послѣ этого можно было подумать, что Государь перемѣнитъ обращеніе свое со мною на прежнее, однако оно нисколько не перемѣнилось. Странный и любопытства достойный случай рѣшилъ наконецъ увольненіе мое отъ Государя.

За нѣсколько мѣсяцевъ предъ кончиною Императрицы Екатерины II-й заключенъ былъ въ Шлиссельбургскую крѣпость нѣкто изъ монаховъ, или послушниковъ монастырскихъ, которой предсказывалъ о Ея кончинѣ, и точно въ то время, какъ она случилась. При осво-

божденіи всѣхъ по Тайной Экспедиціи, привезенъ былъ и онъ въ Петербургъ. Бумаги его хранились у Новгородскаго Митрополита, Гавріила. Въ одинъ вечеръ Государь, переговора въ своемъ кабинетѣ съ Митрополитомъ, принесшимъ къ нему оныя бумаги, призвалъ къ себѣ Сергѣя Ивановича Плещеева и, отдавъ ему ихъ, приказалъ показать мнѣ, и изтребуя мнѣніе мое какъ о сихъ предсказательныхъ бумагахъ, такъ и о томъ, что дѣлать съ ихъ сочинителемъ, донести оное Ему, только съ тѣмъ, чтобъ Сергѣй Ивановичъ все это производилъ со мною отъ себя, отнюдь не открывая мнѣ волю о томъ, въ разсужденіи меня, Государеву.

Разсмотрѣвъ оныя бумаги, нашель я въ нихъ смѣсь мрака съ нѣкоторыми отвѣчиваніями просвѣщенія. Соединеніе такое весьма возможно отъ сліянія непрестанныхъ дѣйствій безчисленныхъ посредствъ на неизмѣримой лѣствицѣ свѣта и глубокихъ впечатлѣній тьмы. А потому не всякой, предсказатель и правды, самымъ лучешъ свѣта открываемой, есть всегда святой, просвѣщенной, и сколько несправедливо отвергать возможность истинныхъ предсказаній, столько жъ неблагоуразумно и вредно уважать всякое предсказаніе и на немъ основываться. О сочинителѣ бумагъ оныхъ полагаю и, что какъ онъ уже посвятилъ себя трудничеству и уединенію монашескому, то всего лучше опредѣлить его въ какой нибудь выгодной монастырь и къ такому Настоятелю, которой бы могъ его руководствовать и къ очищенію его понятій, въ коихъ подлинно было много смутнаго.

Мнѣніе мое очень понравилось Государю. При донесеніи Плещеева, онъ много съ нимъ обо мнѣ разговаривалъ, сказывалъ хорошее свое обо мнѣ заключеніе, хвалилъ мои способности, «только не имѣю я,» говорилъ онъ, «довольно тѣхъ, какія ему надобны въ находящихся при особѣ Его.» Плещеевъ убѣдительно просилъ моего увольненія, какъ того, чего единственно я желаю. Государь согласился меня уволить отъ себя, но не иначе, какъ съ награжденіемъ, и для того приказывалъ Плещееву сказать мнѣ, чтобъ я подалъ записку о томъ, чего хочу. Плещеевъ, зная меня, увѣрялъ, что я никакъ того не сдѣлаю, а совершенно предаюсь милостивой Его волѣ. Долго Государь настаивалъ о запискѣ, но наконецъ, повѣря Плещееву, что я доволенъ буду Сенаторствомъ въ Москвѣ, пожаловалъ меня Тайнымъ Совѣтникомъ и Сенаторомъ въ Московскіе Департаменты.

Сіе происходило поутру 20 Января, 1797 года. Только что я проснулся, явились ко мнѣ фельдъегери съ поздравленіемъ и съ копіею подписаннаго уже обо мнѣ указа, присланною отъ моихъ товарищей, которые очень не жалѣли о разлукѣ со мною, однако также не пріятно имъ было и такое скорое мое повышеніе. Это точно такъ было, хотя нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались послѣ уже хорошими мнѣ пріятелями.

Я поѣхалъ во Дворецъ благодарить Государя. Онъ тогда былъ въ кабинетѣ. Докладчикъ и отверзатель дверей кабинетныхъ, тотъ же ближній комнатный, о которомъ я уже два раза говорилъ, хотя по пословицѣ: *хоть съ ангелами ликовъ*... однако, желая мнѣ добра, говорилъ мнѣ, что лучше поблагодарить послѣ обѣда; что Государь теперь возвратился съ вахтъ-парада очень невеселъ; а ему хотѣлось бы, чтобъ Государь принялъ меня въ кабинетѣ, и увѣрять, что непременно изволить то сдѣлать, и съ милостью, только въ лучшей части. Я опять спорилъ съ нимъ, увѣряя, напротивъ, что этого не будетъ, и смѣючись говорилъ ему, что ни какъ я о себѣ во всемъ лучше знаю придворную карту, нежели онъ, хотя, впрочемъ, онъ ее гораздо тверже моего знаетъ. «Нѣтъ, «отвѣчалъ онъ,» повѣрьте, что будетъ такъ, какъ я говорю съ Вами; объ какомъ угодно закладѣ ударюсь, только пріѣзжайте послѣ обѣда.» — «Пробьешь,» сказалъ я ему.

Пріѣхалъ я послѣ обѣда. Онъ пошелъ въ кабинетъ докладывать Государю. Былъ тамъ необыкновенно долго; ибо обыкновенно, онъ только отворяя двери, называлъ Государю того, кому есть надобность войти въ кабинетъ, или вошедши въ него, ту жъ минуту отворялъ двери для входу кому надобно, или отказывалъ по волѣ Государевой. Тогда же, побывъ у Государя около четверти часа, вышелъ ко мнѣ, ожидавшемуся у дверей кабинета, и съ улыбкою, сперва тихонько, мнѣ сказалъ: «Вы правы;» а потомъ въ слухъ, при нѣсколькихъ тутъ бывшихъ: «Государь извиняется, что не можетъ Васъ принять въ кабинетѣ: онъ теперь занятъ письмомъ, и тотчасъ сюда выйдетъ.»

Черезъ нѣсколько минутъ Государь вышелъ. Въ дверяхъ Онъ громко кашлянулъ, и когда я, ставъ на колѣно, поцѣловалъ у Него руку, то Онъ, поцѣловавъ меня два раза въ щеку, сказалъ: «Vous m'avez fait tousser, я отъ тебя закашлялся.» Что значили сіи слова, не знаю и по сіе время, и никто изъ очень знавшихъ покойнаго Государя не могъ никогда мнѣ ихъ растолковать.

Такимъ образомъ кончилось придворное бытіе мое: и въ самое короткое время, въ часы почти, испыталъ я всѣ соблазны придворной жизни и, такъ называемаго, щастія временщиковъ.

Что же сказать о жизни придворной? Картина ея весьма извѣстна и всегда та же, только съ нѣкоторою переменною въ тѣняхъ. Корысть — идолъ и душа всѣхъ ея дѣйствій. Угодничество и притворство составляютъ въ ней весь разумъ, а острое словцо въ толчокъ ближнему — верхъ его.

КНИГА ПЯТАЯ.

Возвращеніе мое въ Москву неописанно обрадовало отца моего. Но не долго утѣшался онъ житьемъ моимъ съ нимъ и покоился продолженіемъ попеченій моихъ объ немъ, лежавшемъ уже на одрѣ смерти. Въ томъ же году лѣтомъ скончался онъ на рукахъ моихъ, и хотя онъ былъ девяноста двухъ лѣтъ и въ крайнемъ разслабленіи, однако смерть его огорчила меня столько, какъ бы и за много лѣтъ предъ тѣмъ случилась.

Въ Москвѣ началъ я присутствовать въ Сенатѣ. Сходно съ желаніемъ моимъ, былъ я опредѣленъ въ 5 Департаментъ, что нынѣ 6 Уголовный, въ которомъ и тогда производились, по большей части, также уголовныя и слѣдственные дѣла, переданныя изъ Петербургскихъ Департаментовъ. При семъ еще, какъ о знакъ благоволенія ко мнѣ Императора, надобно сказать, что Онъ, какъ при пожалованіи меня въ Сенаторы, узнавалъ отъ Плещеева, гдѣ пріятнѣе для меня будетъ служить Сенаторомъ, въ Москвѣ, или въ Петербургѣ, такъ и послѣ пожалованія приказалъ Генераль-Прокурору спросить меня, въ которомъ изъ Московскихъ Департаментовъ хочу я присутствовать?

И началъ присутствовать въ Сенатѣ по тѣмъ же правиламъ, по которымъ служилъ я и въ Уголовной Палатѣ. Большаго труда стоило мнѣ успѣвать въ пощадѣ чловѣчества, по причинѣ того несчастнаго предубѣжденія, коимъ исполнены были мои товарищи, что Государю будто угоденъ судъ самой строгой. Товарищей у меня было много. Собраніе Сенаторовъ очень тогда умножилось пожалованными вновь и опредѣленіемъ въ Сенаторы всѣхъ отмѣненныхъ въ то время Генераль-Губернаторовъ и правившихъ ихъ должность. Въ томъ числѣ были старики и привыкшіе считать себя знатоками. Не смотря ни на что, я съ ними спорилъ и доказывалъ, что оскорбительно и думать, чтобъ Государь услаждался жестокостью; что мнѣ очень извѣстно, что Онъ жаждетъ только правосудія, и что я увѣренъ, что Ему пріятно будетъ даже всякое возможное, съ законами только соображенное, облегченіе участи судимыхъ. Долго не соглашались со мною. Но много мнѣ помогло незнаніе сперва товарищей моихъ

о томъ, въ какомъ точно отношеніи находился ко мнѣ Государь при увольненіи меня отъ себя. Многіе и изъ самыхъ прозирателей въ Дворскую политику думали, что довѣренность Его ко мнѣ еще продолжается, что не тайное ли око Его я въ Московскомъ Сенатѣ и, судя по нраву Государеву заключали, что я могу скоро къ Нему возвратиться, и въ большую еще милость.

Такое ложное заключеніе послужило, однако жъ, къ избавленію многихъ несчастныхъ отъ жесточайшаго наказанія. Согласились со мною раза два, три, а тамъ уже трудно было и не соглашаться. Разнообразное рѣшеніе законами запрещается.

И такъ, во все царствованіе Павла I, во время присутствія моего въ Сенатѣ, ни одинъ Дворянинъ Пятымъ Департаментомъ не былъ приговоренъ къ тѣлесному наказанію, и по всѣмъ дѣламъ истощалась законная возможность къ облегченію осуждаемыхъ. Всѣ дѣла сего Департамента конфирмованы были Императоромъ. Два, или три, только, помнится, отмѣнилъ Онъ убавкою опредѣляемаго наказанія. Изъ сего можно видѣть, по склонности ли строго былъ Государь сей?

Послѣ кончины Его нѣкто изъ разумѣйшихъ Сенаторовъ Петербургскихъ, покойникъ же теперь, рассказывалъ мнѣ, съ какимъ прискорбіемъ принужденъ онъ былъ подписать кнутъ и ссылку сыну короткаго знакопца своего, да и безвинному почти. «Для чего жъ?» спросилъ я. «Боялись иначе,» отвѣчалъ онъ. — «Что,» говорилъ я, «такъ именно приказано было, или Государь особливо интересовался этимъ дѣломъ?» — «Нѣтъ,» продолжалъ онъ; «да мы по всѣмъ боялись не строго приговаривать, и самыми крутыми приговорами старались угождать Ему.» Промолчавъ о такой бѣдственной услугѣ, сказалъ я только моему товарищу: «Мы, далекіе отъ Двора, Московскіе Сенаторы, простѣе живемъ, и не отвѣдалъ бы, конечно, знакомецъ твой кнута, естли бъ случилось дѣлу его быть въ 5 Департаментѣ.»

Въ Мартѣ пріѣхалъ Государь въ Москву короноваться. Пребыванія его въ сей столицѣ было мѣсяца два. Всякую недѣлю имѣлъ я честь обѣдать и ужинать за столомъ Его: ни разу не вычернилъ онъ меня изъ реестра, каковой выключкъ иногда знатнѣйшіе меня подвергались; однако не говорилъ со мною ни слова. Я былъ при томъ спокоенъ, по правилу моему: «Чтобъ не заслужить только гнѣва Царскаго.»

Впрочемъ, у Государя въ сердцѣ противъ меня, конечно, ничего было, а какъ я прежде сказалъ, что сила моихъ недоброхотовъ,

которыя Ему нужны, или пріятны мнѣ, казались, поставила преграду изъявленіямъ милости Его ко мнѣ.

Тому же, что милость сія всегда продолжалась, въ доказательство расскажу я, между прочимъ одинъ слѣдующій случай.

Когда Государь, въ числѣ нѣкоторыхъ Сенаторовъ, пожаловалъ и меня Кавалеромъ ордена св. Анны 1 класса, то я, пославъ по обычаю, давно водившемуся, камердинерамъ триста рублей, сверхъ того одному старшему тогда при Государѣ камердинеру, молодому человѣку, очень любезному, и которой, въ бытность мою при Государѣ, безъинтересно любя меня, обязывалъ учтивствомъ своимъ и нѣкоторыми услугами въ Каморѣ, послалъ на кафтанъ бѣлаго бархату съ золотыми травками.

Сей молодой человѣкъ, бывшій тогда въ большой уже у Государя милости, въ первый праздникъ пришелъ къ Нему въ кафтанѣ, сшитомъ изъ моего бархата. Государь былъ очень веселъ. «Ты заставишь и меня К. (Кутайсовъ) носить Французскіе кафтаны. Что это за прелестной бархатъ! Откуда у тебя?» К. сказалъ. «Такъ стало Ив. Влад. любить тебя; смотри же, заслуживай любовь его! Это тебѣ и у меня аттестать,» изволилъ сказать Государь; и еще пространнѣе, какъ мнѣ послѣ рассказывалъ самъ К.

Въ началѣ 1800 года отправлены были Сенаторы для осмотра всѣхъ губерній; и я съ М. Г. Спиридовымъ посланъ былъ въ Казанскую, Вятскую, Оренбургскую.

Осмотры такіе, конечно, весьма полезны для сохраненія порядка и обузданія отъ злоупотребленій: хотя нѣкоторыя изъ сихъ послѣднихъ, и важнѣйшія суть такого рода, что рѣдко могутъ быть изобличены для наказанія судомъ, а необходимо иногда исправлять ихъ слѣдствія и сколько можно отвращать ихъ средствами, хотя гораздо меньше строгими, нежели бы по суду, основываясь единственно на довѣренности къ ревизорамъ. Почему и выборъ ревизоровъ долженъ быть весьма остороженъ.

Сіе особливо въ разсужденіи взятокъ, сей неизлѣчимой отравы суда. Чѣмъ большій мздоимецъ, тѣмъ труднѣе изобличить его.

Кажется, справедливо сказать можно, что едва ли не тщетны почти всѣ старанія о искорененіи взятокъ. Надобно сдѣлать прежде, если ли можно, чтобъ въ людяхъ лакомства не было, чтобъ они нужды и прихорей не имѣли, чтобъ, наконецъ, боялись Бога, какъ свидѣтеля

всего, или бы страстно любили правду, что безъ любви къ небесному ея источнику невозможно, или весьма ненадежно.

Касательно сей матеріи помѣщу я здѣсь нѣчто изъ писаннаго мною къ царствующему нынѣ Государю Императору.

Выписка изъ донесенія моего въ 1803 году по нѣкоторому случаю изъ Крыма.

«Ваше Императорское Величество Всемилоствѣише, конечно, простите мнѣ, что я отъ безпредѣльнаго усердія къ священной и, простите, еще сыновне искренней свободности моей, къ любезнѣйшей для меня Особѣ Вашей и къ драгоценному для меня отечеству, коего благо долженъ быть и есть первый предметъ Вашихъ желаній и попеченій, осмѣливаюсь и не о томъ, что настояще до меня касается, приводить мои свидѣтельства и мнѣнія.

И такъ при семъ скажу, что опредѣленіе хорошихъ начальниковъ есть лучшее средство къ благоустройству правленія и самое вѣрное врачеваніе корыстолюбія и лихоимства, столь много издавна заразившихъ службу во всѣхъ земляхъ, переходимую большею частью людей слабыхъ, разнымъ порокамъ подверженныхъ. Лучшее средство изгнать взятки есть такъ дѣлать, чтобъ или совсѣмъ не за что, или сколько можно меньше было, за что давать взятки. Когда главные начальники будутъ хорошо разумѣть и сами отправлять дѣла своей должности, тогда нижнимъ чинамъ нельзя будетъ, или крайне трудно и рѣдко возможно, и то въ самыхъ неважныхъ случаяхъ, вредить пользѣ службы, естли бъ и хотѣли. Таковымъ средствомъ гораздо удобнѣе изкоренить, или, по крайней мѣрѣ, сколько можно, умѣрить погубное дѣйствіе лихоимства, нежели самымъ строгимъ за оное наказаніемъ, для коего способы къ изобличенію весьма трудны, и, какъ давно извѣстно изъ опытовъ, тѣмъ труднѣе, чѣмъ важнѣе преступленія и лица.

Не малымъ способомъ къ обнаруженію сего послужить бы могла и отмѣна того закону, который равному подвергаетъ наказанію и пріемлющаго взятки и дающаго. Осмѣлюсь сказать, что послѣднѣе довольно бы оставить сужденію только внутреннему строгости тончайшей нравственности самой высокой добродѣтели, коея правила заставляютъ безъ изыятія жертвовать собственностью во всеобщей пользѣ и чести истинной, и которой столько же не естественнo быть между милліонами людей общею, какъ и быть каждому обязанностью, подъ взысканіе земскихъ законовъ подходящею: Объ от-

мнѣ онаго закона; но всегдашнему усердію моему; при одномъ случаѣ перваго осмотра губерній, дерзалъ я представлять еще въ Божь опочившему Государю Императору; родителю Вашему, и тѣмъ свободнѣе нынѣ пространно представляю Вашему Императорскому Величеству мое мнѣніе, что слышалъ я, что неутомимому попеченію Вашему, Государь, о законодательномъ утвержденіи основанія порядка и правды, благоутодно было повелѣть во всѣхъ отношеніяхъ разсмотрѣть оную важную въ кругѣ государственныхъ узаконеній статью Правительствующему Сенату, коего и я имѣю честь быть сочленомъ, имѣвнимъ счастье въ нѣсколькихъ случаяхъ доказать, по крайней мѣрѣ, желаніе быть достойнымъ онаго званія.»

Осмотръ нашъ очень былъ угоденъ Государю. Всѣ наши представленія были уважены, и всѣ рекомендованные нами чиновники пережалованы, а мы съ товарищемъ получили Командорскіе кресты ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, въ числѣ тѣхъ изъ обозрѣвшихъ губерніи Сенаторовъ, кои за отличные при томъ труды всѣ награждены были онымъ знакомъ милости.

Я старался осматривать не только формы, но и существо производства дѣлъ. Последнее очень трудно. Всѣхъ дѣлъ пересмотрѣть не можно; и какъ же попасть именно на тѣ, которыя не хорошо произведены, особливо съ умысломъ. Такія и таятся особливо. Удача часто мнѣ въ томъ помогала, на примѣръ: въ одной Палатѣ Уголовной приказываю я Предсѣдателю подать мнѣ одно изъ обривизованныхъ уже и рѣшенныхъ дѣлъ. «Какое?» спрашиваетъ онъ. «Какое попадется,» говорилъ я, «только прикажите подать скорѣе.» Что жъ! Предсѣдатель принесъ дѣло, и такъ безпорядочно произведенное и незаконно рѣшенное, что и на выборъ бы нельзя было выставить худшаго. При всей осторожности отъ строгостей излишнихъ, надобно было, однако жъ, двухъ членовъ за это дѣло выгнать изъ службы.

Главные черты образа осмотра нашего любопытные охотники до службы могутъ видѣть въ напечатанной тетради, подъ названіемъ: «Выписка наставленій и приказаній, данныхъ Гг. Сенаторами при осмотрѣ Вятской губерніи, въ Мартѣ 1800 года.» Сія книжка удостоилась одобренія многихъ знатоковъ, и нѣкоторые изъ разумныхъ и почтенныхъ ревизоровъ, при порученіяхъ имъ осмотра губерній, очень желали имѣть ее отъ меня, и потомъ говорили мнѣ искренно, что никогда въ подобныхъ случаяхъ безъ нея не пойдутъ.

Напечаталъ я ее съ напечатанныхъ уже порезнъ въ Вятской типографіи предписаній оныхъ, въ самое время дачи ихъ, для скорѣйшей разсылки въ разныя Присутственныя Мѣста и Уѣзды. Напечаталъ въ особую книжку для того больше, чтобъ показать публикѣ, какъ напрасно многіе въ ней винили меня за послѣдовавшее тогда отрѣшеніе всѣхъ чиновниковъ Вятской губерніи, кромѣ Губернатора. Въ выпискѣ же той, по коей одной тогда и Сенатъ судилъ о семъ отрѣшеніи, есть наставленія, замѣчанія, исправленія, но ничего нѣтъ такого, по чему бы можно было отрѣшить безъ суда.

Правда, что отрѣшеніе сіе сдѣлалось въ слѣдствіе нашего донесенія Государю объ осмотрѣ Вятской губерніи, о которой при многъ случаѣ писалъ я Его Величеству, что «она золотое дно, изъ котораго ненасытная алчность давно привыкла черпать всякими неправдами.» Конечно, въ слѣдствіе нашего донесенія, писаннаго совершенно справедливо, но совсѣмъ не такъ, чтобъ можно было отъ него ожидать такихъ строгихъ послѣдствій. Сіе вотъ какъ происходило.

Осмотрѣвъ Вятскую губернію, спѣшили мы, по причинѣ наставшей уже тогда распутицы, въ Казань. При отъѣздѣ же изъ Вятки послали мы въ Сенатъ короткій рапортъ, приложя, для умятѣнія образа осмотра нашего, оную напечатанную нынѣ выписку, и при томъ сказавъ, что подробнѣе донесемъ обо всемъ изъ Казани, сообразивъ нѣкоторыя статьи, имѣющія связь въ ея губерніи съ Вятскою. Сіе больше касалось до лѣсовъ, о коихъ мнѣніе наше тогда особливо уваженіе заслужило.

Въ то же время, доносъ Государю объ отъѣздѣ нашемъ въ Казань и о подробнѣйшемъ изъ нея донесеніи, по сдѣланнмъ вышесказаннаго соображенія, писали мы, что: «осмотрѣвъ Вятскую губернію, возможное, по данной намъ власти, на мѣстѣ исправилъ, къ лучшему устройству, въ чемъ нужно, предписали наставленія; по жалобамъ, доносамъ и подозрѣніямъ на нѣкоторыхъ чиновниковъ, велѣли мы судить; что важнѣйшія злоупотребленія притѣчаются особливо по Волостнымъ Правленіямъ, и для того мы на часть сію особенное обратили вниманіе, и всѣ возможныя установили средства къ претѣченію оныхъ злоупотребленій и наказанію ихъ судомъ; что, наконецъ, обыкнувъ говорить предъ Августѣйшимъ престоломъ Его Величества правду, не можемъ мы сказать, чтобъ какое нибудь Присутственное Мѣсто, или чиновникъ въ губерніи Вятской, заслуживали представленными быть въ особое благоволеніе Государево.

А что принадлежит до Гражданскаго Губернатора, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Тютчева, то сей, въ честности состарѣвшійся, чиновникъ (ему тогда было лѣтъ 80, по крайней мѣрѣ), истоощаетъ послѣднія свои силы къ наилучшему исполненію своей должности, и голосъ всей губерніи свидѣтельствуетъ о его правдолюбивъ и добродушіи.»

Вотъ вся сила нашего донесенія: Сочиняя его, не могъ я и вообразить того, что послѣдовало. Государь, прочитавъ сіе донесеніе, тотчасъ далъ два указа: однимъ приказать Губернатора, за старостью, уволить отъ дѣлъ, съ полнымъ въ пенсіонъ жалованьемъ за усердную его службу, а прочихъ всѣхъ безъ изъятія чиновниковъ Вятской губерніи отрѣшить и предать суду.

Возопили на меня за Вятскихъ, и на меня именно, какъ писали ко мнѣ тогда же съ пріятельскими упреками нѣкоторые, имѣвшіе въ то время большое вліяніе на дѣла при Государѣ и въ Сенатѣ.

Скоро, однако жъ, и на тѣхъ же почти дняхъ, успѣли ближніе при Государѣ изходатайствовать симъзхожденіе милости Его и дозволеніе, прежде исполненія указа объ отрѣшеніи, разсмотрѣть въ Сенатѣ наши бумаги, и, сдѣлавъ постановленіе о томъ, какимъ образомъ исполнять: его, поднести докладъ. Сдѣлали сіе весьма похвально, только не додѣлали.

Сенатъ, разсмотрѣвъ помянутую нашу выписку, которая тогда одна еще объ осмотрѣ Вятскомъ и была получена отъ насъ, и по содержанію коей никого отрѣшать по справедливости не слѣдовало, положилъ, однако, отрѣшить всѣхъ присутствующихъ Губернскаго Правленія и Палаты, кромѣ Казенной, которую защитилъ Государственный Казначей, присутствуя при семъ положеніи въ Сенатѣ. Въ числѣ опредѣленныхъ къ отрѣшенію были и такіе, кои только что вступили въ должность и не могли быть ни въ чемъ виноваты. О прочихъ же чиновникахъ положилъ Сенатъ разсмотрѣть на мѣстѣ, кому отъ Государя указано будетъ, и о семъ поднести ему докладъ. Государь изволилъ докладъ подтвердить, а разсмотрѣніе препоручить намъ же.

Сіе-то отправляя къ вамъ для исполненія, писали мнѣ тѣ пріятельскіе упреки, что будто я причиною, что столько людей пострадали. Удивлялся я такому неосновательному заключенію. Отвѣчая откровенно, писалъ я свое удивленіе, говоря притомъ, что донесеніе наше (которое подлинно я сочинялъ) написано со всею справедливостью, не съ сохраненіемъ при ней и всей возможной умѣренности; что естьли, однако жъ, неожиданно и было оно поводомъ тому, что пре-

изошло въ первомъ движеніи гнѣва Государева, то послѣ, когда уже дѣло было въ ихъ рукахъ и Государь созволялъ на ограниченіе своего указа, очень могли бы они, вмѣсто такого, безъ всякихъ справокъ и безъ разбора опредѣленнаго ими, отрѣшенія, представить о разсмотрѣніи на мѣстѣ вообще и о всѣхъ чиновникахъ, подобно тому, какъ о большомъ числѣ они положили и проч.

На одного же меня все сѣтованіе обращалось по тому, что извѣстно было, что мой товарищъ, хотя человекъ разумной, долговременною опытностью въ службѣ отличный, въ судныхъ и вотчинныхъ дѣлахъ превосходное знаніе имѣющій, мало, однако, входилъ въ производство осмотра нашего и, по какой-то безпредѣльной ко мнѣ довѣренности, ни въ чемъ не противорѣчилъ мнѣ, и все то подписывалъ, что я напишу.

Но сіе самое послѣ, по обороту ли внушеніями подстрекнутаго самолюбія, или по какому другому, неизвѣстному мнѣ, отношенію, совершенно лишило меня пріязни сего почтеннаго товарища, съ которымъ во все время вояжу нашего по губерніямъ, около восьми мѣсяцевъ продолжавшагося, жили мы неразумно въ однихъ экипажахъ и въ однѣхъ квартерахъ, и даже косо другъ на друга не глядѣли.

Кромѣ одного происшествія съ Вяткою, ничего особливо заслуживающаго описанія, при осмотрѣ нашемъ губерній, не нахожу я.

Надобно только рассказать еще анекдотъ, въ той же Вяткѣ лично со мною случившійся, и смѣшной, и достойный вниманія, по отношенію къ правиламъ народнымъ.

Въ городѣ Вяткѣ, которой тогда, по крайней мѣрѣ, похожъ былъ больше на богатое село, нежели на губернской городъ, обывай у поселянскихъ дѣвокъ торговать калачами, булками, пряниками и всякою мелочью. Онѣ сидятъ всѣ рядомъ въ лубочныхъ своихъ лавочкахъ, которыя тамъ называются балаганами, а ихъ нѣсколько десятковъ, можетъ быть и подъ сотню. Въ пѣшихъ своихъ прогулкахъ часто я покупалъ калачи, или булки, давая имъ всегда по нѣскольку копѣекъ лишнихъ. Однажды, покупая у одной изъ нихъ, дѣвки лѣтъ осемнадцати, не красавицы, однако лица пріятнаго, и примѣтивъ изъ разговора съ нею, что она откровенно не глупа, подарилъ я ей на разторжку пятирублевую бумажку. Дѣвка очень обрадовалась. Пять рублей калашницѣ — капиталъ.

На другой день поутру сказываютъ мнѣ, что пришелъ мужикъ, имѣющій нужду говорить со мною. Я его къ себѣ позвалъ. Мужикъ

въ слезахъ мнѣ въ ноги: «Помялуй, батюшка, спаси дочь мою! Ты погубилъ ее; она хочеть удавиться, или въ Вятку броситься. Вчера съ ты ей пожаловалъ пять рублей, такъ всѣ дѣвки, товарки ея, цѣлый день ей житья не давали: ты была у Сенатора, да и только; за что жъ бы ему пожаловать тебѣ пять рублей? Дочь моя воесть, въ удавку лѣзеть, не можемъ уговорить ее, мать отъ нея не отходить.»

Смѣшно, правда, мнѣ было подозрѣніе меня въ такомъ молодечествѣ, однако тревога мужика съ его семействомъ была для меня еще чувствительнѣе. «Неуже ль ты этому вѣришь?» говорилъ я ему. «Да естъли бь дочь твоя была у меня, такъ я бы ей пять рублей, или больше, далъ у себя, а не въ балаганахъ при всѣхъ.» — «Родимой,» говоритъ мнѣ мужикъ, «да кто этому повѣритъ! Мы знаемъ, что неправда, да проклятыя-то завистницы ее съ ума сводять, и она дѣвчонка молодая, глупая; помялуй, батюшка!» кричить мой мужикъ, валяясь въ ногахъ.

Даю ему деньги — не беретъ. Давалъ ему ужъ столько, что, по состоянію его дочери, могло бы составить изрядную часть ей приданого: мужикъ все не беретъ, а только кричитъ: «Помялуй, спаси дочь мою! Не быть ей живой: она удавится; не вѣкъ сидѣть надъ ней, а хоть и сидѣть, такъ все она сойдетъ съ ума отъ печали.»

«Что жъ мнѣ дѣлать?» говорю я ему: «не жениться жъ на ней. Я ей подарилъ отъ доброй души, а ужъ это несчастье, что съ нею случилось. Дай мнѣ подумать; авось какъ нибудь поправимъ: приди ко мнѣ завтра!» — И насилу уговорилъ я его отойти отъ меня до завтра.

Между тѣмъ, видя такое безпритворное огорченіе, и находя себя, хоть и невинною, однако причиною ему, былъ я очень неравнодушенъ. Думалъ, и не зналъ чѣмъ поправить. Денегъ не пожалѣлъ бы я и много, да цѣломудренной калашницѣ съ отцомъ ея ничего было не надобно. Вдругъ пришла мнѣ мысль, которой исполненіе все дѣло поправило.

Послалъ я въ Казенную Палату нѣсколько сотъ рублей размѣнять на пятирублевая ассигнаціи, и пошедь прогуливаться, всякой дѣвкѣ торговкѣ подарилъ по пятирублевой бумажкѣ на разторжку же. Отецъ отчаянной калашницы пришелъ ко мнѣ на другой день, не съ тѣмъ уже, чтобъ толковать о томъ, какъ уладить наши хлопоты, а благодарить меня, что успокоилъ я дочь его. «Богъ тебя надоумилъ, родимой,» говорилъ онъ мнѣ, «однако съ слезами радости: теперъ ужъ

ее не дразнить, всѣ дѣвки веселы и съ нею ватажуются, и никто ужъ на нее ничего не думаетъ, и всякъ говоритъ, что ты это жадуешь только изъ милости.» Признаться, что и мнѣ весело стало. Хотѣлъ я, однако, отдать мужику то, что прежде давалъ я ему на приданое дочери его, такой честной дѣвушкѣ. Но онъ ни какъ не согласился принять, кланяясь и говоря очень искреннимъ голосомъ: «Батюшка, уволь, вѣдь опять тоже баить (говорить) стануть.»

Въ концѣ Августа 1800 года возвратился я, обозрѣвъ губерніи, въ Москву, и безвыѣздно изъ нея присутствовалъ въ Сенатѣ до самой кончины Императора Павла I.

Въ Сентябрѣ того же года случилась извѣстная отставка многихъ Сенаторовъ, сверхъ всякаго ихъ чаянія, и осталось насъ тогда въ Департаментахъ очень не по большому числу.

Въ то же время прибылъ къ намъ товарищъ (покойникъ уже теперь), человекъ почтенной, остроумной и много служившій, которой обходился со мною давно пріятельски и съ особливимъ вниманіемъ, но по дѣламъ его самолюбіе что-то имѣло противъ меня очень настроенное. Онъ все говорилъ, какъ мнѣ сказывали, что надобно мнѣ ошибитъ перья. Я, на его языкѣ сказать, никогда не любя опустаться, и не привыкши ни для кого поджиматься, велъ себя съ нимъ такъ же, какъ и съ прежними своими товарищами. Онъ всегда спорилъ со мною, и часто для того, чтобъ безъ продолженія рѣшить дѣло по справедливости, надобно мнѣ было итти противъ ее. Тогда уже онъ всякой разъ ее защищалъ.

Однажды, интересуясь очень дѣломъ своего знакомаго, говорить онъ Оберъ-Секретарю, чтобъ доложить его безъ меня, по чему-то считая, что я буду противъ; и подлинно былъ я противъ, потому что онъ желалъ несправедливаго. Дѣло было тяжebное. Тогда еще нѣсколько дѣлъ сего рода оставалось въ 5-мъ Департаментѣ. Оберъ-Секретарь, человекъ честной и шутливой, сказывая мнѣ о приказаніи моего товарища, говорилъ съ улыбкою: «Не лучше ли доложить безъ его Высокопревосходительства? «Нѣтъ», отвѣчалъ я; «доложите; только, пожалуйста, въ такой день, когда и онъ и я будемъ въ присутствіи.»

Докладываютъ дѣло. Я тотчасъ вооружился противъ справедливой стороны, и взялъ ту, которую хотѣлось защищать оному моему почтенному товарищу. Споръ у насъ сдѣлался прежаркой. Онъ выставилъ всѣ резоны въ пользу той стороны, которую я про себя

держалъ. Наконецъ я, будто уставши спорить и убѣдясь его ре- зонами, которые тутъ подлинно сильны были, согласился съ нимъ: «Ну,» говорю, «мастеру и книги въ руки.» Онъ всталъ, поѣхалъ съ торжествомъ и на другой день подписалъ резолюцію: отнять де- ревью, или землю, теперь не помню, у своего знакомаго, котораго онъ совершенно обнадежилъ своею защитою.

Сей послѣдній, черезъ нѣсколько дней узнавъ это, прїѣзжаетъ къ Сенатору, покровителю своему, и плачется о своей потерѣ. «Не можетъ это быть,» говоритъ ему мой товарищъ, и увѣряетъ его, что дѣло точно рѣшено въ его пользу, не помня рѣшенія, а только по- мня, что я былъ противъ, и что онъ надо мною взялъ верхъ. Прї- ѣхавши въ Сенатъ, спрашивалъ у Секретарей, какъ рѣшено это дѣло? Докладываютъ ему, какъ оно рѣшено. «Возможно ли,» говоритъ онъ, «чтобъ я согласился такъ рѣшить?» — «Да вы, де, изволили и резолюцію давать, и журналъ уже подписать: вотъ и опредѣленіе, къ подписа- нію уже подано.» Посмотрѣлъ журналъ, покраснѣлъ, осердился, и подписалъ опредѣленіе.

Жалѣю и, можетъ быть, невозвратно, что при одномъ особливо случаѣ не догадался я употребить добронамѣренной моею хитрости противъ того же товарища. Отъ этой недогадки моею, можетъ быть, невинные сосланы на каторгу, или подъ торговою казнью жизнь свою скончали. Вотъ о чемъ говорю я:

Докладываютъ уголовное дѣло, по которому люди нижняго состоя- нія приговорены были Палатою къ тѣлесному наказанію, вмѣсто смертной казни, и къ ссылкѣ на каторгу, не только безъ собствен- наго ихъ признанія, безъ довольныхъ доказательствъ но даже су- щество дѣла подходило нѣкоторымъ образомъ подъ милостивой Ма- нифестъ. Мы слушаемъ его, сидя за Сенаторскимъ столомъ, двое только съ тѣмъ товарищемъ, а прочіе, бывшіе тутъ товарищи наши, слушаютъ стоя и ходя по комнатѣ. Онъ меня спрашиваетъ, какъ я думаю объ этомъ дѣлѣ? «Его можно,» говорю я, «съ нѣкоторой сто- роны уничтожить и по милостивому Манифесту, а всею спра- ведливѣе и съ точными словами закона сходнѣе, кажется мнѣ, пре- дать суду Божію, по недостатку доказательствъ.» — «Не лучше ли,» го- воритъ онъ, «по Манифесту, или, какъ, вы послѣднее полагаете — и то очень хорошо.» Сказавъ это, онъ всталъ и пошелъ разговари- вать съ товарищами.

Скоро дочитали дѣло, которое было короткое и очень ясное. Я сказалъ Секретарю свою резолюцію и взялся за другія бумаги. Секретарь пошелъ отбирать мнѣнія отъ прочихъ господъ Сенаторовъ, и къ первому подошелъ, моихъ перьевъ ошибателю. Ну, остригъ онъ, правда, бѣдныхъ судимыхъ. Онъ спросилъ тихонько Секретаря: «Что сказалъ Ив. Влад.?» — «Предать суду Божию,» отвѣчалъ Секретарь. — «А я утверждаю рѣшеніе Палаты,» сказалъ Его Высокопревосходительство, и продолжалъ досказывать товарищамъ что-то о вѣстяхъ Петербургскихъ, или о вчерашнемъ клубѣ, съ радостною насмѣшливостью, которая была ему свойственна и которая, по крайней мѣрѣ, тогда не кстати была для осужденныхъ-то Палатою.

Пошло дѣло на голосахъ. Нашлись такіе, которые и къ нему пристали. Вошло въ Общее Собраніе Московскихъ Департаментовъ. Въ нихъ также согласно не рѣшилось. Тогда, въ подобныхъ случаяхъ, изъ Общаго Собранія Московскихъ переходили дѣла въ общее С.-Петербургскихъ Департаментовъ. Чѣмъ оно тамъ кончилось, я не знаю. А можетъ быть, утвердили и рѣшеніе Палаты. Нерѣдко случилось мнѣ видѣть вдругъ наитіе духа безпощадной строгости на иныхъ Г. Сенаторовъ, особливо когда око Юстиціи, не всегда здраво зрящее въ плоти Прокурорской, не ясно разглядитъ мелкое человѣчество въ людяхъ породы незнатной, или скудной благами земли.

Но ежели и годъ лишній напрасно люди въ тюрьмѣ просидѣли только по тому, что его Высокопревосходительство рѣшился ошибаться мнѣ перья!

Случай сей описалъ я больше для того, чтобъ показать, какъ и самыя суетныя пристрастія въ тѣхъ даже, кои почитаются между лучшими, хладнокровно играютъ жребіемъ жизни человѣческой. Судить такъ не все ли равно, что рѣзать людей!

И ежели положить на вѣсы, съ одной стороны, воспитаніе такого судящаго: просвѣщеніе, состояніе его въ обществѣ и проч., а съ другой состояніе какого нибудь крестьянскаго сына, въ грубомъ невѣжествѣ выросшаго, развращеннаго пьянствомъ, который, заворавшись, укрывается въ лѣсахъ и рѣжетъ людей для того, чтобъ чрезъ нихъ не быть пойманнымъ и сосланнымъ на каторгу, или повѣшеннымъ, то не трудно отгадать, которая перетянетъ.

КОНЕЦЪ 1-й ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Когда Государь Императоръ Александръ Павловичъ воцарился, то я, имѣвъ щастіе по службѣ моей при Государѣ, родителѣ его, быть нѣсколько извѣстнымъ Его Величеству, принялъ смѣлость всеподданнѣйшимъ письмомъ изъяснить ему чувствованія моего вѣрноподданческаго усердія и любви. Всемилостивѣйше отвѣчая мнѣ на сіе (отъ 25 Марта, 1801 года (Государь изволилъ увѣрить меня во вниманіи его на службу и труды мои.

Вступленіе свое на престолъ благодѣтельный Монархъ сей ознаменовалъ явленіями милостей, предвозвѣщавшими времена Титовъ и Маркъ-Авреліевъ.

Между прочими дѣлами его милосердія, уничтоженіе Тайной Экспедиціи весьма было блистательное. Оно имѣло въ предметъ ея злоупотребленія; ибо впрочемъ, тайный судъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ столько жъ необходимъ, сколько никогда не можетъ справедливо быть наказаніе тайное, развѣ только когда одна цѣль его есть отечески исправить наказуемаго, скрывая притомъ его отъ стыда. Намѣреніе Государево при уничтоженіи оной экспедиціи самое благотворное было, но не соответствовало ему положеніе Сената, которому предоставилъ Государь постановить, какимъ образомъ производится роду бывшихъ въ ней дѣлъ.

Сенатъ положилъ ввести дѣла сіи въ общій кругъ судопроизводства, и о людяхъ нижняго состоянія оканчивать по рѣшеніямъ Палатъ, съ согласія начальниковъ губерній, на основаніи законовъ.

Между тѣмъ же дѣла такихъ, и самыхъ пустыхъ, но тѣмъ не меньше бѣдственныхъ, особливо по словамъ, случиться не можетъ, какъ не между людьми нижняго состоянія, въ разсужденіи ихъ невѣжества и грубости нравовъ? Сколько бы жалкихъ жертвъ было строгости законовъ, которую Цари, и самые грозные, укрощали, когда подобныя дѣла доходили до ихъ собственнаго рѣшенія, и отъ коей кромѣ ихъ, никто не имѣетъ власти удалиться?

Не могли бы начальники губерній съ Палатами нисколько облегчать судьбу судимыхъ, не смѣли бы представлять о томъ, если бы не сыскались еще и такіе, которые бы стали въ сихъ случаяхъ отмѣнною строгостью выслуживаться.

Не дерзко предполагать сіе, когда недавно видѣли, что въ самомъ Правительствующемъ Сенатѣ по дѣлу такого рода произошелъ между Гг. Сенаторами споръ единственно о числѣ ударовъ, и дѣло вошло по тому одному въ Общее Собраніе. *

* Дѣло сіе слушано въ Общемъ Собраніи Московскихъ Департаментовъ 13-го Іюля 1808 года. Оно производилось по доносу о словахъ, относящихся къ оскорбленію Царскаго Величества. За доносъ, не доказанной, Уголовная Палата опредѣлила, наказавъ двухъ челоуѣкъ (отца съ сыномъ) тѣлесно вмѣсто смертной казни, сослать на каторгу. Въ 6-мъ Департаментѣ Гг. Сенаторы утвердили рѣшеніе Палаты, съ опредѣленнымъ ею числомъ ударовъ, а другіе также утвердили и точно тѣми же словами, только съ прибавкою числа ударовъ вдвое. Не могли согласиться, и дѣло перешло въ Общее Собраніе, въ коемъ наконецъ всѣ согласились на меньшее число ударовъ. Я одинъ не полагалъ ихъ въскольکو, и долгомъ совѣсти и самаго законнаго порядка счелъ подать слѣдующій голосъ:

«Нахожу въ дѣлѣ семь возмознностей какъ умышленной клеветы.... такъ равно и упорства.... въ признаніи вины своей, и при справедливомъ, можетъ быть, показаніи первыхъ, ибо хотя въ мудрое укрощеніе неосновательныхъ и ложныхъ доносовъ опредѣляется законами тяжкое наказаніе за доносъ не доказанной, однако по многимъ опытамъ извѣстно, что иногда самой справедливой доносъ не можетъ быть доказанъ, или не докажется по нѣкоторому только стеченію обстоятельствъ, а въ сихъ случаяхъ наипаче до тайны сожалѣнія неосторожные или простодушные и часто усердные доносители, и на такіе-то случаи весьма кстати, по мнѣнію моему, обращаемъ можетъ быть самими правосудіемъ столько же строгимъ, сколько и челоуѣколюбивымъ, изреченный законъ, что лучше безъ совершеннаго удостовѣренія десять виноватыхъ простить, нежели осудить на казнь одного невиннаго.

И такъ, уничтоженіе Тайной могло имѣть гибельнѣйшія для чело-
вѣчества слѣдствія, нежели ея существованіе во времена величайшей
строгости.

По усердію моему къ общему благу, къ истинной славѣ Государе-
вой, и по любви къ челоуѣчеству, хотѣлъ я представить о семъ
отъ себя чрезъ письмо, которое, для поднесенія Государю, располагая
я отдать другу моему, Сергѣю Ивановичу Плещееву, отправлявше-
муся тогда въ С-Петербургъ проѣздомъ въ лучшіе края. Началъ
было я и писать его, но приключившаяся вдругъ мнѣ болѣзнь по-
мѣшала. Плещеевъ уѣхалъ; я долго пронемогъ, и между тѣмъ раз-
судилъ оставить оное до удобнѣйшаго случая, которой и подлинно
мнѣ скоро представился, какъ опишу я въ своемъ мѣстѣ.

Государь изволилъ прибыть въ Москву на короткое время для
коронаціи.

Во время пребыванія Его въ Москвѣ, Общее Собраніе Сената со-
ставляли 1, 5 и 6-й Департаменты. Въ собраніи самъ Государь из-
волилъ быть однажды и очень долго.

Въ присутствіи Его Величества разсматривали мы дѣло по жало-
бамъ о сборахъ въ одной губерніи въ пользу нѣкоторыхъ чинов-
никовъ и для угощенія Губернатора и разныхъ проѣзжающихъ знат-
ныхъ лицъ. При семъ было между нами разсужденіе вообще о та-
кихъ угощеніяхъ и о подносѣ хлѣба-соли. Одни находили то дозво-
лительнымъ, а другіе нѣтъ, и я былъ въ числѣ послѣднихъ. Съ двумя
изъ важныхъ Сенаторовъ вышелъ у меня громкой споръ. «Какъ»,
говорили они мнѣ, «по обычаю хлѣба-соли не принимать и не при-
ѣхать на обѣдъ, когда приглашаютъ? Вы сами много ѣздили по гу-
берніямъ; не уже ли не принимали вы хлѣба-соли и не ѣздили на
званные обѣды?» — «Всегда я принималъ и приму», отвѣчалъ я, «хлѣбъ
печеный и какую нибудь глиняную, или серебряную, рублей въ пя-
токъ, солонку; обѣдать пойду ко всякому, начиная отъ перваго изъ чи-

Но настоящее дѣло, важное преступленіе въ себѣ заключающее, со
всѣхъ сторонъ представляется принадлежащимъ къ такому роду дѣлъ, кон
свои источники пріемиютъ отъ людей зловеридныхъ, и конихъ отношенія
могутъ имѣть вліянія, для общаго спокойства оскорбительныя; а потому я
считаю причувствительнымъ, дѣло сіе для надлежащаго окончанія предоста-
вить разсмотрѣнію извѣстнаго Комитета, учрежденнаго Высочайшимъ ука-
зомъ, даннымъ Правительствующему Сенату въ прошломъ 1807-мъ году
Января въ 13-й день.»

новниковъ губерніи до послѣдняго купца; но не приму я хлѣба-соли, ежели поднесутъ ее мнѣ на золотомъ блюдѣ и въ осыпанной алмазами солонкѣ, подѣ какимъ видомъ можно выдумать способъ и большую деревню поднести. Также не соглашусь я на праздникъ для меня, про которой бы узналъ я, что въ тягость будетъ тому, отъ кого онъ мнѣ дается; а естли свѣдаю, что собирается давать его цѣлый городъ, при чемъ обыкновенно дѣлается денежный сборъ, то поспѣшу запретить и пресѣчь, какъ злоупотребленіе.

Одинъ Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій держалъ мою сторону. Статью о сборахъ на угощенія и проч. въ оной губерніи положили мы изслѣдовать по порядку судомъ, что и Государь подтвердить позволилъ, а о хлѣбѣ-соли только поговорили. Но на другой, или на третій, день изданъ имянной указъ, коимъ повелѣвается, съ очень подробнымъ изъясненіемъ, отнюдь ничего не подносить и не принимать въ хлѣбѣ-соль.

При семъ осмѣлюсь сказать, что намѣреніе сего указа изящное, но, въ разсужденіи долгимъ временемъ укоренившагося обычая, легче обуздать злоупотребленія, могущія происходить посредствомъ подноса хлѣба и соли въ вещахъ драгоцѣнныхъ, нежели совсѣмъ перевести простоты нравовъ обычай, въ хлѣбѣ-соли подносить вещи, поднощикамъ ничего почти нестоющія, какъ-то, на примѣръ: плоды и тому подобное.

Я думаю, что чѣмъ труднѣе обязательства закона, тѣмъ осторожнѣе издавать его должно. Ничто столько не ослабляетъ силу законовъ, какъ ихъ неисполненіе. А требовать исполненія невозможнаго, или крайне труднаго, есть только умножать виноватыхъ.

Еще громкое тогда было дѣло въ общемъ Собраніи Сената, но не въ присутствіи въ немъ Государя, К. П. А-ва съ нѣкоторымъ Малышевымъ, по условію о запроданномъ имѣніи и проч., рѣшенное 3-мъ Департаментомъ, и по жалобѣ А-ва внесенное въ Общее Собраніе.

Я не зналъ объ этомъ дѣлѣ, хотя вездѣ объ немъ говорили, но я всегда отиѣнно нелюбопытенъ былъ знать чужія дѣла такого рода, и признаться, что часто изъ благопристойности, слушая ихъ, не слышу. Разсказывали мнѣ объ немъ нѣкоторыя барыни вѣщуньи, только я или не слыхалъ, какъ говорю, ихъ разговоры, или не понималъ ихъ. Помню только, что они А-ва и казнили и вѣшали, сказывая, что и самъ Государь, слышно, расположенъ противъ него.

На другой день послѣ сихъ разсказовъ, пріѣхавши въ Общее Собраніе, примѣтилъ я, что они не совсѣмъ неправду сказывали. Генераль-Прокуроръ говоритъ мнѣ, что рѣшеніе 3-го Департамента святое, и что я, конечно, съ нимъ согласенъ буду. «Посмотрю,» отвѣчалъ я: «если найду справедливымъ, то вѣрно соглашусь.»

Только что сѣли мы на свои мѣста, читаютъ имянной указъ о разсмотрѣніи онаго дѣла въ Общемъ Собраніи, а затѣмъ въ слѣдъ и дѣла стали докладывать. Необыкновенная такая спѣшность удивила меня и подтвердила мнѣ о томъ, что подлинно уже заключеніе о дѣлѣ сдѣлано. Я спрашиваю Оберъ-Секретаря, для чего онъ такъ спѣшить? — «Приказано,» отвѣчаетъ онъ мнѣ тихонько.

Изо всего увидѣлъ я, что дѣло это трактоваться будетъ не безъ предубѣжденій, шумно и, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, въ которыхъ принялъ я всегда себѣ за правило, сказать, или написать, свое мнѣніе — «да,» и «какъ изволятъ.» А потому, сохраняя слабую грудь свою отъ напраснаго спора и крика, взялъ я поскорѣе короткую изъ дѣла записку и, увидѣвъ изъ нея, что А-въ по законамъ правъ, тутъ же написалъ въ пользу его мое мнѣніе, которое и отдалъ Оберъ-Секретарю, сказавъ, что я при немъ и останусь. Нѣкоторые Сенаторы, и изъ знатнѣйшихъ, согласились съ моимъ мнѣніемъ, только другими словами. Большинство же голосовъ было противъ, и объ иныхъ Генераль-Прокуроръ, вѣроятно, прежде отобравъ ихъ мнѣнія, приказывалъ такъ записывать: «Ну, пиши, братецъ, что онъ согласенъ съ 3-мъ Департаментомъ.»

Замѣчательно было то, что послѣ А-вы, узнавъ о моемъ голосѣ, удивили крайнею благодарностью Князя П. В. Л., считая, что онъ, по знакомству своему съ ними, непременно убѣдилъ меня къ тому моею просьбою, а я отъ него не слыхалъ о дѣлѣ ихъ ни слова, и помнится, не успѣлъ еще тогда и видѣться съ нимъ по пріѣздѣ его изъ Петербурга. Изумились они, какъ Князь имъ это сказалъ. Они не привыкли видѣть такихъ неліцепріятій въ случаяхъ подобныхъ ополченій..... и особливо не ожидали отъ меня, потому что никогда не былъ я съ ними въ пріятельскихъ связяхъ, а съ большимъ А-мъ было у насъ по службѣ Московской и неудовольствіе нѣкоторое.

Государь, предъ возвращеніемъ своимъ въ Петербургъ, изволилъ послать меня съ Юрьемъ Александровичемъ Нелединскимъ-Мелецкимъ осмотрѣть Слободскую Украинскую губернію и произвести въ ней нѣкоторыя изслѣдованія. Сей товарищъ мой, весьма извѣстной

по рѣдкимъ дарованіямъ его разума и столько же благородствомъ души отличающійся, имѣлъ ко мнѣ довѣренность уже до пристрастія. Онъ, конечно, сдѣлалъ бы все, и сдѣлаеть не хуже меня, но ни во что не входилъ отъ сказаннаго мною пристрастія, и даже, можно сказать, ослѣпленія, при всей необыкновенной остротѣ его ума. Не только во всемъ соглашался онъ со мною, но не хотѣлъ, чтобъ я и требовалъ его согласія, хотя не переставалъ я требовать онаго во всемъ.

При семь-то осмотрѣ губерніи открылся мнѣ случай сдѣлать давно лежавшее у меня на сердцѣ представленіе о злоупотребленіяхъ, могущихъ произойти отъ постановленія Сената по дѣламъ уничтоженной Тайной Экспедиціи.

Въ тюрьмѣ Уѣзднаго города Богучара, между колодниками увидѣлъ я одного въ оковахъ на рукахъ и на ногахъ, имѣющаго лице, замѣтное по чертамъ добронравія и по глубокому на немъ унынію. Когда я подошелъ къ нему, то онъ зарыдавъ, повалился мнѣ въ ноги и просилъ, чтобъ избавить отъ гибели его съ дѣтьми, коихъ у него было одиннадцать. Успокоивая его надеждою на милосердіе Императора, спросилъ я, по какому онъ содержится дѣлу, и гдѣ оно? «По секрету,» сказалъ мнѣ на ухо Городничій, «а дѣло въ Уѣздномъ Судѣ.»

Я велѣлъ привести его въ ввечеру къ намъ на квартиру, а Уѣздному Судѣ съ Секретаремъ принести все дѣло. Поговоря съ колодникомъ, разсмотрѣли мы съ товарищемъ дѣло и нашли, что содержаніе его самое глупое, и что судимый не заслуживаетъ никакого наказанія; однако, по порядку законному, долженъ быть непременно обвиненъ и наказанъ, вмѣсто смертной казни.

Въ празничный день доброй однодворецъ этотъ зашелъ въ питейный домъ выпить чарку вина. Тутъ же случился отпущенной въ домовую отпускъ матрость, которой за разныя шалости отданъ былъ въ рекруты изъ того же селенія, когда братъ однодворца былъ въ ономъ головою. По старой злобѣ на брата, сталъ матрость къ однодворцу придираяться. Смирной однодворецъ отмалчивался, и только сказалъ глупую простоядинскую пословицу, которой, по непристойности въ ней словъ, нельзя написать. Матрость, переговора и ее иначе, закричалъ: «Такъ-то ты говоришь?» и донесъ начальству на однодворца въ словахъ оскорбительныхъ Царскому Величеству, коихъ однодворецъ и не говорилъ. Десять свидѣтелей подтвердили доносъ клеветника.

По законамъ должно основываться на свидѣтельскихъ показаніяхъ, когда обвиняемый не можетъ ихъ ни чѣмъ отвести, т. е., не можетъ доказать, чтобъ они по враждѣ на него, или по чему ни есть, могли имѣть причину свидѣтельствовать ложно. Но можетъ ли это всегда доказано быть? Иногда человѣкъ имѣетъ себѣ такихъ непріятелей, которые готовы на него все всклепать и всякое ему зло сдѣлать; но онъ ни чѣмъ, такого расположенія ихъ доказать не можетъ. У меня перваго не безъ такихъ, и у многихъ конечно. Сверхъ того, можетъ иногда свидѣтель ложно сказать и по тому только, что или не такъ ему послышалось, или забылъ точныя слова, или не такъ ихъ понялъ; а въ подобныхъ дѣлахъ иные и отъ робости, отъ торопости, не вслушавшись, говорятъ ложь.

Потому-то я думаю, что справедливо обвинять можно по свидѣтельствамъ такихъ только свидѣтелей, которые не только не имѣютъ причины, но и не могутъ лжесвидѣтельствовать.

Не имѣя власти уничтожить дѣло, велѣли мы однодворца опять отвести въ тюрьму, только уже безъ оковъ, которыя велѣлъ я съ него снять, прежде для того, что неприлично, говорилъ я, Городничему въ спальню къ Сенаторамъ вводить скованнаго, а послѣ обнадежилъ я его, что колодникъ не уйдетъ. Уѣздному же Судьѣ приказалъ я подать намъ, при секретномъ рапортѣ, выписку изъ сего дѣла, поручивъ проворному Секретарю поскорѣе это исполнить.

Отпустивъ ихъ, принялся я писать донесеніе Государю для отправления по отходившей утромъ на другой день почтѣ. Черезъ нѣсколько минутъ вострой Секретарь, вбѣжавъ ко мнѣ, спрашиваетъ, прикажу ли я законы выписать? Знавъ коротко, какъ въ уѣздахъ водится, я тотчасъ право догадался, для чего онъ меня спрашиваетъ, сказавъ, что когда дѣлается выписка, то порядокъ требуетъ, чтобъ и законы подведены были, и говорилъ я ему: «Скажи мнѣ правду, для чего ты объ этомъ спрашиваешь?» — «А для того, Ваше Превосходительство,» отвѣчалъ мнѣ бойкой Секретарь, «что, по данной вамъ власти, не угодно ли будетъ завтра при Васъ приказать и экзекуцію сдѣлать.»

Нарочно описалъ я сіе, чтобъ показать образъ мыслей и расположеніе о дѣлахъ сего рода по уѣздамъ и губерніямъ, въ коихъ было оныя о большей части народа и оканчивать начали.

О дѣлѣ однодворца написалъ я отъ обоихъ насъ съ товарищемъ Государю донесеніе, въ коемъ, въ надеждѣ на Его человеколюбіе,

представляли мы о семъ дѣлѣ, какъ о незаслуживающемъ уваженія, однако такомъ, которое по законамъ не можетъ быть уничтожено, и судьба страждущаго не можетъ облегчена быть иначе, какъ властію Императорскою; а по здѣланному Сенатомъ о дѣлахъ сего рода постановленію, дѣло оное не можетъ дойти до Его Величества, и что мы, приказавъ продолжать слѣдствіе по точному обряду законовъ, осмѣлились предписать Губернатору, чтобъ когда оно внесется къ нему на разсмотрѣніе, то бы онъ никакого не дѣлалъ по оному исполненія до получения Высочайшаго Указа.

Къ находившемуся же тогда при Государѣ, Дмитрію Прокофьевичу, Трощинскому, послали мы, для объясненія, при докладѣ выписку изъ дѣла, а я приложилъ къ нему, для поднесенія Государю, записку, съ пространнымъ разсужденіемъ моимъ о дѣлахъ сего рода и о тѣхъ злоупотребленіяхъ, которыя могутъ выйти отъ самого уничтоженія Тайной Экспедиціи, какъ описывалъ я выше.

Въ запискѣ моей представлялъ я, съ какою тонкостью разбирать должно дѣла, особливо о словахъ, которыя иногда означать могутъ рѣшительное расположеніе ко злу, иногда еще нерѣшительное, а иногда произносятся только отъ вѣтренности, или невѣжества и проч., чего, однако жъ, законы не различаютъ. Но что, впрочемъ, сколь ни строги у насъ законы на дѣла сего рода, только я думаю, что, по уваженію ко всѣмъ отношеніямъ нравовъ и состоянія народнаго, неудобно спѣшать ихъ перемѣною, а всего лучше повелѣть всё по первымъ двумъ пунктамъ дѣла, по коимъ обвиняются люди, представлять Сенату и Его Величеству, дабы и справедливость въ производствѣ ихъ точнѣе соблюдена была, и Государь бы имѣлъ способность, въ отраду человѣчества, являть небесное овойство милосердія, особливо въ дѣлахъ, до оскорбленія лица Его касающихся, и проч., и проч.

Представленіе сіе принято было челоуколюбивымъ Государемъ съ отличнымъ благоволеніемъ, и на другой же день по полученіи его (17 Генваря, 1802 года) поскакалъ въ Харьковъ курьеръ съ повелѣніемъ немедленно освободить однодворца, а Сенату далъ указъ, чтобъ всё дѣла сего рода, подъ названіемъ преступленій, противъ первыхъ двухъ пунктовъ извѣстныхъ, согласно оному представленію, вносить въ Правительствующій Сенатъ, а ему съ мнѣніемъ своимъ о каждомъ доносить Его Императорскому Величеству и ожидать утвержденія.

Отъ 20 Генваря увѣдомилъ меня о семъ Д. П. Трощинскій слѣдующимъ письмомъ:

«Изъ всемилостивѣйшаго рескрипта Вашему Превосходительству, вмѣстѣ съ Юріемъ Александровичемъ даннаго, Вы извоили видѣть, съ какимъ расположеніемъ Его Императорскимъ Величествомъ приняты донесенія Ваши объ окончаніи порученнаго Вамъ въ Слободско-Украинской губерніи слѣдствія. Последнее Ваше донесеніе объ однодворцѣ Саласинѣ, судившемся въ Богучарскомъ уѣздѣ, не менѣе привлекло на себя Монаршее вниманіе, и, въ слѣдствіе онаго не только данъ Высочайшій указъ объ освобожденіи однодворца сего, но и вообще предписано дѣла сего рода не совершать въ Губернскихъ мѣстахъ, но, по ревизіи ихъ, представлять въ Правительствующій Сенатъ, а ему доносить Государю Императору. Принося Вашему Превосходительству истинную благодарность мою за всѣ благоклонныя выраженія и знаки довѣренности, коими угодно Вамъ было почтить меня во все теченіе сего дѣла, считаю себя пріятнымъ долгомъ соединить съ Вами совершенное мое удовольствіе, что труды и просвѣщеніе Ваши обратили на себя Монаршее благоволеніе,» и проч.

Всегда благодарю я Бога за оное сдѣланное мною представленіе, которымъ помогъ Онъ конечно многимъ избавиться отъ бѣды.

Товарищъ мой, которой, по окончаніи осмотра нашего, почти прямо проѣхалъ въ Петербургъ по своимъ надобностямъ, писалъ отъ туда ко мнѣ: «Дѣло Саласина (секретное въ Богучарѣ) не только рѣшилось къ его избавленію личному, но и будетъ имѣть вліяніе на всѣ прочія таковыя же дѣла, изъ которыхъ по поводу сего многіе уже (сказывалъ мнѣ Дмитрій Прокофьевичъ), разсматриваны и привели въ удивленіе.»

Случай оной въ Богучарѣ былъ уже на возвратномъ пути нашемъ въ Москву изъ Харькова, откуда и донесенія всѣ объ осмотрѣ губерніи нами уже отправлены были.

Осмотръ сей удостоился отличнаго благоволенія Монаршаго, и мы имѣли счастье получить слѣдующій рескриптъ:

Господа Тайные Совѣтники и Сенаторы, Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій! Съ совершеннымъ удовольствіемъ получилъ Я послѣднее донесеніе ваше объ оконченномъ вами слѣдствіи по жалобамъ жителей Богучарскаго уѣзда. Производство сего дѣла, исполненіе и другихъ порученій, особенно вамъ отъ Меня данныхъ, собственныхъ вашихъ примѣчанія на всѣ части Слободско-Украинской гу-

берніи, дѣлають честь вашему просвѣщенію, правотѣ и видамъ справедливаго челоуѣколюбія. Изъявляя вамъ за сіе благодарность и пріемля за благо всѣ представленія ваши, Я далъ надлежащее по тому предписаніе; а въ уваженіе свидѣтельства вашего, пожаловалъ Харьковскаго Вице-Губернатора, Статскаго Совѣтника Кортвеліна, въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники, Директора училища, Коллежскаго Ассесора Кудрицкаго, въ Надворные Совѣтники и, сверхъ того, опредѣлилъ ему въ пенсіонъ, кромѣ жалованья, двѣсти пятьдесятъ рублей, въ подкрѣпленіе самому училищу приказалъ отпустить пять тысячъ рублей, предполагая и впредь дѣлать ему вспоможеніе; Титулярнаго Совѣтника Шишкина утвердилъ въ Харьковѣ Городничимъ, и находившихся при васъ чиновниковъ, Щепина, Добачевскаго и Яковенкова, произвелъ слѣдующими чинами.

Пребываю вамъ благосклонный.

На подлинномъ:

Александръ.

Въ С.-Петербургѣ.

Генваря 14-го,

1802 года.

Случившееся при осмотрѣ Слободско-Украинской губерніи, касательно называющихся Духоборцами, требуетъ также особливаго и подробнѣйшаго описанія.

Прѣзжая вмѣстѣ съ товарищемъ въ Харьковѣ, остановились мы на сутки въ Бѣлгородѣ. Обѣдали у Архіерея. Вспомня, что при покойной Императрицѣ Екатеринѣ поручено ему было увѣщеніе находившихся въ тамошнихъ окрестностяхъ Духоборцовъ, любопытствовалъ я обстоятельно объ нихъ узнать отъ него. Нашедъ въ семь пастырѣ только судью имъ самаго строгаго, коего и горячность излишняя въ разговорѣ объ нихъ мѣшала ему довольствоваться мое любопытство, перервалъ я разговоръ. Тутъ же обѣдалъ одинъ чиновникъ, бывшій Земскимъ Исправникомъ во времена розысковъ надъ Духоборцами, которой помогалъ хозяину бранить ихъ.

День былъ зимній, самый ясной. Послѣ обѣда пошелъ я по городу прогуливаться съ онымъ чиновникомъ и спрашивалъ его наединѣ о Духоборцахъ. Повѣсть его состояла только въ брани же. — «Да извольте жъ ихъ знать?» спросилъ онъ меня — «Нѣтъ.» И подлинно мнѣ тогда еще не случалось ни одного изъ нихъ видѣть. — «Извольте жъ ихъ посмотрѣть,» продолжалъ онъ; «похожи ли хоть мало на Христіанъ: кровинки въ лицѣ нѣтъ. Они, злодѣи, и въ церкви ха-

живали; да полно что, въ церкви стоитъ, а не это думаетъ. Только бывало и отрада душѣ, что оттуда ихъ вытащишь, да въ однихъ рубашкахъ палачьемъ дуть.»

«По чему жъ,» спрашивалъ я его, «знать было вамъ, что они думаютъ?» — Какъ же-съ, это видно,» отвѣчалъ онъ мнѣ.

Я видѣлъ, что говорить съ нимъ больше нечего, и уже довольно узналъ, какъ поступали съ этими людьми. Скоро имѣлъ я случай и съ нѣкоторыми изъ нихъ разговаривать.

Пріѣхавши въ Харьковъ, между прочими вѣдомостями, потребовалъ я особливую вѣдомость и о томъ, что происходило и происходитъ съ Духоборцами, живущими въ тамошней губерніи.

Губернаторъ подалъ мнѣ вѣдомость. При немъ же читая ее, нашелъ я, что въ царство покойной Императрицы нѣкоторые изъ нихъ заключены были въ тѣсныя заточенія и не возвратились. А при Государѣ покойномъ всякой Генераль-Прокуроръ, въ слѣдствіе Губернаторскихъ представленій, объявлялъ именной указъ о ссылкѣ ихъ цѣлыми семействами въ разныя мѣста на поселеніе и на каторгу, и сослано ихъ такимъ образомъ не одно сто.

Всегда сопровождаемая мудрою терпимостью благость воцарившаяся въ Государѣ Императорѣ Александрѣ I отвергла всѣ темницы въ Россіи, и страдальцы оные освободились. Велѣно было ихъ водворить въ прежнія жилища и оставить въ покоѣ, предоставляя, въ случаяхъ нужды, духовнымъ особамъ ихъ вразумлять и наставлять на путь истины, но безъ всякаго принужденія.

Въ Августѣ возвратились они въ свои дома, или лучше сказать, на мѣста опустошенныхъ домовъ ихъ, а въ Октябрѣ, по отзывамъ нѣкоторыхъ поповъ и чиновниковъ земской полиціи, начали ихъ уже опять увѣщевать. И для того отряжены были Епархіальнымъ Архіереемъ два ученѣйшіе, какъ въ вѣдомости сказано было, Священника, и Земскаго Суда Засѣдатель съ командою.

«Вы сдѣлаете бунтъ,» говорилъ я Губернатору. «Люди не успѣли вздохнуть покойно, а ихъ опять тревожатъ.» Губернаторъ извинялся тѣмъ, что распоряженіе о увѣщаніи ихъ сдѣлано въ его отсутствіе, но что, конечно, никакихъ безпокойныхъ слѣдствій имѣть оно не будетъ. «За послѣднія вы будете отвѣчать,» сказалъ я ему, «и прикажите командѣ возвратиться; а чтобъ Священники теперь погодили трудиться, о томъ переговорите съ Преосвященнымъ.»

Это происходило у меня съ Губернаторомъ ввечеру поздно.

На другой день, которой былъ почтовой, по утру, только что я съѣлъ писать на почту, вбѣжалъ ко мнѣ Губернаторъ блѣдной, съ бумагою въ рукахъ и говоритъ мнѣ: «Ваше Превосходительство отгадали. Въ Изюмскомъ уѣздѣ, гдѣ происходило увѣщаніе, бунтъ, и я пропалъ: Духоборцы не слушаются; говорятъ, что они Государя Помазанникомъ Божиимъ не признаютъ; распятому Господу Иисусу Христу не поклоняются, и ни какихъ податей платить и Государственныхъ повинностей исполнять не хотятъ. Вотъ о семъ и секретной рапортъ ко мнѣ отъ Засѣдателя съ нарочнымъ (при которомъ приложенъ и напѣвъ ихъ, пѣснь или псаломъ, дурными стихами сочиненная), доказывающій ихъ безбожіе. Нѣкоторые изъ нихъ взяты подъ стражу, и Земскій Судъ отправился на мѣсто для слѣдствія.»

Успокоивалъ я Губернатора надеждою, что мы этотъ бунтъ не только укротимъ, да и предупредимъ; совѣтовалъ ему больше остерегаться и меньше робѣть.

«Что жъ прикажете дѣлать? спрашивалъ онъ меня. — «А вотъ что,» сказалъ я ему.» Повѣрьте, что все это произошло отъ того, что стали увѣщевать этихъ людей не во время, безъ нужды, не искусно, ожесточили ихъ и не такъ поняли. Доказательство тому—самой присланной къ вамъ напѣвъ ихъ; читайте его: онъ присланъ въ обличеніе ихъ невѣрія къ Спасителю, а преисполненъ благоговѣнія къ Нему. * Вѣрно ихъ спрашивали, что думаютъ о коронаціи, которая недавно была. Извѣстно, что обрядовъ ни какихъ они не уважаютъ, то, конечно, и о семъ надлежащаго понятія не имѣютъ. Да какая же нужда всякого теперь мужика, которой встрѣтится, спрашивать, что онъ думаетъ о коронаціи? Вѣрно ихъ заставляли кланяться образу, и они, по своимъ понятіямъ, не послушались. Вѣрно ихъ спрашивали, будутъ ли платить подати? Они, будучи теперь разоренные, нищіе, которые сами требуютъ помощи, ожесточились такимъ вопросомъ,» и проч.

«Итакъ, вотъ что Вы сдѣлайте. Пошлите тотчасъ туда нарочнаго. Прикажите всѣхъ, взятыхъ подъ стражу, освободить. Донесеніе объ увѣщаніи припишите тому, что не такъ ихъ поняли, какъ и подлинно. Земскому Суду сдѣлайте самый строгій выговоръ за то, что

* Въ напѣвѣ семъ написано было: «Поклоняемся Христу, не мѣдному, не серебряному, не золотому, не кованному, и не литому, и не писанному, а Христу, Сыну Божию, Спасу міра,» и проч., и проч.

онъ въ такомъ дѣлѣ, не описавшись къ Вамъ и безъ Вашего наставленія, осмѣлился отправляться для слѣдствія на мѣсто; прикажите ему и съ командою тотчасъ выѣхать въ городъ, а Засѣдателю явиться сюда къ отвѣту. О возвращеніи же увѣщателей-Священниковъ извольте отнестись официально къ Преосвященному, а мы, на нынѣшней же почтѣ, донесемъ о всемъ томъ Государю.»

Губернаторъ вышелъ отъ меня исполнять порученное, а я началъ писать донесеніе Государю.

Товарищъ мой тогда былъ нездоровъ и спалъ еще. Когда онъ проснулся, я ему все разсказалъ и прочиталъ заготовленное мною донесеніе. При всемъ благоразуміи своемъ и человѣколюбіи, находилъ онъ поступокъ мой слишкомъ рѣшительнымъ и снисходительнымъ, и при всей неограниченной ко мнѣ довѣренности, этотъ разъ согласился онъ, кажется, только изъ нѣкоторой нѣжности, особливо его характеризующей.

Первое донесеніе о семъ Государю было слѣдующее.

«Изъ Харькова, Ноября 12-го дня, 1801 года.

Высочайшее Вашего Императорскаго Величества имѣя повелѣніе обратить здѣсь вниманіе на всѣ предметы, заслуживающіе уваженіе, особливимъ долгомъ поставили мы обратить оное на происшедшее по Изюмскому увѣзду, относительно такъ называемыхъ Духоборцевъ, о чемъ подробно изъясня въ представленной у сего выпискѣ Вашему Императорскому Величеству, всенодданнѣйше доносимъ слѣдующее. Прежде нашего сюда пріѣзда, начальство здѣшнее, отъ избытка, конечно, усердія, но не проникнувъ въ прямое существо высочайшаго о Духоборцахъ оныхъ указа Вашего, Государь, предприняло ихъ увѣщевать и обращать, едва только освободившихся отъ тяжкихъ узъ, разрѣшенныхъ милосердіемъ и мудрою терпимостью, воцарившимися въ священной особѣ Вашего Императорскаго Величества.

При ономъ нарядномъ увѣщаніи, вопросы, не искусно, конечно, сдѣланные, изторгли изъ увѣщываемыхъ отзывы, какъ доносятъ увѣщатели, противные вѣрноподданническимъ обязанностямъ. Но весьма вѣроятно, что вновь раздраженный фанатизмъ отвѣтствовавшихъ, прежними ихъ бѣдствіями угнетенныхъ и разоренныхъ, облекъ слова ихъ жестокостью, въ сердцахъ не существующею, или недостающее просвѣщеніе увѣщателей превратно ихъ поняло, а предразсудокъ уже противъ говорившихъ представилъ имъ оныя въ краскахъ гораздо больше черныхъ, нежели они въ самомъ дѣлѣ суть.

Такое заключеніе, думаемъ мы, основательно можно дѣлать, Всемилостивѣйшій Государь, изъ самаго противорѣчія, находящагося въ донесеніяхъ увѣщателей, относительно къ образу мыслей Духоборцевъ оныхъ въ религіи; ибо между прочими статьями доносятъ, что они «Распятому Господу Иисусу Христу не поклоняются,» а въ нѣкоторомъ, такъ называемомъ, напѣвѣ (находящемся въ прилагаемой выпискѣ), котораго нелѣпость, въ свидѣтельство ихъ беззаконія, при водятъ, все показываетъ вѣру и благоговѣніе оныхъ людей къ воплощенію Господню. Заключеніе оное подкрѣпляемъ еще мы тѣмъ, что въ прилѣжныхъ, съ ласковостію, разговорахъ нашихъ съ нѣкоторыми изъ такихъ же Духоборцевъ въ Харьковскомъ уѣздѣ, несомнѣнно открыли мы, при чувствахъ особенной благодарности къ Вашему Императорскому Величеству, готовность повиноваться Монаршей власти, а всѣ земскія обязанности исполнять.

По выше донесенному слѣдствію увѣщанія, Изюмскій Нижній Земскій Судъ, движимый необдуманною ревностію и неопытностію, конечно, въ подобныхъ дѣлахъ, поспѣшилъ отправиться на мѣсто въ то селеніе, гдѣ происходило оное увѣщаніе, для изысканія и производства изъ того криминальнаго дѣла, и о такомъ опредѣленіи своемъ донесъ Губернатору съ нарочнымъ. Но когда Губернаторъ насъ о томъ увѣдомилъ, то мы, за долгъ сочтя весьма обратитъ на случай сей вниманіе, сообразно, думаемъ Августѣйшей благотворной волѣ Вашего Императорскаго Величества и дѣйствительнымъ средствомъ сохраненія общаго спокойства, толико драгоценнаго отеческому сердцу Вашему, настояли, чтобъ все оное приписано было недоумѣнію и неискуству увѣщателей, всякое тамъ слѣдствіе и розыскъ были бы тотчасъ пресѣчены, чтобъ никакого никому стѣсненія по сему дѣлу чинено не было, и еслии кто взять подъ стражу, то ни мало не мешкавъ, былъ бы освобожденъ, а что по время полученія сего отвѣтнаго предписанія уже произошло, о томъ бы, для надлежащаго уваженія, обстоятельно Судъ рапортовалъ и ожидалъ повелѣнія, какъ то означено въ предписаніи Губернаторскомъ, въ копіи находящемся въ прилагаемой выпискѣ, а Губернаторъ бы донесъ Вашему Императорскому Величеству, для Высочайшаго благоусмотрѣнія.

Настояніе о такомъ поступкѣ въ случаѣ семъ отъ главнаго здѣсь начальства сочли мы за нужное, дабы не воспалить фанатизмъ, котораго лучшая пища есть бросаться въ огонь и оковы, всего болѣе

его усиливающія и распространяющія, и дабы отвратить непремѣнное принесеніе жертвъ невинности, или невѣжества, крайней строгости правосудія, не могущей тутъ дѣйствовать съ пользою и успѣхомъ. Еще и по тому разсудили мы за правильное такъ сдѣлать, что образъ мыслей оныхъ Духоборцовъ довольно уже испытанъ Правительствомъ чрезъ прежніе розыски по Тайной Экспедиціи, которую упразднила именемъ и дѣйствіемъ та же великодушная благость Вашего Императорскаго Величества, которая и людей оныхъ изъ заточенія освободила.

Долгомъ также почитаемъ мы, касательно увѣщанія и вообще обхожденія съ оными Духоборцами (коихъ всѣхъ здѣсь небольшое число) изъяснить здѣшнему Начальству Августѣйшую волю Вашу, Государь, изображенную въ доставленныхъ намъ о томъ документахъ такъ: что въ повелѣніи, предоставлять духовнымъ особамъ ихъ вразумлять и наставлять на путь истины, безъ всякого съ ихъ стороны принужденія, не должно разумѣть безвременныхъ, нарядныхъ, въ видѣ суда, образомъ, смущать и устрашать могущимъ, производимыхъ увѣщаній, но дѣлать то ксати, наблюдая расположеніе, стараясь въ самыхъ мѣстахъ ихъ жилищъ имѣть при церквяхъ священниковъ, не столько отличающихся блескомъ школьнаго ученія и искусствомъ въ словопрѣніи, какъ истиннымъ благочестіемъ и усердною любовію къ закону Божію и Евангельскому ученію, жизнью своею свидѣтельствующихъ чувствованія свои и правила. Таковыя пастыри, естественно, вкореня о себѣ доброе мнѣніе, привлекутъ къ себѣ довѣренность, найдутъ время, случаи и мѣста къ бесѣдамъ своимъ, и самыми простыми способами откроютъ пути къ подѣйствованію на сердца ихъ и умы, желающія просвѣщенія и къ закону Божію внутренно ревностныя, но заблуждающія въ образахъ и средствахъ. Что же касается до вѣрноподданческаго долга и обязанности, то, слѣдуя мудрому Вашего Императорскаго Величества соизволенію, при обхожденіи съ ними съ кротостію и терпѣніемъ, требовать отъ нихъ, какъ отъ всѣхъ вообще, исполненія обязанностей, предписанныхъ указами Вашего Императорскаго Величества и Государственными законами, по общему Гражданскому и Земскому состоянію, съ неисполняющихъ оныя чинить взысканія по тѣмъ же законамъ, не входя въ мысленные источники и причины неисполненія; если бы же кто на дѣлѣ оказался прямо воз-

мутителемъ противу власти и общаго спокойства, съ тѣмъ поступать по всей точности и строгости законовъ.

Не оставимъ мы, Всемилостивѣйшій Государь, устремлять своего вниманія на оное дѣло, во все время бытности нашей въ здѣшной Губерніи, для исполненія Высочайшихъ препорученій намъ отъ Вашего Императорскаго Величества, которыя всѣ стараемся со всякою рачительностію наилучшимъ образомъ исполнять, и о всемъ будемъ въ свое время доносить Вамъ, Государь, съ искренностью и откровенностью, свойственными безпредѣльному усердію, коимъ повергаемся къ освященнымъ Вашимъ стопамъ.»

Возвратившіеся увѣщатели подтвердили мою догадку.

Въ отчетѣ своемъ сказали они, что подлинно первой отъ нихъ вопросъ Духоборцамъ былъ о коронаціи. Духоборцы, не имѣющіе къ обрядамъ уваженія, не могли сдѣлать имъ отвѣта удовлетворительнаго и сказали, что они всякаго Царя почитаютъ отъ Бога поставленнымъ, добраго — даромъ Божиимъ, а злаго — бичемъ за грѣхи. Поставили передъ нихъ образъ Спасителейъ и спрашивали ихъ; вѣруютъ ли они въ предстоящаго предъ ними Спасителя? Духоборцы отвѣчали: «Это не Спаситель, а доска расписанная.» Наконецъ ихъ спрашивали: «Будутъ ли они платить подати и рекрутъ ставить?» Они съ досадою говорили: «Мы нищіе: чѣмъ намъ подати платить! Какіе отъ насъ рекруты? Остался старой, да малой, да изувѣченной. Мы прежде служили Государю, какъ и другіе, а теперь—власть Его, не можемъ.»

Скоро собралось у насъ много Духоборцовъ. Нѣсколько ихъ пришло и изъ Екатеринославской Губерніи. Хотя для порядка сохранялъ я въ дѣлѣ ихъ форму секретнаго производства, однако, чтобъ не подавать видовъ, смущающихъ и привлекающихъ излишнее отъ народа любопытство, говаривалъ я часто съ ними и при всѣхъ, и обыкновенно ходили они ко мнѣ всякой день по утру. Они очень полюбили меня и говорили со мною откровенно. Кромѣ безмѣрныхъ, фанатическихъ, можно сказать, предрасудковъ противъ всякой наружности и скептическаго особничества и предпочтенія себя, нашелъ я въ нихъ понятія о Христіанствѣ самыя коренныя и правильныя. Сила духа вѣры въ нихъ весьма замѣчательная и общая. Никто почти изъ нихъ грамотѣ не знаетъ хорошенько, писать изъ многихъ, бывшихъ тогда у насъ, худо умѣлъ только одинъ, а всякой о законѣ говорить, какъ книга.

Соглашаясь съ ними, и по справедливости, въ томъ, что все существенное заключается во внутреннемъ, убѣждалъ я ихъ въ надобности и пользѣ ходить въ храмы, исполнять всѣ внѣшнія обязанности, повиноваться всѣмъ уставамъ церковнымъ: «Дѣлайте это», говорилъ я имъ, «хотя изъ любви къ ближнему, безъ которой не можно быть Христіяниномъ; дѣлайте это, по крайней мѣрѣ. для того, чтобъ ближнихъ вашихъ не вводить въ грѣхъ отвращенія отъ васъ и вражды! Да для чего жъ», спрашивалъ я ихъ, «перестали вы ходить въ церковь? Вѣдь вы прежде ходили, и все исполняли какъ и прочіе?»

«Признаемся,» отвѣчали они мнѣ, «въ грѣхѣ своемъ, что перестали ходить отъ досады, и теперь не можемъ переломить себя.»—Отъ какой же досады?— «Ну, да какъ насъ начали изъ церквей-то таскать, да въ однихъ рубашкахъ бить палочьемъ, приговаривая: «Въ церкви стоишь, а не то думаешь.»

Что они не лгали, въ томъ я очень увѣренъ былъ отъ самаго бывшаго Господина Исправника, которой мнѣ хвалился такою палочною противъ нихъ войною, и которой изъ числа почитающихъ Христіянами только тѣхъ, у кого въ щекахъ румянецъ играетъ.

Наконецъ Духоборцы подали намъ прошеніе, въ коемъ, изъявляя свою вѣрность и усердіе къ Государю, просили исходатайствовать имъ позволеніе отдѣлиться въ особое поселеніе.

Въ слѣдствіе сего написали мы къ Государю, включаемое здѣсь, Донесеніе.

«Изъ Харькова. Декабря 3 дня, 1801 года.

Въ слѣдствіе нашего всеподданнѣйшаго донесенія Вашему Императорскому Величеству, отъ 12 числа Ноября, о происшедшемъ въ Изюмскомъ уѣздѣ, по случаю безвременнаго увѣщанія, такъ называемыхъ Духоборцовъ, нынѣ за долгъ считаемъ донести, что, продолжая обращать самое прилѣжное вниманіе на дѣло сіе, всегда находили мы подтвержденіе нашего заключенія о томъ, что безвременное увѣщаніе оное производимо было и образомъ неискуснымъ, и вопросами неосторожными и напрасными, и что отвѣты увѣщаемыхъ совсѣмъ не такъ были поняты.

Наконецъ, самые тѣ изъ оныхъ, которые наиболѣе и съ такою важностью обвиняемы были, и которые и по прежде бывшимъ розыскамъ изъ главныхъ почитались, будучи, по настоянію нашему, освобождены, на сихъ дняхъ пришли къ намъ оправдать себя, и въ ласковомъ обращеніи, испытывая ихъ лично, мы совершенно удо-

стовѣрились въ справедливости нашего прежняго заключенія. Потомъ, испросивъ позволеніе, они намъ подали прошеніе, которое подтвердили при насъ и при Губернаторѣ здѣшнемъ, и которое мы при семъ осмѣливаемся въ подлинникѣ представить Высочайшему воззрѣнію Вашего Императорскаго Величества. Въ немъ совѣтъ противное тому, что имъ приписывали, и мы свидѣтели искреннихъ чувствъ ихъ вѣрности, благодарности и почтенія къ Августѣйшей Особѣ Вашей, Всемилостивѣйшій Государь, простыми изреченіями въ прошеніи ономъ изображенныхъ.

Давно и довольно долженъ быть извѣстенъ ихъ образъ мыслей, хотя едва ли когда, осмѣлимся сказать, при испытаніи ихъ поступлено было съ полнымъ равнодушіемъ и со всѣмъ должнымъ уваженіемъ къ человѣчеству вообще, безъ различія лицъ. Однако, довольно извѣстно, что они, пріемля только духовное поклоненіе и совершеніе таинствъ единственно духомъ же во внутренности, отмечаютъ всякую наружность въ религіи; а посему естественно, что не могутъ они уважать и обрядъ мвропомазанія. Но они признають Государей отъ Бога поставленными и за долгъ считаютъ имъ повиноваться, какъ и всѣмъ властямъ, отъ нихъ учрежденнымъ. А къ Особѣ Вашего Императорскаго Величества они, можно сказать, проникнуты признательностію и любовію, и, говоря о Вашемъ Величествѣ, всякой разъ прибавляютъ: «Онъ нашъ Государь, и человѣкъ добрый и милостивой.» Смѣло повторяемъ мы сіи слова ихъ простодушія, вѣдая, что вѣрноподданническая преданность въ простомъ чувствованіи особливо угодна истинно отеческой любви Вашей и великодушной благодати.

Изъ всѣхъ селеній здѣшнихъ, Духоборцы, гдѣ они есть, и нѣкоторые изъ Новороссійской Губерніи были у насъ, Всемилостивѣйшій Государь, и всѣ изъявляли желаніе отдѣлиться въ особое поселеніе, не назначая никакихъ себѣ къ тому мѣсть, и въ оныхъ, какъ и въ нужномъ имъ для того вспоможеніи, совершенно предаваясь Всемилостивѣйшей волѣ Вашей.

Мы за нужное считаемъ донести о томъ Вашему Императорскому Величеству, предполагая, что не найдется ли какого образа исполненія онаго на общую пользу Государственную и къ успокоенію самыхъ сихъ людей, устраненіемъ ихъ отъ случаевъ и причинъ быть притѣсняемыми иногда невѣжествомъ, или безразсудною ревностію, и удаленіемъ ихъ отъ вредныхъ послѣдствій вражды съ прочими

поселянами, которые подлинно ихъ не терпятъ, какъ и всѣ почти жители; а при томъ не пресѣкнутся ли, или, по крайней мѣрѣ, не затруднятся ли, чрезъ самое сіе, способы имъ размножаться обращеніемъ къ себѣ другихъ.

Имѣвъ нынѣ довольно случая узнать оныхъ Духоборцовъ, осмѣливаемся сказать, что естли бы заблагоразсуждено было переселить ихъ въ особыя мѣста, то, кажется, удобнѣе бы, не учреждая между ими, какъ между прочими поселянами, своихъ волостныхъ правленій, учредить надъ ними начальство, по примѣру бывшихъ въ экономическихъ волостяхъ комиссаровъ, или управителей, опредѣляя чиновниковъ честныхъ, добронравныхъ и несуетливыхъ.

Не теряя также, по связи общей, изъ виду полного присоединенія ихъ къ господствующей въ Россіи Православной Церкви средствами, истинному духу Христіанства приличными и сообразными сохраненію повсемѣстнаго спокойства, не бесполезно, конечно, было бы тогда селенія оныя помѣстить не въ самой большой отдаленности отъ городовъ, или такихъ селеній, въ которыхъ могли бы просвѣщенные истиннымъ познаніемъ закона Священники, славою благочиннаго прохожденія своей должности, добраго житія и убѣдительнаго, сердечнаго проповѣданія слова Божія, привлекать къ себѣ оныхъ людей, которымъ, конечно, не столько нужно доказывать пользу и необходимость обрядовъ, какъ то, что ни какіе обряды не могутъ препятствовать существенному богослуженію и поклоненію внутреннему, которое подлинно есть коренное и котораго они не отвергаютъ.

Мудрая терпимость, каковую Ваше Императорское Величество столь великодушно являютъ изволите, и снисходительное, такъ сказать, забвеніе оныхъ людей съ стороны ихъ образа мыслей, всего дѣйствительнѣе могутъ ослабить энтузіазмъ, которымъ они весьма сильно и единственно водятся. Всякое принужденіе раздражитъ только энтузіазмъ сей, всякое утѣсненіе воспалитъ его. Прочіе раскольники, держимые закоислостію навыка, или особливо выгодами корысти привлекаемые, могутъ, одни отвлекаться отсѣченіемъ средствъ приобрѣтать оныя выгоды, или даже приведеніемъ въ состояніе необходимо терять предъ другими; иные могутъ убѣждаемы быть въ своихъ заблужденіяхъ, которымъ они слѣдуютъ часто болѣе по навыку, и которыя не укоренилися въ душахъ ихъ, а въ серд-

цахъ, по большей части, и вовсе не существуютъ. Но, такъ называемые, Духоборцы оные совершенно восхищены однимъ энтузіазмомъ, и столь бѣдны, что терять имъ нечего.

Бѣдность ихъ, Государь, прекрасная; ибо они до конца разорены ссылкой со всѣми семействами на заточенія и въ работы, изъ коихъ освободило ихъ милосердіе и человѣколюбіе Вашего Императорскаго Величества. Дома ихъ и всѣ пожитки проданы. И хотя повелѣно было полученныя за оные деньги имъ доставить, и доставлены въ мѣста бывшей ихъ неволи, но все сіе продано за безцѣнокъ, и не могло иначе быть продано; а впрочемъ, какъ все оное въ подобныхъ случаяхъ дѣлается, то конечно извѣстно, осмѣлимся мы сказать, спасительной для вѣранныхъ Вамъ народовъ опытности Вашей, Государь, и прозорливости.

Бѣдное состояніе оныхъ людей, коихъ и число здѣсь не велико, столько жалостно, что по истинѣ достойно обратить на себя взрѣніе великой щедроты Вашего Императорскаго Величества, дающаго примѣръ земнымъ владыкамъ священнаго уваженія къ человѣчеству.

За долгъ поставили мы все оное всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству, и мнѣніе наше смѣло и свободно представили, руководимы будучи безпредѣльнымъ усердіемъ къ Августѣйшей Особѣ Вашего Императорскаго Величества и къ пользѣ отечества. Вѣрноподданническою любовію цѣлуя скипетръ благоденствія его держащую руку Вашу, повергаемся къ освященнымъ Вашимъ стопамъ.»

Сіе Донесеніе отправили мы уже по окончаніи осмотра Слободской - Украинской Губерніи и собираясь вмѣстѣ съ товарищемъ возвратиться въ Москву чрезъ Богучарской уѣздъ той же Губерніи, въ которомъ надобно еще намъ было произвести нѣкоторое изслѣдованіе.

На первое донесеніе наше о Духоборцахъ не имѣли мы еще отвѣта. Признаюсь, что и не ожидалъ я пріятнаго. Я очень надѣялся на прозорливость и человѣколюбіе Государя, но не былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что ни сколько не могли подѣйствовать толки иныхъ изъ окружающихъ, такихъ, которые хотя въ выслуживаться, представляя вездѣ опасности, хотя ни одной прямой отвратить не умѣютъ, и которые хвалятъ, или порочатъ, дѣло не по тому, каково оно,

а по тому, кѣмъ оно сдѣлано.* Тѣмъ больше, думалъ я, толки такіе могли навлечь препятства, что тогда, со стороны образа мыслей моихъ, не могъ я еще столько извѣстенъ быть Государю, какъ послѣ имѣлъ я къ тому щастіе черезъ нѣкоторые особливые случаи.

Впрочемъ, при всемъ производствѣ онаго дѣла о Духоборцахъ, съ начала самаго не ожидалъ я себѣ пріятности за него по службѣ, а предметомъ имѣлъ оказать услугу общей Государства пользѣ и чело-вѣчеству, хотя бы самому и много потерпѣть за то досталось.

Наканунѣ выѣзда изъ Харькова, по обыкновенію своему проснувшись рано по утру, нашель я въ своей предспальнѣ дождаващагося

* Особливо могъ я такъ думать по тому, что клевета и недоразумѣніе давно разглашаютъ, будто я превеликой защитникъ всякой секты и расколовъ, и заключеніе сіе обо мнѣ простирается до слѣпоты. Довольно сказать о томъ только два примѣра.

1. Передъ самою сею поѣздкою въ Харьковъ, видя у одного отлично-разумнаго и учваго Архіерея (который былъ то пріятелемъ, то гонителемъ моимъ и умеръ, кажется, первымъ), разговаривалъ я съ нимъ о расколахъ и о средствахъ укротить ихъ, представляя къ тому самыя дѣйствительныя, кромѣ жестокостей и тѣлесныхъ истязаній. На другой день Архіерей сей въ собраніи Синода, бывшаго тогда въ Москвѣ, разсказываетъ, что онъ съ ужасомъ вчерась слышалъ отъ меня самаго, какой я защитникъ и покровитель всѣхъ раскольниковъ, и что это такого рода расположеніе мое, которое не бездостоинно даже вниманія Правительства. Другой Архіерей, съ которымъ мнѣ случилось говорить точно то же и въ тотъ же самый день, только ввечеру позже, съ удивленіемъ отвѣчалъ ему, что онъ наканунѣ же слышалъ отъ меня, напротивъ, самыя сильныя и дѣйствительныя средства къ пресѣченію расколовъ, но только жаль, что уже поздно ихъ употреблять, и пересказывалъ какія. Гонитель той, при всей лютости своего ополченія, смягчился, однако жъ, и утихъ, посовѣстясь, слово въ слово тоже, что и ему я говорилъ, слыша за мое же, отъ своего товарища; и еще старшаго.

2. Вошла въ Сенатъ жалоба отъ раскольника, крестьянина, на своего помѣщика (именно та, о которой говорю я выше въ сей второй части моихъ Записокъ), въ коей онъ особливо жалуется на то, что помѣщикъ мѣшаетъ ему раскольничать. Въ Сенатѣ дается резолюція, послабляющая просителю. Я за болѣзнію тогда не присутствовалъ. Не согласясь на такую резолюцію, далъ я голосъ, чтобъ жалобу эту передать въ Уголовный Департаментъ, для поступленія по строгости законовъ, въ укрощеніе буйства. При чтеніи моего голоса товарищи, въ первомъ движеніи, закричали: «Ну, извѣстно, что онъ за раскольника!» Это даже забавно.

меня Почтмейстера, который вручил мнѣ по эстафетѣ полученный отъ Императора рескриптъ.

Готовъ уже будучи прочитать себѣ неудовольствіе, долго не распечатывалъ я его, и распечаталъ гораздо послѣ, распроцавшись съ Почтмейстеромъ.

Но вотъ какой это былъ рескриптъ:

«Господа Тайные Совѣтники и Сенаторы Лопухинъ и Не-
лединскій - Мелецкій! Пріимите истинную мою благодарность за поступокъ вашъ въ дѣлѣ Духоборцовъ. Я нахожу его столько же сообразнымъ просвѣщенію и благоразумнымъ вашимъ правиламъ, сколько и основаннымъ на справедливости и настоящемъ положеніи сихъ людей, и въ слѣдствіе того поручаю вамъ, въ продолженіе пребыванія вашего въ Слободско-Украинской Губерніи, наблюсти, дабы распорядженія, вами сдѣланныя, воспріяли точное ихъ дѣйствіе и послужили мѣстному начальству и на будущее время образцомъ поведенія его съ симъ родомъ людей. Вмѣстѣ съ симъ вразумляю Я Губернатора, какимъ образомъ должно располагать ему, назначенное при возвращеніи сихъ Духоборцовъ, увѣщаніе и, находя, между тѣмъ, что прежде предпрятаго тамошнимъ правительствомъ наряднаго просвѣщенія ихъ умовъ, пристойнѣе и нужнѣе бы было помыслить о ихъ пропитаніи и водвореніи, и что прежде настоятельныхъ вопросовъ о ихъ обязанностяхъ къ Правительству, должно бы было дать имъ почувствовать, что Правительство сіе въ разоренномъ ихъ положеніи готово простерть имъ руку помощи и покровительства, Я предписываю ему, войдя въ ихъ состояніе и описавъ ихъ нужды, представить Мнѣ, имѣють ли они дома, и естли не имѣють, то сколько потребно будетъ на ихъ построеніе, дабы можно было дать имъ немедленно нужное пособіе.

Впрочемъ пребываю вамъ благосклонный

На помянутомъ:

Александръ.»

Въ С-Петербургѣ.

Ноября 27-го

1801 года.

До восхищенія пріятенъ былъ, конечно, сей рескриптъ, коего слова, изъявляющія терпимость и щедроту Государя, должны неизгладимыми буквами начертаться въ славнѣйшихъ дѣяніяхъ челоувѣколюбія и просвѣщенія.

Успокоился и порадовался очень и товарищ мой, и вотъ что онъ при этомъ сдѣлалъ. Черта почтеннаго характера, достойная быть известною.

На одной эстафетѣ съ рескриптомъ симъ получилъ я письмо отъ Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго, въ которомъ сей Министръ, отлично твердостью и рѣдкимъ въ дѣлахъ государственныхъ искусствомъ одаренный, писалъ ко мнѣ о томъ удовольствіи, коимъ онъ искренно участвовалъ при семъ случаѣ въ благоволеніи Монаршемъ, и въ концѣ письма своего писалъ поклонъ моему товарищу.

Товарищъ мой, благодаря его письмомъ, которое изготовилъ онъ послать съ фельдъегеремъ, коего, наканунѣ отъѣзда нашего изъ Харькова, надобно намъ было отправить въ Петербургъ, въ письмѣ ономъ написалъ, что «онъ ни сколько не можетъ участвовать въ благоволеніи отъ Государя, намъ оказанномъ, потому что онъ во все время ничего больше не дѣлалъ, какъ только то подписывалъ, что я напишу.» Я хотѣлъ его пріятельски изодрать, но онъ слишкомъ серьезно сказавъ, что поссорится со мною, вырвалъ его у меня, запечаталъ и отдалъ фельдъегерю. Шутя, я попробовалъ взять письмо у фельдъегеря; только тутъ дошло было подлинно до брани.

Такимъ образомъ началась исторія Духоборцовъ, которые, по нашему представленію, сходному съ ихъ желаніемъ, переселены въ особое жилище, на Молочныя Воды, съ щедрыми пособіями отъ милосердія Государева, и составляютъ теперь одну изъ лучшихъ колоній.

Поступокъ нашъ въ дѣлѣ семъ поставленъ былъ за образецъ начальствамъ всѣхъ Губерній Высочайшимъ именнымъ указомъ, которой чрезъ Генераль-Прокурора объявленъ всѣмъ Губернаторамъ въ томъ же Декабрѣ 1804 года.

Въ публикѣ иные хвалили это дѣло, а большая часть осуждали, и всѣ критики и порицанія устремлялись на меня.

Бранили меня* нѣсколько ученыхъ монаховъ, которые думаютъ, что все, касающееся до религіи, есть ихъ монополія, и что безъ рясы и клобука не можно имѣть истиннаго просвѣщенія въ сей религіи, коея начало и конецъ есть Сый, вездѣ и вся исполняй.

Бранили меня благочестивыми слывущіе старцы, кои не пропускаютъ обѣдней и прилѣжно разбираютъ, рыба ли вязига* и можно

* Подлинно зналъ я одну барыню, очень богомольную, разумную и еще мастерицу по Французски и по Нѣмецки, которая толковала съ Архіереями,

ли въ постные дни чай пить съ сахаромъ, потому что въ него, де, кладется кровь, и которые готовы безъ разбора подписывать людямъ ссылку, и всякую неправду для пріятеля, особливо для вельможи придворнаго.

Бранили думающіе о себѣ, что они философы и выше, какъ говорятъ они, предразсудковъ; которые презираютъ всѣ секты и расколы, хотя не знаютъ прямо, что такое секта, или расколъ; не знаютъ сами хорошенько, какой религіи, и съ надмѣнной улыбкою слабыхъ умовъ говорятъ: «Какъ будто нѣтъ честныхъ людей между язычниками, и какъ будто не было ихъ до Христа,» коему они не вѣрятъ.

Бранили охотники вмѣшиваться въ политику, которые, какъ бы заботясь о благосостояніи и твердости государства, кричатъ, что секты не должны быть терпимы, хотя также ни знаютъ, ни вѣдаютъ, что такое секта и въ чемъ состоитъ благосостояніе государства, и хотя они сами изъ ленточки, изъ титла какого нибудь Превосходительства, и особливо изъ знатной суммы ходячихъ достоинствъ, готовы на все пуститься.

Брани и толки такихъ господъ, и доселѣ продолжающіеся, принималъ я всегда очень равнодушно; но узнавъ, что и тамъ объ ономъ дѣлѣ Духоборцовъ перемѣняются заключенія, откуда вліяніе ихъ можетъ простираться и на общую пользу, не говоря о томъ, что и мнѣ лично въ нѣкоторой вредъ, ибо я о себѣ въ такихъ случаяхъ мало привыкъ думать, и по самому природному моему нраву, равнодушіе тутъ для меня не трудно; узнавъ о семъ, разсѣялъ я одну рукопись, въ которой описалъ все оное происшествіе съ Духоборцами, причины моего съ ними поступка, образъ мыслей моихъ о расколахъ и о томъ, какъ съ ними поступать вообще. Я помѣщу здѣсь сію рукопись, которая не могла быть напечатана, исключая изъ нея сказанное уже мною выше о семъ случаѣ. Къ сочиненію ея особливо побужденъ я былъ однимъ извѣстнымъ мнѣ письмомъ первенствующаго въ Синодѣ Архіерея, въ коемъ онъ, по нѣкоторому случаю, говоря о Духоборцахъ, писалъ: «Сей родъ сильно умножается и, не зная, что дѣлать съ нимъ, зѣло винятъ Ивана Владиміровича.»

можно ли ѣсть вязгу въ тѣ дни, въ которые по Уставу не положено ѣсть рыбу, и ей разрѣшили, почему-то, не упомяну, вязгу къ рыбѣ не причитаю.

ВЫШНСКА ИЗЪ РУКОПИСИ

ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ:

ОТЗЫВЪ ИСКРЕННОСТИ.

Слышу, что умножается число, такъ называемыхъ, Духоборцовъ, и что за сіе винятъ меня.

Естьли бы я зналъ, что обвиненіе такое заключается только въ разныхъ толкахъ невѣжества и въ злорѣчіяхъ моихъ непріятелей (хотя я ихъ развѣ отъ того много имѣю, что никогда не могъ быть и не есть никому непріателемъ), то я бы не только постыдился, да и полѣнился бы право себя оправдывать.

Но какъ разглашенія такіа могутъ ввести въ ложное понятіе и изъ самыхъ благомыслящихъ людей тѣхъ, которые не знаютъ прямо обстоятельствъ, и какъ статья сія относится къ важному состоянію религіи и къ общественному благоустройству, то я, по чувствамъ моего благоговѣнія къ Церкви и ревностной любви къ отечеству, считаю за нужное нѣчто о семъ сказать.

I

Никогда, не только на бумагѣ, но ниже на словахъ, и съ самыми короткими пріятелями, не одобрялъ я оную секту. Всякая секта должна имѣть, и конечно имѣть, свои заблужденія.

Истинная религія есть ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, а новая тварь во Христѣ Иисусѣ, есть истинная натура Христіанства. Кто сего Евангельскаго и Апостольскаго о Христіанствѣ заключенія не приметъ, тотъ или врагъ Христіанству, или совсѣмъ никакого объ немъ чувства и понятія не имѣетъ.

Но для возведенія падшихъ грѣхомъ людей на оный таинственный путь Христіанской жизни, и для постояннаго ихъ къ тому przeprowadенія, при содѣйствіи Благодати свыше, нужны церковные

уставы, обряды, служенія, правительства, начальства и проч. А по сему и надобность учрежденной религіи есть самая священная и спасительная. И изъ всѣхъ, истину исповѣдающихъ, т. е., Христіанскихъ религій, уставъ Греко-Восточной Церкви почитаю я наилучшимъ, не по тому только, что я въ ней родился, но по убѣжденію сердца моего и разума.

II

Исторія раздѣленій Церкви извѣстна. Они столько жъ естественны, сколько естественно заблужденіе людямъ, не могущимъ видѣть истину изъ точки прямого на нее зрѣнія, а испытывающимъ ее по образамъ и оттѣнкамъ, слабостью разсудка природнаго. Отъ сего произошли всѣ раздѣленія (секты) и расколы. Политическія побужденія были всегда уже вторыми причинами. Фанатизмомъ ли суевѣрія, честолюбіемъ, или сребролюбіемъ руководствовались учредители сектъ, но всегда пользовались онымъ заблужденіемъ людей, слѣпотствующихъ на путяхъ къ истинѣ.

Источникъ всѣхъ почти расколовъ есть усердіе непросвѣщенное, исканіе лучшаго образа богослуженія, которое, конечно, раждается отъ усердія къ Богу: но безъ просвѣщенія, на самомъ подвигѣ усердія сего, въ заблужденіе войти можно. Для того же, кто, называясь христіаниномъ, во Христа не вѣруетъ, о Богѣ не помышляетъ, конечно, все равно, тотъ, или другой, образъ поклоненія, или совѣтъ никакого. Таковой, конечно, не уклонится ни въ какую секту, и уклоняться ему не отъ чего.

Итакъ, самая ревность къ закону Божию, но свѣтомъ истиннаго разума не управляемая, заводитъ въ разнообразныя заблужденія и производитъ различные расколы и раздѣленія.

Не постигающей силы духа и внутренняго качества Христіанскаго и заключающей все въ одной внѣшности, боготворить ее и ею соблазнется. Разница въ литерахъ, въ какомъ нибудь обрядѣ, соблазняетъ и совращаетъ его. Онъ лучше согласится не величать Христа, нежели говорить тѣми, а не другими, словами, лучше совѣтъ не будетъ молиться, нежели не тѣ употреблять внѣшніе знаки поклоненія, какіе употребляли его предки.

На семь совратившихся самое большое число. Въ подвигѣ усердія непросвѣщеннаго, при суевѣрномъ обожаніи внѣшности, гораздо удобнѣе слабостямъ человѣческимъ удовлетворяться ея исполненіями, нежели сражаться со страстями и отрицаться самолюбія.

Другіе впадаютъ въ противное, но также въ заблужденіе, и столько же удаляются отъ пути истиннаго. Понимая, что не во внѣшности заключается существенное, но не понимая пользу внѣшности и необходимость ея, какъ средства къ внутреннему, отвергаютъ внѣшнее, презираютъ образное, но не постигаютъ истиннаго, не вѣдаютъ существенной внутренности духовнаго. Разсужденія о Богѣ принимаютъ за созерцаніе божественнаго; молитву неустную, мысли о молитвѣ, за поклоненіе духомъ и истиною: безразсудное неуваженіе всякой внѣшности, при размышленіи о духовномъ, и при нѣкоторомъ стараніи естественными силами исполнять поверхность Христіанскихъ обязанностей, съ большимъ пожертвованіемъ самолюбію, почитаютъ жизнью духовною, внутреннимъ Христіанствомъ. Не вѣдаютъ, что созерцаніе небснаго свойственно быть можетъ только чистому оку божественной премудрости, которая не входитъ въ злую душу и не обитаетъ въ тѣлѣ, оскверняющемся грѣхами; что поклоненіе духомъ и истиною есть жертвоприношеніе сердца, исполненнаго страха Господня, при живомъ, вѣрою и любовію ощущеніи присутствія Божія; что духовная жизнь внутренняго Христіанства есть безпрестанное распятіе плоти и страстей на внутреннемъ крестѣ самоотверженія и смиренія.

III

Изъ оной-то смѣси стремленія къ чистѣйшему поклоненію и ложнаго понятія о духовномъ родилась секта, такъ называемыхъ, Духоборцовъ

Кто именно ее учредилъ и точное время начала ея не извѣстно. Нѣкоторые изъ нихъ меня увѣряли, что уже слишкомъ сто лѣтъ существуетъ у нихъ такой образъ исповѣданія. Правительству же стали они извѣстны около 1770 года. Впрочемъ, хотя отъ начала своего имѣли они правиломъ не уважать ничего наружнаго, и все заключать единственно во внутренности и въ дѣятельномъ исполненіи Евангельскихъ заповѣдей, однако, они всегда ходили въ храмы, бывали у Свят. Причастія, въ храмахъ крестились, бракомъ сочетались, и всѣ внѣшнія обязанности Религіи исполняли. Сіе между ними продолжалось до самаго послѣдняго времени ихъ ссылокъ и заточеній.

Никакая секта въ новѣйшія времена не была столь строго преслѣдуема, какъ оныя Духоборцы, и, конечно, не по тому только, что

они всѣхъ вреднѣе. Разными образами изъязвляли ихъ, цѣлыми семействами ссылали въ тяжкія работы, заключали въ самыя жестокія темницы. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли въ такихъ, гдѣ ни стоять во весь ростъ, ни лежать протянувшись, нельзя было. Это мнѣ сказывалъ, хвалясь своимъ распоряженіемъ, одинъ изъ начальниковъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ они содержались.

IV

Взятыхъ подъ стражу въ Слободско-Украинской губерніи Духоборцовъ велили мы съ товарищемъ тотчасъ освободить и уничтожить всякое надъ ними слѣдствіе, въ надеждѣ на прозорливость и человѣколюбіе Государя; а притомъ зная, что въ подобныхъ случаяхъ средства строгости всегда обращаются или въ несправедливое изъязваніе слабости и невѣжества, или въ пищу фанатизму, который тѣмъ укрѣпляется и воспаляется больше. Слепоту разума должно исцѣлять просвѣщеніемъ разума. Заблужденія духовныя исправлять надобно убѣжденіемъ духа, силою истины. Я думаю, что одна проповѣдь Евангельскаго ученія словами и книгами, при добродѣтельныхъ примѣрахъ, можетъ выводить изъ заблужденія совращающихся съ прямого пути религіи. Исполненныхъ предразсудками противъ всякой внѣшности, или безразсудно прилѣпленныхъ къ какимъ либо особливимъ обрядамъ, никогда не убѣдишь въ пользѣ тѣхъ, а не другихъ. Опыты многихъ вѣковъ сіе доказываютъ. Но когда заблуждающіе въ ономъ будутъ просвѣщены и сердечно убѣждены въ существѣ животворнаго внутренняго Хрістіанства, тогда всякая для нихъ преграда на правильный путь сама собою разрушится, и они, при истинномъ на него вступленіи, узнаютъ и необходимую при томъ пользу внѣшности и обрядовъ для людей, изъ души и тѣла составленныхъ.

Совершенное отметапіе Духоборцами всякой наружности, конечно, есть великое заблужденіе. Кромѣ установленныхъ въ Церкви таинствъ, коихъ предметъ есть освящать души и цѣлить тѣла силою вѣры, отверзая пути сокровенному дѣйствію духа Божія, всѣ уставы и обряды церковныя спасительны и полезны; ибо въ нихъ устроены способы внѣшними упражненіями обращать самыя внѣшнія чувства на вспоможеніе духу, возбуждать сердце трогательностію совершенія служебныхъ обрядовъ, и видимыми образами, описаніями, чувственнымъ пѣніемъ невидимыхъ истинъ, сообщать объ нихъ разительное понятіе разуму.

Итакъ, отверженіе всякой наружности есть, конечно, заблужденіе. Но оно должно исправляться просвѣщеніемъ, а не жестокостью, хотя бы то и не въ сотняхъ семействъ. Убѣжденія нужны. Жестокость же не убѣждаетъ, но только раздражаетъ, или принуждаетъ надѣвать личину, которая въ религіи хуже раскола. Лучше, при усердномъ намѣреніи угождать Богу, отъ невѣжества заблуждать въ образѣ поклоненія, нежели играть имъ въ угодность людямъ.

* * *

Принявъ все сіе въ уваженіе, безпристрастные, разсудительные, уважающіе человѣчество и знающіе соотношеніе пользы государственныхъ, конечно, не осудятъ того, что въ случаѣ семъ сдѣлалъ я съ моимъ почтеннымъ товарищемъ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Въ самой первой день 1802 года возвратился я изъ Харькова въ Москву присутствовать въ Сенатѣ.

Весною очень заболѣли у меня ноги. Я собирался лѣчиться, и въ лѣтній мѣсяцъ отдохновенія пользоваться деревенскимъ воздухомъ, прогуливаясь въ прекрасномъ моемъ Аглинскомъ саду въ подмосковной, и въ немъ, на Юнговомъ острову, * у памятника Фенелону, герою моему, изъ первыхъ между мужами истинно великими, питать свое сердце самыми для души цѣлительными чувствами нѣжной любви къ человѣчеству.

Съ большимъ утѣшеніемъ занимался я планомъ этой моей деревенской жизни; но нечаянное призваніе къ новой должности опечалило было меня препятствомъ ему.

Меня выбрали Совѣстнымъ Судьею въ Москвѣ въ то время, какъ я не зналъ, что и выборъ производится. Я не хотѣлъ принять сей должности безъ соизволенія Государева; и всегда бы не охотно ее принялъ, потому что не предполагаю я возможности много въ ней успѣть дѣйствительнаго добра сдѣлать; однако, отказаться нельзя было; но, при всемъ усиломъ требованіи дворянства и настояніи Губернскаго начальства Московскаго о вступленіи моемъ въ оную должность, не вступалъ я прежде, нежели извѣстна мнѣ будетъ о томъ воля Государева; почему и представлено Ему было о семъ выборѣ отъ тогдашняго Московскаго Военнаго Губернатора, Фельд-маршала Графа Салтыкова.

* Рисунокъ этого острова и памятника Фенелону приложенъ къ № 4-му Вѣстника Европы въ Февралѣ 1809 года, и короткое описаніе ихъ и всего сада моего ва стр. 298 сдѣлано издателемъ, Василемъ Андреевичемъ Жуковскимъ, которой отличается рѣдкими дарованіями въ литературѣ и чувствованіями прекраснаго сердца.

Для того неохотно принималъ я должность Совѣтнаго Судьи, что и подлинно въ Судѣ семь, съ наилучшимъ намѣреніемъ учрежденномъ, но въ правилахъ своихъ требующемъ еще, кажется, дополненія, не знаю я, что можно по сіе время основательно сдѣлать лучшаго, нежели во всякомъ другомъ Судѣ.

Совѣтной Судѣ вообще судить такъ, какъ и все прочіе по законамъ, и правила его: 1, человеколюбіе; 2, почтеніе къ особѣ ближняго, яко челоуѣку; 3, отвращеніе отъ угнетенія челоуѣчества (Учрежд. Губерн. 397) суть тѣ же, кои должны быть основаніемъ каждаго Суда, и безъ коихъ правосудіе отправляться не можетъ. Уголовныя дѣла судятся въ немъ только почти объ однихъ малолѣтнихъ, и по тѣмъ же законамъ, по которымъ дѣла сіи судились еще до учрежденія Совѣтнаго Суда.

Самой приличной Совѣстному Суду образъ сужденія былъ бы, конечно, по дѣламъ уголовнымъ, испытывать, такъ сказать, въ совѣсти побужденія къ преступленіямъ, или входить въ изслѣдованіе самыхъ сокровенныхъ ихъ причинъ, соображать качество и мѣру преступленій съ нравственными качествами каждаго преступника и съ силою возможности въ немъ удержать, или преодолѣть, себя, и потому соразмѣрное опредѣлять каждому въ надлежащемъ степени наказаніе. Но сіе невозможно. Не говоря уже о томъ, что недостатъ челоуѣческой проницательности на точность таковыхъ испытаній и соображеній, невозможно оное и по тому, что и въ законахъ бы требовалась для того различительность и постепенность неестественныя. Не бываетъ, конечно, двухъ преступленій равныхъ, ежели во всей точности соображать ихъ съ побужденіями, предметами, обстоятельствами, свойствами и силами преступниковъ.

Отъ сего-то нерѣдко и случается, что два преступника, весьма различествующіе по внутреннему расположенію къ одинакому по внѣшнему своему виду преступленію, подвергаются равномѣрному наказанію закономъ, которымъ всѣхъ оныхъ оттѣнковъ различить и степени опредѣлить невозможно. И оное по внутреннему уравниваетъ уже одинъ Всевидащій Праведный Судія, въ очахъ Коего иногда преступникъ подъ мечемъ лютейшей и по суду челоуѣческому самой справедливой казни, достойнѣе такого, коего честности и добродѣтелямъ, по заключеніямъ же челоуѣческимъ, сплетаютъ вѣнцы и хвалы поютъ.

Въ дѣлахъ тяжбныхъ рѣшенія Совѣстнаго Суда тогда только дѣйствительны, когда, всѣ имѣющіе между собою тяжбу, или довольны, или когда которая нибудь сторона по миролюбію прекратить дѣло, безъ того же тщетенъ весь трудъ Совѣстнаго Суда, и плоды наилучшихъ его рѣшеній бывають тѣ, что тяжущіеся безотчетно объявятъ на нихъ свое неудовольствіе, и поведутъ свое дѣло надлежащимъ порядкомъ по законамъ, какъ будто бы въ Совѣстномъ Судѣ оно и не было.

Миролюбивые найдутъ способъ и безъ суда помириться между собою, или судомъ посредниковъ, которой есть самой естественной и основательной совѣстной судъ, когда добрая воля судящихся избираетъ его и повинуетъ его заключеніямъ. А охотники до тяжбъ и лицемѣры, иногда съ тѣмъ именно пойдутъ въ Совѣстный Судъ, чтобъ протянуть и больше запутать дѣло, притворяясь притомъ и въ миролюбіи, и зная, что они когда хотятъ, уничтожить могутъ все производство Совѣстнаго Суда.

Я думаю, что полезно было бы, для нѣкотораго удержанія отъ напрасныхъ въ Совѣстномъ Судѣ начинаній дѣлъ и объявленій неудовольствія на справедливыя рѣшенія его, опредѣлить, по крайней мѣрѣ, тяжелый штрафъ, которой взыскивать съ тѣхъ, кои, будучи недовольны рѣшеніемъ Совѣстнаго Суда, пойдутъ, куда по законамъ надлежитъ, и послѣ всѣхъ апелляцій окончательнымъ рѣшеніемъ обвинены будутъ. Здѣсь, по мнѣнію моему, тяжелый штрафъ столько жъ можетъ быть полезенъ, сколько неумѣренный во всѣхъ судныхъ и тяжбныхъ дѣлахъ, прочими Присутственными Мѣстами по обыкновенному теченію производимыхъ, можетъ судящихся иногда подвергать большимъ убыткамъ и, въ ободреніе неправой стороны, устранить отъ справедливыхъ жалобъ, а Судей угрожать разореніемъ, и чрезъ то честныхъ принуждать выходить изъ службы, или не входить въ нее, а иныхъ торговаться съ тяжущимися и брать взятки вдвое за то, какъ рѣшить, да на расплату штрафа, въ случаѣ, что такое рѣшеніе не утвердится высшимъ мѣстомъ, которое также не безпогрѣшно.

О злоупотребленіи неумѣренныхъ штрафовъ, опредѣленныхъ за неправильныя рѣшенія и неограниченныхъ законами пеней, произвольно налагаемыхъ, кетати при семъ впишу я голосъ, которой подаю я въ Общемъ Собраніи Московскихъ Сената Департаментовъ, по случаю наложеннаго однимъ бывшимъ Начальникомъ въ Москвѣ

и ея Губерніи взысканія на присутствующихъ Московскаго Магистрата.

Голосъ сей, по предложенію Министра Юстиціи, докладомъ согласившагося съ нимъ Общаго Собранія, поднесенъ былъ Государю Императору, съ тѣмъ, что не благоудно ли Ему будетъ повелѣть Комиссіи о составленіи законовъ, принять сей голосъ мой въ уваженіе для дальнѣйшихъ постановленій, на которой докладъ и послѣдовало Высочайшее соизволеніе Его Величества. *

Голосъ оной есть слѣдующій:

1) «За нужное считаю возобновить дѣятельнѣйшія мѣры къ воздержанію Начальниковъ Губерній и Губернскія Правленія отъ преступленія предѣловъ власти ихъ и должности, законами опредѣленныхъ, которое преступленіе есть источникъ всѣхъ въ Губерніяхъ неправдъ, безпорядковъ и притѣсненій.

2) При семъ же долгомъ поставляю, сообразя многіе опыты, сказать, чтобы точною соблюденія законовъ и самымъ существомъ правосудія, требовалось заключить взысканія и положеніе пеней и штрафовъ, единственно въ тѣхъ случаяхъ и количествахъ, которые именно и точно опредѣлены законами, строго отвращая опредѣленіе пеней въ количествахъ произвольныхъ, и произвольное также обращеніе взысканій въ штрафахъ на Судей и чиновниковъ по такимъ дѣламъ, по коимъ оныя взысканія именно не повелѣваются законами.

За упущеніе въ самомъ важномъ уголовномъ дѣлѣ, и можетъ быть иногда умышенное, но со стороны умысла не доказанное, чиновникъ наказывается выговоромъ, строгае, нѣкоторымъ вычетомъ изъ жалованья, по крайней уже строгости отрѣшеніемъ отъ мѣста, а за погрѣшность, и часто неумышленную въ производствѣ, сопряженномъ съ интереснымъ искомъ, можетъ вышесказаннымъ взысканіемъ не только самъ подвергнуться нищетѣ, но всего лишиться могутъ такого чиновника дѣти и наслѣдники, которые, по мудрости

* Дѣло оное было по долговой претензіи купца Василья Девятаго на Московскомъ мѣщанинѣ Григорьевѣ. А жалоба отъ присутствующихъ Магистрата принесена была Сената въ 7 Департаментъ, въ коемъ произошли разныя мнѣнія, и потому дѣло разсматривалось въ Общемъ Собраніи, гдѣ поданъ оный голосъ. Докладъ же по сему голосу отправленъ былъ 17-го Іюля 1807 года, а именное повелѣніе о препровожденіи голоса въ Комиссію объявлено Общему Собранію 9-го Августа того же года.

милосердаго въ Россіи законодательства Государскаго, не лишаются имѣнія и за важнѣйшія Государственныя преступленія отцовъ и родственниковъ.

Не могутъ въ наказаніи таковыми взысканіями сохраниться и равенство и единообразіе, естественныя правосудію; ибо когда упущеніе не умышлено, то вина его равна, какъ въ дѣлѣ о маломъ, такъ и о большомъ искѣ; но въ первомъ, сдѣлавшій такое упущеніе, наказывается почти нечувствительно, особливо при безденежномъ состояніи, а въ послѣднемъ, и при самомъ иногда достаткѣ, совершенному разоренію и съ цѣлымъ семействомъ подвергается.

Тяжкіе сего рода штрафы могутъ, устрашая добронамѣренныхъ и честныхъ, но не безподверженныхъ, конечно, ошибкамъ, лишать службу полезнаго ихъ въ ней пребыванія, а злорасположенныхъ и лихоимцовъ побуждать къ большому удовлетворенію корыстолюбія, заставляя ихъ, собираясь на преступленіе незаконнымъ производствомъ, усугубить оное еще предвареніемъ чрезъ преступленіе же, для запаса на то, чѣмъ бы было расплатиться за оное беззаконіе.

Самымъ тяжкимъ лишеніемъ чести личное наказаніе лица виновнаго, справедливѣе, конечно, нежели одно денежное наказаніе, но въ такомъ количествѣ, которое вмѣстѣ съ лицомъ симъ повергаетъ въ бѣдствіе и невинныхъ дѣтей и родственниковъ.

Я думаю, что къ лучшему отправленію суда подѣйствовать можетъ не столько тяжесть денежныхъ штрафовъ, отъ которой коварство лихоимства уклоняться найдетъ способы съ избыткомъ, и самая невинность часто пострадать можетъ, а честность, зная свойственную человѣчеству небезпогрѣшность и, благоразумно не надѣясь избѣжать ее, будетъ страшиться службы, и совсѣмъ отъ нея удаляться; не столько, говорю, тяжесть оныхъ штрафовъ и взысканій подѣйствовать можетъ къ лучшему и нелицепріятнѣйшему судопроизводству, какъ постепенное по начальству, и чрезъ разные, учрежденіями доставленные, пути, вниманіе на теченіе и производство дѣлъ, для сужденія и строгаго личнаго наказанія за пристрастія судящихъ, и для очищенія службы отъ таковыхъ, кои явнымъ невѣжествомъ, или малодушіемъ, ежели и непристрастіемъ, вредятъ ей и оскорбляютъ святость суда. На примѣръ: разнообразныя рѣшенія, ежели не всегда означаютъ умышленную неправду, то непременно, однако же, обнаруживаютъ неспособность, или невниматель-

ность, дѣлающія недостойными званія судейскаго. Частое отступленіе отъ своихъ мнѣній и перемѣна ихъ, ежели и не по лицепріимству, отъ сребролюбія производятся, то уже, конечно, или отъ неуваженія правды, или отъ малодушнаго лицепріятія, уступчивости и боязни сильныхъ происходятъ, что столько же несовмѣстно почтенному характеру судейскому. Желательно, чтобъ на сіе больше обращалось ваиманіе, и чтобъ учредились удобнѣйшіе способы къ обнаруженію оныхъ поступковъ, заражающихъ судопроизводство.

Я осмѣлился о семъ распространиться, считая долгомъ званія моего, при всѣхъ случаяхъ откровенно и съ полнымъ усердіемъ дѣлать представленія, по мнѣнію моему, нужныя къ пользѣ правосудія и служенія Государственнаго.

И гдѣ же приличіе и полезнѣе могутъ быть такія разсужденія, какъ не въ собраніи сего верховнаго Правительствующаго Судища?»

Итакъ я ожидалъ соизволенія Государева на выборъ меня въ Москвѣ Совѣстнымъ Судьею, неохотно готовясь вступить въ эту должность, и жалѣя, что она помѣшаетъ мнѣ долѣе прожить въ любезной моей подмосковной.

Но порученіе мнѣ другой должности, столько нечаянное, отвело меня на нѣсколько лѣтъ отъ Москвы и на край Россіи. Наканунѣ полученія о выборѣ меня въ Совѣстные Судьи представленія, Государь изволилъ подписать Указъ о предсѣдательствованіи мнѣ въ Коммисіи, учрежденной для разбора споровъ и опредѣленія повинностей въ Крымскомъ полуостровѣ.

Послѣ имѣлъ я щастіе слышать изъ устъ самаго Государя, что Онъ Самъ избралъ меня къ сему порученію, зная, какъ угодно Ему было при томъ сказать, мое безпристрастіе и любовь къ правдѣ и порядку.

И не слыхалъ я даже, что учреждается такая Коммисія, прежде нежели получилъ Указъ о ея мнѣ порученіи, при которомъ прислано было ко мнѣ начертаніе правилъ ея, обнародованныхъ напечатаніемъ на Русскомъ и Татарскомъ языкахъ.

Причиною учрежденія сей Коммисіи были жалобы Татаръ, подстрекнутыхъ завистью, непріязнью между собою и разными личностями дворянъ и чиновниковъ, начиная отъ нижнихъ до самыхъ вышнихъ, такъ что сіе касалось и до игранія знатнѣйшихъ ролей

при Дворѣ. Однимъ словомъ, сія Коммисія родилась больше отъ споровъ на паркетѣ, по которому охотники ходитъ всегда тѣснѣе и скользятъ, нежели въ обильныхъ долинахъ и великолѣпныхъ горахъ романтической Тавриды, потому что, при самомъ отправленіи ко мнѣ Указа, ближайшіе по государственнымъ дѣламъ къ Государю, писали ко мнѣ, что Его Величество изволилъ поручить мнѣ сію Коммисію, зная мое безпристрастіе, опытность и особливо твердость.

Хотя не имѣлъ я никакого понятія о положеніи Крымскомъ, но тотчасъ увидѣлъ изъ присланныхъ ко мнѣ правилъ неудобность исполненія. Не могъ я, однако, никакихъ сдѣлать о томъ представленій, не изслѣдуя и не удостовѣривъ на мѣстѣ.

Въ концѣ лѣта пріѣхавши въ Крымъ, открылъ я засѣданіе Коммисіи, которая въ нѣсколько мѣсяцевъ собрала во всѣхъ подробностяхъ всѣ нужныя свѣдѣнія и, по соображеніи съ мѣстными обстоятельствами, постановя разсужденіе о всѣхъ неудобствахъ исполненія, какъ со стороны справедливости, такъ и порядка, просилъ я Государя о дозволеніи мнѣ пріѣхать въ Петербургъ для личныхъ объясненій.

Государь очень милостиво соизволилъ на пріѣздъ мой. Итакъ я отправился изъ Крыма черезъ Москву, въ которой просилъ я позволенія, для дѣлъ своихъ, прожить двѣ, или три, недѣли, какъ и въ Петербургѣ просился на самое короткое время. Но за особыми, кромѣ Коммисіи, отъ Государя порученіями, не успѣвъ до позднихъ чиселъ Февраля выѣхать изъ Крыма, пріѣхалъ я въ Москву уже по начинавшей портиться дорогѣ, и не могъ въ ней больше пробыть осьми, или десяти, дней, а въ Петербургъ на короткое-то время пріѣхавши въ Мартъ 1803 года, выѣхалъ изъ него въ Августъ 1804 г. Государь изволилъ принять меня съ отмінною милостью. Скоро по пріѣздѣ имѣлъ я честь у Него обѣдать, и первыя слова его мнѣ были, что «Онъ съ особливимъ удовольствіемъ всегда дѣлаетъ мнѣ порученія, и съ такимъ же читаетъ всѣ мои бумаги; о Харьковской поѣздкѣ моей не забудетъ никогда.»

Представленія мои по Коммисіи Государь изволилъ одобрить и найти достойными вниманія; но какъ сіе дѣло Крымское, очень уважаемое Государемъ, трактовано было прежде въ Государственномъ Совѣтѣ, въ коемъ и Коммисія основаніе положено, то угодно было

Государю, чтобъ и мои представленія разсмотрѣлъ Совѣтъ, при которомъ разсмотрѣннн и я бы всегда въ немъ былъ.

Въ первое о семъ собраніе свое Совѣтъ потребовалъ отъ меня соображенія всѣхъ предметовъ моихъ представленій, и мнѣнія, какимъ образомъ удобнѣе все это исполнить.

Сочиненіе сіе о рѣшительномъ жребіи хозяйственнаго состоянія Крымскихъ жителей немалого, конечно, мнѣ стоило труда. Замѣчательно, что весь планъ его случилось мнѣ придумать, прогуливаясь въ Таврическомъ саду.

Въ ту же мою бытность въ Петербургѣ, желая сдѣлать оборотъ въ долгахъ моихъ, просилъ я Государя о покупкѣ у меня въ казну деревни и о пожалованіи мнѣ заимообразно денегъ. Записку о томъ, поднесенную Его Величеству, помѣщу я здѣсь, какъ такую, въ коей весьма справедливо и откровенно описаны всѣ причины моихъ долговъ, и какъ объясняющую самое нравственное мое расположеніе, кстати для сихъ историческихъ моихъ Записокъ.

«Дерзая испрашивать Все милостивѣйшаго вспоможенія въ разстроенномъ состояніи моего имѣнія, нужнымъ считаю коротко разсказать исторію долговъ моихъ съ простосердечіемъ и откровенностью, которая мнѣ свойственна, особливо предъ Монаршимъ престоломъ.

Не родился я, конечно, охотникомъ до денегъ, но всегда ненавидѣлъ мотовство. Нельзя сказать, чтобъ никогда ничѣмъ я не жертвовалъ страстямъ моимъ и слабостямъ; однако, жертвы мои имъ, если имѣли, то самое малое вліяніе на долги мои. Не только не любилъ я пировъ и праздниковъ, и никогда не давалъ ихъ, но, можетъ быть, слишкомъ всегда былъ противъ ихъ предубѣжденъ. Не только не игралъ я никогда въ большія игры, но даже и въ такія, какихъ меньше не играютъ въ знатныхъ бесѣдахъ: въ самыя малыя играя, не проигрывалъ я, конечно, никогда нѣсколькихъ рублей безъ сожалѣнія, какъ напротивъ, никогда не подавалъ я бѣдному безъ нѣкотораго безпокойства о томъ, что не мало ли даю ему. Были обстоятельства, въ которыхъ разумъ мой считалъ должнымъ и силился удерживать мою руку, но ни одного, конечно, раза не успѣлъ. Простодушно описываю правду.

Съ одной стороны увѣренъ будучи, что частные люди очень могутъ содѣйствовать къ просвѣщенію Государства, и что всѣ попенченія Правительства, смѣю сказать, безъ сего содѣйствія не могутъ совершенно достигнуть въ томъ истиннаго предмета; а съ другой,

любя, страстно любя, полезное просвѣщеніе и ближнихъ, жертвовалъ я многимъ иждивеніемъ на воспитаніе юношества въ полезныхъ обществу наукахъ, и на изданіе книгъ, утверждающихъ корень чистой нравственности и добродѣтели. Въ томъ числѣ знатныя суммы употребилъ я не съ намѣреніемъ прибытка, однако, не имѣвъ намѣренія употребить ихъ и безвозвратно.

Но какъ стеченіе разныхъ случаевъ, обстоятельствъ и расположеній человѣческихъ, все оное нещастно представя въ видахъ совсѣмъ превратныхъ, наконецъ разстроило весьма поразительнымъ разрушеніемъ, то я изъ тѣхъ суммъ, которыя возвратить мнѣ слѣдовало, едва ли гривну получилъ за рубль.

Всѣ тѣ издержки дѣлалъ я въ долгъ, и въ томъ былъ, конечно очень неостороженъ. Но не для того, чтобъ себя оправдывать, а чтобъ искренно сказать, только всему прямую и естественную причину, скажу, что неосторожность оная во мнѣ происходила изъ одного источника съ тѣмъ, почему разумъ мой никогда не могъ удерживать моей руки.

Въ долгъ же все для того, что жилъ при отцѣ моемъ, которой девяноста двухъ лѣтъ скончался въ 1797 году. И хотя онъ былъ самой доброй и благодѣтельной отецъ, и любилъ меня какъ только можно, однако, смотря на вещи по заключеніямъ своего времени, не только избыточнаго, но и многого, необходимо нужнаго, не давалъ на содержаніе, не отъ скупости, или нелюбви къ дѣтямъ, но точно по смерти свою не вѣря, чтобъ рубля стоило то, за что въ новыя времена надобно было платить десять, особливо такъ думалъ онъ въ послѣднія одиннадцать лѣтъ своей жизни, въ которыя онъ, лишась зрѣнія, не выходилъ изъ комнатъ и крайнѣ ослабѣвалъ въ тѣлѣ, но, память имѣя здравую до послѣднихъ часовъ жизни, самъ управлялъ и распоряжалъ имѣніемъ, не позволяя мнѣ съ братомъ никакъ въ томъ участвовать. Мы хранили покой его и нисколько не нарушали его волю; даже необходимыя, по пристойности времени, для содержанія дому его, издержки, должно было дѣлать, скрывая отъ него и въ долгъ. Очень дорого мнѣ иногда стоило не допустить до него о долгахъ моихъ. Онъ былъ столь хорошаго расположенія, что мнѣ бы, конечно, простилъ и ничего бы не лишилъ меня, но для себя бы огорчился несносно.

Между тѣмъ корыстолюбіе, съ которымъ я принужденъ былъ имѣть дѣло и повиноваться ненасытнымъ его требованіямъ, всѣми

возможными ему способами пользовалось моими обстоятельствами: и какъ же надобно было возрастать долгамъ моимъ при такихъ трудныхъ оборотахъ и нѣкоторыхъ, отмѣнно критическихъ, положеніяхъ чрезъ многіе годы!

Наконецъ, не смотря на все, не только не хотѣлъ я отослать моихъ кредиторомъ къ платежу въ бывшій вспомогательной банкъ, но, получая билетами его платежъ отъ нѣкоторыхъ изъ самыхъ тѣхъ, которые по нѣскольку лѣтъ должны были отцу моему, съ заплатою пяти указныхъ процентовъ, коихъ больше не бралъ онъ никогда, что также, смѣю примѣтить, не очень обыкновенно: получая тѣ билеты, промѣнивалъ я ихъ, и большія суммы на ассигнаціи для уплаты своимъ кредиторамъ, которыхъ бы безъ того ввелъ я, конечно, въ убытокъ, какъ и собою тутъ испыталъ; ибо я промѣнивалъ или прибавлялъ, платя по десяти и по одиннадцати на сто. Лучше хотѣлъ я самъ понести убытокъ, и разорительной, нежели не сохранить моихъ обязательствъ другимъ.

Все сначала, мною здѣсь сказанное, извѣстно большей части безпристрастной публики обѣихъ столицъ.

Въ концѣ 1796 и въ началѣ 1797 года имѣлъ я вѣрные случаи нѣсколькими словами освободиться отъ моихъ долговъ, сохранивъ все имѣніе мое. Но хотя я думаю, что помощь отъ щедротъ Царскихъ есть самая справедливая, однако, не могъ я воспользоваться тѣми случаями, по нѣкоторой непобѣдимой стыдливости въ нравѣ моемъ, говорить о себѣ и просить. А при томъ, хотя я имѣлъ честь отмѣнно лестно быть призванъ, но я никогда немогъ легко и вообразить себѣ возможность просить даровъ и наградъ безъ заслугъ. Дѣла же мои между тѣмъ день отъ дня больше разстроивались.

И теперь, при всемъ неописанномъ моемъ увѣреніи на самую благость, царствующую въ Россіи, посадившій ее на престолъ видить, съ какою прискорбною пишу я о себѣ, и что ни слова бы не сказалъ я, естли бы не крайность заставила. Прибѣгаю къ средству сему, чтобъ сохранить мою честь, которою дорожу я въ видахъ любви къ правдѣ и человѣчеству; чтобъ успокоить жизнь мою, которую право я всегда провождалъ и расположенъ провождать или въ горячей любви къ престолу и отечеству, или въ усердной имъ службѣ, и чтобъ особливо сберечь какой нибудь кусокъ для моего брата, которой не только не дѣлился со мною, но въ един-

ственный, можетъ быть, примѣръ дружбы и добродѣтели, всю свою частью знатнаго имѣнія безропотно жертвовалъ мнѣ на помощь.

Крайность исторгла изъ меня и то изъясненіе о состояніи дѣлъ моихъ, которое осмѣлился я написать къ Государю Императору въ моей всеподданѣйшей прозвѣ изъ Тавриды о позволеніи прѣхать сюда для представленій, и прожить нѣсколько дней на дорогѣ въ Москвѣ. Довѣренность къ великой и щедрой душѣ Его водила мою рукою, и по истинѣ ему первому, во всю мою жизнь говорилъ я о себѣ съ такою откровенностью.

И по всему тому, приступая нынѣ къ прозвѣ, въ полной же откровенности скажу, что Всемилостивѣйшее ей вниманіе будетъ Государская милость для меня великая, но дѣло щедроты Его тутъ будетъ справедливое. Я не прошу чрезвычайнаго, и не прошу такого, чего бы и безъ отличнаго благоволенія не получили служившіе не больше меня, не лучше, и ужь, конечно, не усерднѣе, ибо въ семъ не уступлю я никому.

Я прошу, чтобъ повелѣно было купить въ казну деревню, которую имѣю я въ Калужской губерніи, и проч.

Впрочемъ, предаюсь благоутробной волѣ Государя Императора, и повергаясь къ освященнымъ стопамъ Монаршимъ, сердечною любовью добывая руку Александра Всемилостивѣйшаго, скажу, дѣло вѣрнаго подданнаго и сына отечества по возможности всѣми силами служить Государю и Отечеству, а Государю, Отцу Отечеству, единственно принадлежитъ мудростью цѣнить заслуги и способности, благостью же щедроты своей опредѣлять милости.»

Подать сію записку принялъ на себя Графъ В. П. Кочубей, сей благоразумной, добронамѣренной, трудолюбивой Министръ, которому останусь я навсегда благодарнымъ, за его обязательное ко мнѣ расположеніе.

Государь изволь отозваться, что онъ охотно благоволилъ бы исполнить мою прозвбу, но что Онъ деревень въ этотъ годъ ни у кого не покупаетъ, что денегъ въ Кабинетѣ нѣтъ, но что давно угодно Ему оказать мнѣ милость пожалованіемъ хорошей аренды, которую и пожаловалъ.

Подавъ я въ Государственномъ Совѣтѣ требуемое имъ отъ меня мнѣніе о Крымскихъ дѣлахъ, и послѣ того мѣсяца три былъ я вѣдкое собраніе въ присутствіи Совѣта. Много разсуждали, толковали, спорили, часто ничего не дѣлали — наконецъ рѣшили. Большин-

ство голосовъ было согласно съ моимъ мнѣніемъ, а три голоса были противъ. Государь изволилъ утвердить большинство голосовъ. Но когда поднесены ему были, для подписанія, заготовленные къ тому бумаги, то Онъ, не подписавъ ихъ, оставилъ всѣ у себя.

Государь разсудилъ особливо за неудобное то, что Совѣтъ полагалъ мнѣ оставаться только Директоромъ Коммисіи и, присутствуя въ Сенатѣ, ѣздить въ Крымъ, когда заблагоразсужу, или когда надобность того потребуетъ. Мысль Государева о семъ была такая, что въ учрежденіи имъ Коммисіи много участвовала милостивая Его довѣренность лично ко мнѣ, но что ежели я не буду всегда тамъ на мѣстѣ, то Онъ не надѣется успѣховъ. И еще не могъ Государь никакъ согласиться на установленіе апелляціи на Коммисію, о которой я представилъ и сильно настаивалъ, говоря, между прочимъ, слѣдующее:

«Хотя за особливую честь себя поставляю ту высокую довѣренность, кою опредѣленъ я Предсѣдательствующимъ въ такой рѣшительной Коммисіи, которая есть, конечно, одно судилище, не имѣющее въ учрежденіи на себя апелляціи, однако, по открывшимся на мѣстѣ причинамъ и по изъясненнымъ мною правиламъ пользы и правосудія, долгомъ любви къ правдѣ и благоустройству считаю представить, что нужно справедливо и съ общимъ порядкомъ сходно, учредить на Коммисію сію апелляцію въ Правительствующій Сенатъ.

Впрочемъ, я безъ того, по долгу правосудія, надобно же будетъ разсматривать жалобы на Коммисію, конхъ нельзя, чтобъ послѣ не было, или отъ естественнаго многимъ ослѣпленія въ правахъ своей собственности, или подлинно на погрѣшности разбора, каковымъ въ дѣлахъ подобныхъ я первый не имѣю самолюбія считать себя не подверженнымъ. Надобно уже будетъ принимать и разсматривать жалобы на Коммисію; но, безъ учрежденнаго порядка апелляціи, то будетъ смутно, для вышняго Правительства затруднительно, а для приносящихъ жалобы не только не удовольствованно, ненадежно, но даже возмутительно быть можетъ, особливо для невѣжества и возженныхъ притязаній Татарскихъ.»

Учрежденіе въ концѣ прошлаго 1808 года Комитета для разсмотрѣнія рѣшеній Коммисіи, въ слѣдствіе разныхъ изъ Крыма жалобъ, оправдало оное, еще въ 1803 году, настоятельное представленіе мое о учрежденіи апелляціи надлежащимъ порядкомъ.

Послѣ вышесказанной мною остановки дѣла, для котораго пріѣхалъ я въ Петербургъ, еще мѣсяца три, или болѣе, не зналъ я, да и нѣкоторые изъ самыхъ ближнихъ къ Государю ничего же не знали, о его участи.

Многіе, не зная этого, а иные изъ такихъ, кои могли бы очень знать и знали, толковали, однако жъ, что я по своей охотѣ живу въ Петербургѣ, и чего-то добиваюсь. Много поводу къ сему подавъ за долго до того разнесшійся слухъ, что я буду Министромъ Юстиціи. Откуда онъ произошелъ, я и по сіе время не знаю; только онъ родился въ Петербургѣ, и такъ распространился въ немъ, какъ бы въ старой вѣщательницѣ, Москвѣ. Но я никогда бъ и не пожелалъ быть онымъ Министромъ, для того, что, по мнѣнію моему, ничьихъ глазъ и ушей не достанетъ всего того только прочитатъ и выслушать, что необходимо надобно въ семъ званіи, для истиннаго исполненія всей должности и для дѣйствительной пользы, не говоря о тѣхъ особливыхъ знаніяхъ и опытности въ разныхъ родахъ дѣлъ, которыя нужны Министру Юстиціи.

Слуху оному вѣрили нѣкоторые знатные и весьма чиновные, и для смѣху скажу, что онъ меня дарилъ иногда отмѣнными и очень примѣтными ласками отъ иныхъ изъ самыхъ такихъ господъ. Однако слухъ сей и разные умножившіеся при немъ обо мнѣ толки сдѣлали, думаю, то, что и мнѣ тогда поскользце прежняго на паркетѣ стало, хотя никогда очень твердою ногою на немъ не стоялъ. По крайней мѣрѣ, такъ мнѣ казалось, изъ обхожденія со мною тѣхъ, кои, глядя на людей, составляютъ лица свои по справкамъ о фортунахъ ихъ при Дворѣ.

Но я былъ при томъ очень равнодушенъ, какъ и при всѣхъ подобныхъ случаяхъ, распространяя на всѣ ихъ смыслъ стиха:

«La crime fait la honte et non pas l'échaffaud.

Не казнь приноситъ стыдъ, а преступленіе.»

Итакъ, послѣ неизвѣстности, нѣсколько мѣсяцовъ продолжавшейся, о участи рѣшеннаго въ Совѣтѣ Крымскаго дѣла, и въ концѣ уже Февраля 1804 года, вдругъ объявляются мнѣ отъ Государя, чрезъ, Министерство, многіе пункты, въ опроверженіе моихъ представленій и согласія Совѣтнаго, содержащія въ себѣ новое положеніе, и на все оное требуется мое мнѣніе. Вникнувъ прилѣжно въ предложенное мнѣ, отвѣчалъ я, что все зависитъ отъ воли Государя; но когда Ему угодно знать мое мнѣніе, то не могу я чистосердечно сказать

иначе, что все оное неудобно и съ прямою пользою мѣстною, въ соображеніи ея съ общею Государственною, несогласно, и на все подалъ возраженіе на бумагѣ.

Тогда-то больше, нежели когда нибудь, заключали обо мнѣ, что я спорщикъ и упрямецъ, и между Министерства, при всей ласковости обхожденія со мною, заочно говорили: «Что дѣлать съ нашимъ спорщикомъ Мартинистомъ? Противъ всего спорить.» Надобно примѣтить, что на ихъ языкѣ Мартинистомъ называется тотъ, кто вѣрить Христу и Евангелію, а спорщикомъ — кто не соглашается на все изъ угожденія Двору и имъ не притакиваетъ.

Нѣкоторые осуждали меня за то, что я представляю, и столько настоятельно, противъ того, что уже Государемъ учреждено и обнародовано. Иные хвалили мою смѣлость и твердость. Были и такіе, которые сравнивали меня съ Княземъ Яковомъ Ѳедоровичемъ Долгорукимъ. Но я ничего не находилъ въ поступкѣ своемъ, кромѣ долга.

Я думаю, что не представлять Государю о правдѣ и о томъ, чего требуетъ общее Государства благо, есть похищеніе истинной славы Государевой и собственности общаго и частнаго благосостоянія, татѣба, важнѣйшая многихъ родовъ ея, съ крайнимъ безчестьемъ строго по законамъ наказуемыхъ. Впрочемъ, для меня сдѣлать неправду въ судѣ и не спорить, или не представлять противъ того, что мнѣ кажется вредно и несправедливо, есть тоже, что нѣкоторымъ иныя кушанья, которыхъ желудокъ ихъ никакъ не варить и которыхъ они въ ротъ взять не могутъ. Это во мнѣ, какъ бы сказать, природной вкусъ, а не добродѣтель, которая должна быть дѣйствіе побѣды надъ собою. Это столько жъ мнѣ славно, какъ одному черные, а другому русые, волосы.

Кстати о Князѣ Яковѣ Ѳедоровичѣ Долгорукомъ и о смѣлости и твердости патріотической.

Не хочу я, конечно, снять ни одного изъ неувыдаемыхъ цвѣтовъ, покрывающихъ почтенный прахъ сего знаменитаго мужа, но скажу откровенно, что разодраніе имъ Указа Государева и удержаніе утвержденнаго самимъ же Государемъ опредѣленія Сенатскаго, которое Долгоруковъ не подписавъ, запечаталъ съ заготовленными о исполненіи его Указами, не почитаю я столь великими дѣлами твердости и смѣлости, какими ихъ привыкли прославлять.

Что разодралъ Князь Яковъ Ѳедоровичъ, это, конечно, не есть поступокъ великодушія, а запальчивости нрава, и въ такой стѣпени,

въ коей себя и преодолѣвать неестественно. Слѣдственно, такіа дѣла и не хотя дѣлаются. Расположеніе сіе нрава, конечно, поощрялось и образомъ тогдашняго обхожденія и нравомъ самаго Петра Великаго, которой ближнимъ позволялъ обходиться съ Нимъ просто и свободно, иногда до крайности; а Князя Якова Федоровича онъ не только называлъ дядею, да и подлинно весьма близкимъ считалъ къ себѣ, уважая его и по лѣтамъ, которыми онъ много старѣе былъ Государя.

Но какое же при томъ было слѣдствіе оныхъ поступковъ Долгорукова? Не исполнить по волѣ Государевой для того, чтобъ замѣнить это тѣмъ, что еще гораздо угоднѣе и пріятнѣе ей будетъ. Надобень былъ Государю хлѣбъ; Долгоруковъ, противясь средству, къ тому назначенному, представляетъ другое, которое еще удобнѣе и столько жъ скоро исполниться можетъ. Надобны были работники; Долгоруковъ, оспоривая сдѣланное о томъ распоряженіе, находитъ способъ имѣть тѣхъ же работниковъ, и много выгоды.

Это похоже на то, какъ бы, на примѣръ: пріятель мой, имѣя крайнюю нужду въ деньгахъ, писалъ при мнѣ къ деревенскому своему управителю, чтобъ въ самую трудную пору и прежде времени собрать въ оброкъ десять тысячъ, а я бы вырвалъ у него письмо, изодралъ и сказалъ ему: «Что ты дѣлаешь? Вѣдь ты крестьянъ-то разоришь! Вотъ тебѣ пятнадцать: возьми у меня; они теперь мнѣ ненадобны, а послѣ мнѣ заплатишь. Можетъ быть, въ первомъ движеніи пріятель, особливо нравомъ горячій, на меня и разсердился бы, но, конечно, скоро бы поблагодарилъ еще больше.

Смѣлость и твердость патріотическая истинно являются въ такихъ представленіяхъ, коими заставляешь того, кому представленія сіи дѣлаются, оставлять любимыя его предпріятія, предпріятія, такъ сказать, страстей его и прихотей, безъ всякой имъ замѣны, совершенно обнаруживая ихъ вредность, или въ замѣчаніяхъ о безвозвратномъ сдѣланіи неправды, или погрѣшности политической. Однимъ словомъ, такіа представленія, которыя въ корни трогаютъ самолюбіе того, кому представляется, и чѣмъ далѣе отъ престола представляющій, тѣмъ почтеннѣе его представленія, чѣмъ большей онъ при томъ опасности подвергаетъ себя, тѣмъ онъ истиннѣе патріотъ-герой.

Наконецъ, совсѣмъ рѣшилось дѣло по моимъ представленіямъ о Крымскихъ земляхъ. Издано дополненіе къ начертанію правилъ Ком-

мисіи, во многомъ основанное на моемъ мнѣніи, а порядокъ производства дѣлъ и весь мой принять.

Главная цѣль представленій моихъ исполнена утвержденіемъ для тамошнихъ помѣщиковъ права собственности, которое рѣшеніями по прежнимъ правиламъ совершенно бы поколебалось.

Весьма желательно, чтобъ все, по оному дополненію, приведено было скорѣе къ концу, съ точнымъ наблюденіемъ справедливости и должнаго удовлетворенія Татарамъ и помѣщикамъ. Знаю, что меня укорили въ медленности дѣйствій Коммисіи: не безъ основанія думаю, что сіе внушено было самому Государю. Были такіе вѣтреницы и въ знатныхъ постахъ, которые даже въ письмахъ своихъ увѣряли, что я продолжаю Коммисію для того, что мнѣ выгодно жить въ Крыму и пріятно въ немъ властвовать, и сіе писали въ самое то время, когда я, по самой убѣдительно моей просьбѣ къ Государю о увольненіи меня отъ Крымской Коммисіи, получилъ уже предварительное извѣстіе о Его на то соизволеніи. Итакъ считали, что отъ меня медленно идетъ дѣло Коммисіи; но я уже скоро четыре годѣ, какъ оставилъ ее, а она еще, кажется, очень не близка къ своему окончанію, не говоря о томъ, что еще только что учрежденъ Комитетъ о пересмотрѣ ея рѣшеній, коихъ неприкосновенность и ненадобность подвергать апелляціи такъ жарко защищали, при настояніяхъ моего мнимаго упрямства и споролубія.

Когда при отъѣздѣ изъ Петербурга откланивался я Государю, то Онъ очень милостиво изволилъ обойтись со мною; приказалъ мнѣ обѣдать за Его столомъ, и послѣ обѣда, увѣря меня въ щастливой для меня надеждѣ Его Величества на мое усердіе, искусство, какъ изволилъ говорить, и любовь къ справедливости, сказалъ, что, наконецъ, Онъ видитъ, что нельзя такъ скоро кончить дѣла Коммисіи, и съ отъѣздною милостію обнявъ меня, отпустить изволилъ.

Проживши нѣсколько времени въ Москвѣ, по Высочайшему дозволенію, возвратился я въ Крымъ въ концѣ 1804 года и приступилъ къ распоряженію производствъ Коммисіи по изданному вновь дополненію къ ея правиламъ. Тяжбы еще не рѣшились, ибо предварительно надобно было дѣлать вызовы тяжущимся и выжидать срока на явку ихъ и документовъ. И я, ежели никакимъ рѣшеніемъ не одолжилъ никого, то ни однимъ же никого и не обидѣлъ, а Государственной интересъ сохранилъ самой важной — справедливость и порядокъ.

Между тѣмъ я не могъ никакъ, по домашнимъ обстоятельствамъ моимъ, оставаться въ Крыму, въ которой этотъ разъ и ѣхалъ съ тѣмъ, чтобъ, побывъ тамъ нѣсколько времени, для исполненія воли Государевой, непременно просить увольненія отъ Коммисіи, и, чрезъ три мѣсяца послѣ пріѣзда моего въ Крымъ, послалъ я о томъ въ собственныя руки прямо къ Государю письмо. Ни одинъ чело-вѣкъ въ Крыму не зналъ, что я прошусь изъ него.

Я просилъ Государя найубѣдительнѣйшимъ образомъ. Писалъ къ Нему:

«Воля Вашего Императорскаго Величества для меня священна. Но на колѣнахъ предъ Вами признаюсь, Государь, что оставаться здѣсь было бы для меня тяжкое несеніе долга, а не то радостное исполненіе, съ какимъ я стремился всегда исполнять всякую волю моего Государя, и особливо Александра, великаго благостью, восхищающею меня и тѣмъ мудрымъ правленіемъ, предъ которымъ я благоговѣю, и которое насаждаетъ блаженство въ моемъ отечествѣ.

Дѣла Коммисіи здѣшной нѣсколько лѣтъ должны производиться непременно, какъ я неоднократно доносилъ Вашему Императорскому Величеству по справедливости, которую говорить предъ Монаршимъ Престоломъ считаю я обязанностью первою въ служеніи Ему. Но самое нужное и главное сдѣлано. Правила учреждены, и я имѣлъ щастіе и смѣлость представить Вашему Императорскому Величеству надобность того преобразованія оныхъ, которое требовалось пользою края, пользою общею Государства и честію имени Вашего. Впрочемъ, Государь, готовъ я всю жизнь мою истощить на службу Вашего Императорскаго Величества, но отсюда всеподданнѣйше прошу увольненія,» и проч.

Отправя свою прозбу, ѣздивъ я, для нѣкоторыхъ обозрѣній, по нагорной сторонѣ Крыма и наслаждался зрѣлищемъ сего неописаннаго собранія многихъ тысячъ величественныхъ, прелестныхъ, ужасныхъ и восхитительныхъ картинъ, представляющихся во всей изящности разнообразія природы.

На Страстной недѣлѣ говѣлъ я и причащался въ Егоріевскомъ монастырѣ, котораго мѣсто есть самая скрытая, страшными романтическими скалами пустыня, на великолѣпнѣйшемъ берегу Чернаго моря. Въ сіи, истинно мирные, дни моей жизни, составилъ я книжку подъ именемъ: «Отрывки для чтенія вѣрующимъ,» которую посвятилъ другу моему, Архіерею Черниговскому, Михаилу.

Послѣ сладостныхъ сихъ дней, послѣдовали горькія предчувствія печали, коею поразило меня скоро полученное извѣстіе о смерти роднаго моего брата и друга ближайшаго. Онъ былъ образецъ честности и любви братской. Во всю жизнь нашу не выходили мы за порогъ въ досадѣ другъ на друга.

Долго не получалъ я никакого отвѣта на мою просьбу. Мѣсяца черезъ два получилъ я отъ Графа Кочубея письмо, коимъ онъ меня увѣдомилъ, что Государь соизволяетъ на мое увольненіе, но воля Его есть, чтобъ я оставался въ Крыму до назначенія миѣ преемника, коего выборомъ Его Величество затрудняется.

Потомъ еще мѣсяца черезъ два обрадованъ я былъ полученіемъ слѣдующаго Рескрипта:

«Иванъ Владиміровичъ! Получивъ въ свое время прошеніе ваше объ увольненіи васъ отъ предѣдательства въ Коммисіи о разборѣ Крымскихъ земель, Указомъ, вмѣстѣ съ симъ Правительствующему Сенату даннымъ, повелѣлъ Я васъ отъ сей должности уволить, предостоявая вамъ присутствовать по прежнему въ Правительствующемъ Сенатѣ.

Удовлетворяя симъ желанію вашему, Я считаю справедливымъ поблагодарить васъ за ваши труды и изъявить вамъ мое сожалѣніе, что далѣе не могли ихъ продолжать. Пребываю вамъ благосклонный

Въ С-Петербургѣ,

Іюля 1-го дня, 1805 года.

На подлинномъ:

Александръ.»

Въ послѣднихъ словахъ сего Рескрипта, хотя очень милостивыхъ, примѣтилъ я, однако, неудовольствіе Государя на то, что я просилъ увольненія отъ Коммисіи. Примѣчаніе мое и подтвердилось послѣ; но я спокоенъ былъ, потому что просился не по недостатку усердія, а по совершенной невозможности долѣ оставаться въ Крыму, гдѣ и необходимости въ пребываніи моемъ для истинной пользы не было. О семъ, при нѣкоторомъ случаѣ, откровенно изъяснился я и Государю.

О выѣздѣ моемъ изъ Крыму жалѣлъ тамошній народъ, которой очень полюбилъ меня. Это тѣмъ замѣчательнѣе, а для меня лестнѣе, что я долженъ былъ быть противъ его, защищая по справедливости права дворянъ и новыхъ помѣщиковъ, которые, какъ я слышалъ, не столько, однако, меня любятъ.

Но тамошніе жители почти вообще, конечно, довольны мною. Недовольны были только тогдашніе начальники Губерніи, потому что

пребываніе мое тамъ немножко ихъ ограничивало, и особливо досадовали они на меня за то, что я вступился за нѣкоторыхъ бѣдняковъ, у которыхъ вымучили напрасное признаніе въ покражѣ казенныхъ червонцовъ, и оговоръ въ отдачѣ ихъ будто одному честному и достаточному Мурзѣ, коего также безъ всякаго основанія обыскивали, держали въ самой тѣсной тюрьмѣ, срамили, вода по городу, какъ важнаго преступника.

По званію Сенатора, принявъ отъ всѣхъ ихъ жалобы, обратилъ я вниманіе Суда на сдѣланныя невиннымъ изъязанія, которыя изслѣдованіемъ и изобличены. Между тѣмъ я представилъ Сенату, и дѣло вошло въ него.

При слушаніи сего дѣла присутствовалъ уже я, возвратясь въ Москву, опять въ 6 Департаментъ. Я далъ голосъ о защитѣ и воздаяніи невинности, и о поступкѣ по строгости законовъ съ тѣми, кои, гоня ее, столь много ихъ нарушили. Нѣкоторые согласились со мною, а иные съ Военнымъ Губернаторомъ, управляющимъ тамъ гражданскою частью, которой, въ своемъ представленіи, всячески старался навлекать подозрѣніе на невиннаго Джантемиръ Мурзу, и обвинять всклепавшихъ на себя отъ пытки. Пошло дѣло въ общее Собраніе. Лишь только въ него оно вступило, получается рапортъ, что подлинныя воры найдены, а всѣ оныя мученики Таврическаго Начальства ни сколько виноваты не были.

Въ Общемъ Собраніи оставалось мнѣ только удержать свой прежній голосъ. Съ нимъ тѣми или другими словами согласились въ Общемъ Собраніи всѣ; только я слышалъ, что смѣялись нѣкоторые тому, что я, на высланной мною изъ дѣла запискѣ (ибо тотъ день я въ присутствіи не былъ), написалъ: «Радуюсь, что, наконецъ, столь торжественно оправдалась невинность, которую имѣлъ я щастливой случай защищать, остается мнѣ только сослаться на прежній мой голосъ, въ Департаментѣ данной,» и проч. Смѣхъ надъ этими словами означаетъ немилость ко мнѣ товарищей, которую также я не заслужилъ, какъ Джантемиръ Мурза не заслуживалъ тюрьмы, а естли смѣялись не безграмотные, то жаль ихъ.

Еще вотъ что странно. Оправданіе мертваго Каласа читаютъ съ восторгамъ; а что свои безпокровные бѣдняки живые сидѣли въ тюрьмахъ безвинно и пытаны, это дѣло кажется очень неважнымъ, и сдѣлается по немъ что нибудь развѣ по тому, что ужъ не лъзя

иначе, или когда нѣтъ никакой подпоры тѣмъ, которые тѣснили и пытали!

Неужели отъ того, что тамъ Вольтеръ, Каласъ и Франція, а здѣсь Джантемиръ Мурза, поселяне, Мукинъ съ Гласовымъ, и Русская Таврида?

Впрочемъ, я удивляюсь, какъ можно защиту невинности и великимъ дѣломъ почитать: это дѣло должно быть самое натуральное. Не защититъ невинность, когда можно, есть адская холодность, хуже злодѣйства, имѣющаго какое нибудь побужденіе.

Въ Сентябрѣ 1805 года, возвратясь въ Москву, началъ я присутствовать по прежнему въ 5 Департаментѣ Сената, которой тогда былъ переименованъ 6-мъ Уголовнымъ.

Но въ Департаментѣ семъ нашелъ я уже не по прежнему. Въ строгое, какъ говорятъ, время Павла I и въ первой годъ царствованія благодѣлительнѣйшаго изъ Монарховъ, Александра, въ которомъ отличился я изъ присутствія онаго Департамента, старались общими силами, сколько можно, облегчать несчастную судьбу судимыхъ; но тогда уже, напротивъ, стремились осуждать сколько можно строгае, и не только ни мало не принимали на себя труда сыскивать въ законахъ и обстоятельствахъ дѣлъ, способы къ пощадѣ человѣчества, но не уважали ихъ и тамъ, гдѣ они сами собою представлялись зрѣнію и разсудку. На примѣръ: были споры о томъ, чтобъ не недѣлю, а мѣсяць, продержать въ смиренномъ домѣ. Основаніе такого спора столько жъ трудно доказывать, сколько излишне распространяться о его неосновательности. Были голоса, чтобъ съчь по жеребью десятиаго. Хотя и прежде подобныя рѣшенія случались, но надобно, конечно, признаться, что напрасно и придумывать искать тому причину въ законной, или естественной, справедливости.

Было дѣло, что Уѣздный Судъ по догадкамъ заключилъ нѣсколько человѣкъ наказать нещадно кнутомъ и со всѣми обыкновенными знаками, вмѣсто смертной казни, сослать на каторгу. Палата, ревизуя, нашла, что по законамъ никакъ нельзя приговорить къ такой казни, ибо судимые не признались, и нѣтъ противъ ихъ также доказательствъ, которыя бы исключали всю возможность къ ихъ невинности (да и едва ли можно когда рѣшиться, не опасаясь ошибки, утвердить такія доказательства по одному изслѣдованію обстоятельствъ, ежели строго соображаться при томъ съ совѣстью и съ правилами основательнаго разумнѣя!). Но чтобъ не поощрять къ непризнательности,

Палата полагала сослать тѣхъ людей, по крайней мѣрѣ, на поселеніе; но и того, говорила она, по законамъ сдѣлать не можно, ибо они въ повальномъ обыску не опорочены, а съ мнѣніемъ своимъ о томъ, съ коимъ согласился и Губернаторъ, представила Сенату.

Что жъ Сенатъ сдѣлалъ? — Большая часть утвердили заключеніе Уѣзднаго Суда. Я, съ своей стороны, далъ голосъ, что не слѣдуетъ и разсматривать такого дѣла, по которому и приговора законнаго не сдѣлано, и что его должно возвратить въ Палату съ выговоромъ ей и Губернатору, ибо спрашиваться дозволяется о томъ только, на что нѣтъ законовъ, а на всѣ уголовныя и сему подобныя дѣла законы весьма ясны и достаточны. Итакъ, чтобъ она сама прежде постановила надлежащее по оному дѣлу рѣшеніе, которое и будетъ имѣть теченіе законное. Споръ этотъ былъ, помнится, послѣдній отъ меня въ 6-мъ Департаментѣ и, къ удивленію, конечно, ни одинъ не произвелъ больше въ немъ пустаго противъ меня шума.

Много участвовало уже тогда въ такихъ несогласіяхъ учрежденіе раздачи, прежде слушанія дѣлъ, извѣстныхъ изъ нихъ записокъ. Въ собраніяхъ Сената уже не разсуждали о дѣлахъ, а высылали записки съ мнѣніями, на скорую руку написанными, или пріѣзжали съ готовыми въ засѣданіе и, не обременяя себя дальними разсужденіями, соглашались съ большимъ числомъ мнѣній, или съ кѣмъ больше понравится, (я имѣлъ честь не быть уже въ такихъ удобныхъ) или весьма съ предложеніемъ Оберъ Прокурора и тому подобными отношеніями.

Впрочемъ, учрежденіе сихъ записокъ весьма полезно, еслии бѣ всегда сохранялась прямая цѣль его, и оно, какъ учрежденіе консултанціи, дѣлаетъ честь предприимчивому, къ общему благу усердному, Министру и большому гению-поэту, которой представлялъ о сихъ учрежденіяхъ. Скажу только, что онъ не соблюлъ тутъ должной нѣжности къ формѣ, которая, однако, во многомъ заслуживаетъ священнаго уваженія.

Такимъ перемѣнамъ въ Сенатѣ прилично выходить по имяннымъ подписаннымъ Указамъ, а не по докладамъ Министровъ, или Генераль-Прокуроровъ. Доклады пристойно Министрамъ подавать о тѣхъ Департаментахъ, коими они управляютъ, а Сенатъ Государь удостоиваетъ своимъ предсѣдательствомъ, и, конечно, ему извѣстно должно быть особливо все, что относится къ образу производствъ и правилъ Сената, которой есть то верховное Правительствующее суди-

лице, коего распространение правъ внесено и въ хронологию вещей достопамятныхъ.

Но не Министръ оный началъ, и не онъ послѣдній не соблюлъ той, по мнѣнію моему, почтенной нѣжности, о которой я сказалъ.

Итакъ, вышеписанная мною новость въ 6-мъ Департаментѣ очень затрудняла меня. Я выбралъ самую, по мнѣнію моему, лучшую въ такихъ случаяхъ сторону, омывать, по крайней мѣрѣ, свои руки и, подавая голоса, крѣпко держался ихъ, какъ и всегда.

Иные и соглашались со мною. Но если бы и никто не согласился, то это не можетъ благомыслящаго человѣка отвести отъ справедливаго мнѣнія. Мнѣ часто говаривали (что жалко и повторять): «Вѣдь не будетъ же по твоему.» Какъ будто надобно рѣзать и грабить людей для того, что многіе ихъ грабятъ и рѣжутъ!

Однако больше, нежели вѣроятно, что оные споры мои были причиною, что, при новомъ росписаніи Сенаторовъ, очутился я въ 8 Департаментѣ, въ которомъ слишкомъ довольно Сенаторовъ было, и къ дѣламъ котораго я совсѣмъ не имѣлъ привычки.

Хотя Министръ Юстиціи на очень рѣзкое письмо мое о томъ къ нему отвѣчалъ мнѣ, что «самъ Государь изволилъ меня назначить, а онъ только тому радовался, желая, чтобъ всѣ лучшіе Гг. Сенаторы были въ апелляціонныхъ Департаментахъ, гдѣ больше соблазновъ,» но я не могу повѣрить, что сей родственникъ и въ прочемъ, конечно, доброжелатель мой, не участвовалъ въ ономъ переводѣ меня и съ своей стороны. Отдавая всю справедливость сему, отлично проницательному, Министру, знаю однако жъ, что неуступчивые очень ему непріятны.

Сначала не долго я присутствовалъ въ 8-мъ Департаментѣ. Особое порученіе отлучило меня на нѣсколько мѣсяцевъ изъ Москвы.

КНИГА ОСЬМАЯ.

Молніеносные подвиги Наполеона, — сего, Провидѣніемъ избраннаго, орудія на доказательства того, что все трудятся зиждущіе, еще не Господь созидаетъ, — въ концѣ 1806 года приближали опасность и къ Россійскимъ предѣламъ.

Сіе побудило тогда къ извѣстному и весьма памяtnому учрежденію временнаго земскаго войска или милиціи.

Нѣсколько Сенаторовъ отправлены были по Губерніямъ съ особливими наставленіями, для наблюденія при семъ учрежденіи земскаго порядка, и особливо внутренняго спокойства и тишины. Моему надзору ввѣрены были Губерніи: Тульская, Калужская, Владимірская и Рязанская.

Чтобъ лучше представить, какимъ образомъ исполнялъ я сіе важное порученіе, и обстоятельства онаго времени, включу здѣсь выписку изъ моихъ донесеній, которыя долженъ я былъ тогда ежедневно посылать непосредственно къ Государю Императору.

ВЫПИСКА ИЗЪ ДОНЕСЕНІЙ.

Изъ Тулы, 4 Января, 1807.

«Отъ сердца, пылающаго любовію къ Вамъ и Отечеству, всеподданнѣйше приношу Вашему Императорскому Величеству поздравленіе съ началомъ отторженія врага всемірнаго спокойства.

Поспѣшивъ изъ Москвы къ исполненію повелѣннаго мнѣ въ Губерніяхъ, имѣлъ я первый неописанное удовольствіе обрадовать сею побѣдою * жителей здѣшнихъ и по дорогѣ. Никогда не видалъ въ народѣ даже похожаго на ту чувствительность, съ какою приняли сію вѣсть. Крестьяне плакали отъ радости.

* При Пултускѣ.

Скорое учрежденіе милиціи безпримѣрно глубокое впечатлѣніе на нихъ сдѣлало. Страхъ имъ представился ближе, нежели когда либо, при покровительствѣ свыше, можетъ онъ вѣроятно быть для Россіи. А потому всякое отдаленіе страха сего есть не только пынѣ радость, но оживленіе народу.

И для того-то, Государь, осмѣлюсь представить, что, при необходимости уже, конечно, составленія земскаго войска, сохраняя во всѣхъ случаяхъ, особливо настоящемъ, столь нужную дѣятельность, весьма, однако, полезно не спѣшить, или лучше сказать, не оказывать торопости, которая тотчасъ разливаешь страхъ въ народѣ. Въ три дни здѣсь испыталъ я, сколько онъ успокоивается, сколько ободряется внушеніемъ того, чтобъ неослабно и съ наилучшимъ стараніемъ каждой, содѣйствуя въ спасительномъ дѣлѣ сооруженія общей обороны отечества, и можетъ быть, больше орудія успокоенія цѣлой Европы, не думалъ, однако жъ, чтобъ нѣсколько часовъ, нѣсколько дней промѣшкать опасно было, ибо разстояніе страха отъ предѣловъ нашихъ не днями считать должно: слава мощи, ихъ охраняющей!

Я увѣряю, и подлинно такъ думаю, что вооруженіе сіе есть точно временное, что, Боже избави Россію превратиться въ государство военное; что свойственно ей по праведнымъ однимъ причинамъ метать грома свои далеко за своими предѣлами; а между тѣмъ мирному ея поселянину природно, изоощряя плугъ свой, о войнахъ и знать только по тѣмъ побѣдамъ, о коихъ рассказываетъ ему посѣдѣвшій въ нихъ ратникъ, котораго покоить онъ лаврами увѣнчанную старость.

Между тѣмъ, Государь, вездѣ усердіе и вѣрность достойны сыновъ Россійскаго Отечества. Гнусная лезть была бы, однако, увѣрять Ваше Величество, что учрежденіе милиціи не считаютъ крайне отяготительнымъ. Многіе мнѣ въ откровенности и здѣсь говорили, что гораздо бы лучше еще по одному, даже по два рекрута взять со ста, естли уже необходимость того требуетъ.

Государь! Усердіе и любовь моя къ вамъ и Отечеству истинно не описанны. Я не хочу пережить спокойства и славы его и Вашей. Итакъ, конечно, говорю вамъ правду. Я жилъ въ Москвѣ и общій образъ мнѣнія извѣстенъ мнѣ. Весьма коротко знакомы мнѣ люди всѣхъ состояній. Нѣтъ никого, кромѣ водимыхъ видами личныхъ выгодъ, или легкомысліемъ, кто бы не находилъ учрежденіе милиціи

тягостнымъ и могущимъ разстроить общее хозяйство и мирность поселянской особливо жизни. Кто скажетъ Вамъ иное, Государь, тотъ обманщикъ, недостойной выговаривать именованіе Царскаго Престола, коего одно истинное украшеніе есть всемѣрное попеченіе о благѣ Царства, не могущемъ существовать безъ спокойства и личной безопасности, безъ которой не только безопасность предѣловъ государства, но и вся возможная слава и сила вѣдѣ не дѣлають народовъ щастливыми.

Еще съ вѣрноподданническимъ и патриотическимъ восхищеніемъ скажу, что повиновеніе, готовность, усердіе вездѣ являются во всемъ своемъ пространствѣ; но сіе-то общее чувство и требуетъ, конечно, самага рачительнаго сбереженія, какъ самый драгоцѣнный залогъ прямой силы и твердости Отечества.

Расположеніе къ пожертвованіямъ денежнымъ и проч. возбуждено до чрезмѣрности. Конечно, во времена самой нужды только сіе можетъ быть приемлемо. Похваляя здѣсь такое расположеніе, не считаю, однако жъ, Государь, за нужное, по видамъ истинной и прочной для Государства пользы, усиливать возбужденіе оное. Истощеніе частныхъ силъ и способовъ есть подрывъ общаго обилія и могущества.

Я былъ въ Москвѣ свидѣтелемъ того знатнаго приношенія, которое Московское купечество, славясь, сдѣлало раскладкою по гильдіямъ; но видѣлъ я отъ того ропотъ даже не между бѣднымъ купечествомъ, а у послѣдняго видѣлъ я и слезы отчаянія. Впрочемъ, они же это наложить на товары, и возвышеніемъ цѣнъ усугубится общественная трата.

Обыкновенно, нѣсколько человекъ увлекають большее число по личнымъ видамъ собственной корысти, или честолюбія. И то, что кажется услугою обществу, и приемлется таковою и награждается, часто бываетъ, въ прямомъ существѣ своемъ, совершеннымъ злодѣйствомъ обществу.

Когда должно говорить, то не могу говорить неправду Государю, и не такому, какъ Вамъ, рожденному быть истиннымъ Отцемъ Отечеству и примѣромъ благости Царскаго Сана. Вамъ, Государь, говоря правду, я выигрываю: ибо надѣюсь, что приобрѣтаю чрезъ то Вашу милость. Но не побоялся бы я за правду для Отечества и гнѣва Царскаго, потому что Отечество люблю больше себя.

Осмѣливаюсь еще представить Вашему Императорскому Величеству слѣдующее:

1. Весьма бы нужно самое ясное предписаніе и точное во всѣхъ потребностяхъ опредѣленіе отношеній милиціоннаго начальства къ состояніямъ градскимъ и сельскимъ и къ вѣдомствамъ земскимъ, дабы заградить всѣ возможные пути къ притязаніямъ излишнимъ, нарушающимъ хозяйскія права и спокойство, и могущимъ смущать порядокъ гражданской части, пути, которые неопредѣленностью и неограниченностью точныхъ отношеній естественно отверзаются. Противодѣйствіе двухъ властей, конечно, можетъ воспрепятствовать успѣху дѣла. Нужно, весьма нужно, взаимное содѣйствіе и согласіе; но послѣднее столько же между людьми рѣдко, ежели не совсѣмъ при такихъ случаяхъ ненатурально, при движеніи страстей, свойственныхъ человѣчеству.

Власть Главнокомандующимъ областнымъ, столь торжественно и, вѣроятно, по самымъ основательнымъ причинамъ данная, не прострется, думаю, нисколько за предѣлы управленія милиціею.

2. Хотя и не сообщена еще намъ Инструкція или грамота, имъ данная 20 Декабря минувшаго года, но мнѣ извѣстно, что при назначеніи дней для экзерцицій милиціонныхъ, назначается въ ней день изъ опредѣленныхъ для работъ на помѣщиковъ.

Дни назначить, конечно, должно, и всего приличнѣе то сдѣлать по соображенію съ хозяйственной удобностью помѣщиковъ. Но, Всемилостивѣйшій Государь, повергаясь на колѣна предъ Вами, какъ вѣрнѣйшій подданный и сынъ отечества, усердствуя о спокойствіи его, всеподданнѣйше, всеубѣдительнѣйше представляю Вашему Императорскому Величеству инымъ образомъ изъясненія о томъ повелѣть, чтобъ, не возобновился Указъ, раздѣляющій время работъ крестьянскихъ на себя и на помѣщиковъ, ограничивающій власть послѣднихъ, несходно съ общею пользою, Указъ, котораго памятни слѣдствія при изданіи его, и который, смѣю сказать, хорошо, что оставался какъ бы безъ исполненія.

Въ Россіи ослабленіе связей подчиненности крестьянъ помѣщикамъ опаснѣе самаго нашествія непріятельскаго, и не въ настоящемъ положеніи вещей. Я могу о семъ говорить безпристрастно, никогда истинно не дороживъ правами господства, стыдясь даже выговаривать слово холопъ, до слабости, можетъ быть, снисходителенъ будучи къ своимъ крестьянамъ. Первый, можетъ быть, желаю, чтобъ

не было на Русской землѣ ни одного несвободнаго челоуѣка, если бы только то безъ вреда для нея возможно было; и наконецъ, будучи наканунѣ, по извѣстнымъ Вашему Величеству обстоятельствамъ, долговъ моихъ, не имѣть, можетъ быть, ни одной деревни.

Итакъ голосъ мой тутъ не только есть, но и долженъ быть, безпристрастенъ. И въ сихъ-то чувствахъ я увѣренъ, что ничего не можетъ быть пагубнѣе для внутренней твердости и общаго спокойства Россіи, какъ расслабленіе оныхъ связей. Внушенія никакія не помогутъ, ежели дѣйствія соответствовать не будутъ!

Я даже осмѣлился Главнокомандующему здѣшной области, Генералу Туттолмину, въ бесѣдѣ съ нимъ по дѣламъ милиціи, при отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, обстоятельнѣйше совѣтовать, чтобъ, при назначеніи дней, не объявлять точно словами, раздѣляющими дни работу крестьянъ на себя и на помѣщиковъ. Простите мнѣ, Государь: я доношу все откровенно.

Духомъ несказанной преданности вѣрноподданнической цѣлюю благотворную Вашу руку. Да подписываетъ она только миръ и благоденствіе Россіи!»

Изъ Тулы, 11 Января, 1807.

«Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу, что въ Губерніи Тульской все благополучно, и изъ прочихъ, обзорнѣю моему ввѣренныхъ, ничего, кромѣ пріятнаго, не получалъ.

Поспѣшивъ изъ Москвы нарочно къ первому дню Новаго Года сюда, я засталъ еще здѣсь большую часть собранія Дворянскаго, а Предсѣдателей всѣхъ. Особо собравъ ихъ, съ Предводителемъ Губернскимъ, дѣлалъ я имъ надлежащія внушенія.

Рачительное также внушеніе сдѣлано отъ меня купечеству и мѣщанству. Сіе послѣднее и вообще людей нижшаго состоянія, почитаю за особливо нужное вразумлять и убѣждать. И дѣлаю то не нарядно, а въ короткости простаго обхожденія, въ простотѣ образа моей жизни, ходя пѣшкомъ и со всякимъ разговаривая. Въ такой же простотѣ осмѣливаюсь и Вашему Величеству доносить, чтобъ яснѣе представить.

Составъ земскаго войска идетъ съ наилучшимъ успѣхомъ и усердіемъ во всѣхъ, Высочайше ввѣренныхъ обзорнѣю моему, Губерніяхъ, Тульской, Калужской, Рязанской и Владимирской.

Общій духъ рвенія и вѣрности не можно описать довольно. Но не могу я также скрыть, Государь, и Боже меня избави скры-

вать отъ Васъ что либо, до спокойства и общей пользы отечества относящееся. Не могу скрыть, что частно, особливо въ тѣхъ состояніяхъ, изъ коихъ рядовые ратники набираются, много неудовольствій. Отцы, матери, естественно, жалѣютъ дѣтей, дѣти ихъ, и тому подобное.

Не можно еще ихъ увѣрить, чтобъ составляемое земское войско было временное, и что не тотчасъ они подвинуты будутъ противъ непріятеля, котораго каждой изъ нихъ, по безпримѣрной скорости учрежденія, и такова чрезвычайнаго, какъ есть учрежденіе столь многочисленной милиціи, считалъ, по крайней мѣрѣ, далеко уже внутри Россійскихъ предѣловъ, ежели не близко дверей своихъ. Едва и теперь отдыхаютъ отъ сей мысли.

Поразительное для всѣхъ впечатлѣніе нечаяннымъ учрежденіемъ симъ сдѣлано прежде, а распоряженія, успокоивающія, пришли послѣ, какъ-то: убѣжденія большія о временности земскаго войска; повелѣнія оставаться ему въ прежней одеждѣ; не брить лба и бороды; распоряженіе о пребываніи въ домахъ своихъ и проч.

Но и сіе не можетъ совершенно успокоить никакого рода поселянъ, ни помѣщиковъ. Хозяйство вообще разстроивается, не говоря еще о слѣдствіяхъ неисправимой на опытъ неудобности слянія властей, въ столь близкихъ и сплетенныхъ отношеніяхъ.

Повелѣвается поселянъ, вписанныхъ въ милицію, не употреблять ни въ кація посылки, или дѣла, которыя бы слишкомъ удаляли ихъ отъ мѣстъ жительства и проч., какъ и естественно. Но обыкновенная и необходимая въ самыхъ пахатныхъ мѣстахъ промышленность крестьянская и польза помѣщиковъ, требуетъ нерѣдкихъ отлучекъ отъ домовъ, и по положеніямъ оныхъ отъ городовъ, не близкихъ, для продажи хлѣба и издѣлья, для закупки дѣса, всякихъ надобностей домашнихъ и проч.

Есть же Губерніи въ числѣ назначенныхъ для милиціи, которыя и обилуютъ единственно отъ того, что большая часть лучшихъ изъ нихъ поселянъ занимаются промыслами въ отдаленныя мѣста и на долгое время. Каменьщики, плотники, трепачи, которые пеньку обдѣлываютъ, и пр. и пр. И то селеніе въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, въ коемъ остается сколько можно меньшее число людей для работъ домашнихъ.

Въ Губерніяхъ, порученныхъ моему обозрѣнію, приходится съ 15 не съ большимъ, и безъ малаго съ 14 ревизскихъ душъ, по одному

ратнику. Изъ числа же ревизскихъ душъ, въ самыхъ людныхъ селеніяхъ обыкновенно не больше половины бываетъ работниковъ. Таковыми въ деревняхъ считаются люди отъ пятидесяти лѣтъ, а здоровые иногда и старѣе, до 45 и 14 лѣтъ. Сколько же изъ такихъ въ милицію годныхъ остается? И изъ сколькихъ же по прямому разсчисленію долженъ вступить въ нее? Третій, четвертый и едва ли гдѣ пятый опредѣлится въ милицію изъ работниковъ, коихъ въ иныхъ мѣстахъ большая половина на большую часть года отлучаются, и далеко отъ домовъ своихъ, для тѣхъ обыкновенныхъ ихъ промысловъ, коими единственно содержатся тамъ селенія въ безбѣдномъ состояніи, какъ, на примѣръ: извѣстно мнѣ въ Губерніи Калужской.

При всей благоразумной дѣятельности и самомъ ревностномъ печеніи тамошняго Губернатора, не уповательно, чтобъ точно въ назначенный срокъ можно было собрать въ оной Губерніи все положенное съ нея число ратниковъ; ибо Калужская Губернія промышленная, и большая часть жителей ея въ расходъ по разнымъ и отдаленнымъ мѣстамъ. По симъ причинамъ Губернаторъ пишетъ ко мнѣ, что не торопится круто и требуетъ моего наставленія. Я осмѣлюсь, Государь, предписать ему съ своей стороны, чтобъ, имѣя въ предметъ точность исполненія, и нисколько въ немъ не ослабѣвая, въ чемъ на Г. Львова весьма положиться можно, сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ, гдѣ можно, однако, снизходить бы, не теряя ни одного возможнаго способа къ скорѣйшему успѣху. Осмѣлюсь предписать сіе для существенной пользы, для сохраненія общаго покоя, и наконецъ по необходимости. Крутость возмущаетъ; а людей разсыпанныхъ по всей Россіи вдругъ отыскать нѣтъ возможности. Въ селеніяхъ же промышленныхъ Губерній, и особливо въ зимнее время, остаются по большей части люди, имѣющіе свыше 50 и меньше 20 лѣтъ.

По убѣдительной прозвѣбѣ здѣшняго Градскаго Общества, которое, какъ и дворянское, отличилось здѣсь усердіемъ и важностію пожертвованій, осмѣлился я также отсрочить на семь дней наборъ, или вписаніе въ милицію Тульскихъ мѣщанъ. Они просили для того, чтобъ въ это время отыскать сколько можно изъ нихъ находящихся въ отлучкахъ, для назначенія справедливѣйшаго и для поставки людей больше годныхъ.

Сего требуетъ дѣйствительная польза. А что нѣсколько дней отсрочки ни въ какомъ тутъ случаѣ вредной разницы сдѣлать не

могутъ, то кажется оцутительно. Сколько же неторопливость въ настоящихъ обстоятельствахъ успокоиваетъ и одобряетъ народъ, начиная отъ самаго дворянства, то имѣлъ я удовольствіе, Государь, весьма видѣть здѣсь изъ опытовъ.

Истинная слава Вашего Императорскаго Величества и благо отечества, въ которомъ единственно и она блистать можетъ, суть первые у меня предметы въ дѣлѣ, Высочайшею Вашею довѣренностью порученномъ.

По искреннему моему къ нимъ усердію, еще откровенно донесу, что здѣсь, и въ самой Москвѣ, соблазняются тѣмъ, что въ то время, какъ одна часть Имперіи обязывается важною и затруднительною повинностію состава, вооруженія и снабженія земскаго войска, другая (не говоря о пограничныхъ Губерніяхъ), Манифестомъ 6 Декабря минувшаго года, только приглашается къ добровольнымъ пожертвованіямъ.

И подлинно, Государь, не сохраняется тутъ, по крайней мѣрѣ, видъ уравненія, толь облегчающаго общее ношеніе всякой тягости. Можетъ быть, что оныя, въ составъ милиціи не вошедшія, Губерніи и больше принесутъ, особливо при разныхъ средствахъ возбужденіи, которыя, какъ уже я осмѣлился, по откровенности моей, доносить, не содѣйствуютъ, однако жъ, существенно къ основательной пользѣ отечества; кромѣ того, что разрождается отъ того междусобная зависть и размножаются случаи, подъ личиною рвенія, изощряются лукавству честолюбія, или корысти, на счетъ же общій, тѣмъ или другимъ образомъ.

Можетъ, быть принесутъ они и больше, но они имѣютъ право и ничего не приносить, тогда какъ прочія Манифестомъ же обязаны непремѣнно къ повинности въ мѣрѣ опредѣленной и тягостной. И право сіе дается имъ съ Монаршаго Престола, однимъ изъ тѣхъ во всенародное извѣстіе объявляемыхъ актовъ, коихъ правильность священнѣйшею печатью быть долженствуетъ.

Милосердѣйшій Государь! Прости мнѣ. Не могу о Вашемъ дѣлѣ, объ Отецествѣ, говорить Вамъ не то, что у меня на сердцѣ, не то, что въ мысляхъ у меня.

Много бы сказалъ я, за долгъ почелъ сказать, у ногъ Вашихъ, если бы я имѣлъ щастіе быть при Августѣйшемъ лицѣ Вашемъ во время сихъ учрежденій.

Ваше Императорское Величество, конечно, милосердо бы простили и дерзость сыновняго усердія и погрѣшность, естли бы представленія мои, при всей искренности ихъ, неосновательны были. Но опять донесу, что тоже бы представилъ и самому немилосердому Государю. Я былъ бы, конечно, жертвою моей преданности къ Престолу и Отечеству, но жертвою такою быть столько же для меня пріятно, сколько благоденствовать подъ скипетромъ Александра, не гнѣвающагося, конечно, за правду, а любящаго слышать ее.

За особливо нужное еще считаю представить благоусмотрѣнію Вашего Императорскаго Величества, для единообразнаго и общаго постановленія по милиціи, касательно убыли изъ нея людей, которую отъ смерти и утечки естественно предполагать должно.

Ежели числу ихъ быть непремѣннымъ чрезъ всегдашнее наполненіе изъ тѣхъ же селеній, каковое положеніе кажется мнѣ есть, по крайней мѣрѣ, въ мысляхъ у милиціоннаго начальства, то сіе было бы не только неудобно, ибо всѣ бы въ селеніяхъ связаны были, и мѣщане, но и крайне несправедливо и неуравнительно.

На примѣръ: изъ двухъ селеній разнаго владѣнія, имѣющихъ въ себѣ по тысячѣ ревизскихъ душъ, изъ каждаго впишется въ милицію по 70 человекъ.

Между одними изъ сихъ помрутъ и разбѣжятся въ одинъ годъ половина, а между другими ни четвертой доли, что весьма можетъ случиться по массѣ селеній. За что же первыхъ собратьи поселянъ, наполненіемъ изъ нихъ же, усугубится отягощеніе, и безвинно: ибо они могутъ быть всѣ столько же невинны въ утечкѣ собратьевъ своихъ, какъ и въ смерти ихъ? Розыскъ тутъ строгой по селеніямъ, особливо въ настоящее время, будетъ всегда притѣснителенъ, иногда возмутителенъ, и чаще безуспѣшенъ. Возлагать же за утечки оныя отвѣтственность на помѣщиковъ, или начальства сельскія, волостныя и мѣщанскія, было бы творить виноватыхъ.»

Изъ Тулы, 18-го Января, 1807.

«Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу, что въ Тульской Губерніи все благополучно; и въ прочихъ Губерніяхъ, обзорѣнію моему ввѣренныхъ, вообще спокойство и тишина царствуютъ. Чтобъ видѣть все ближе, былъ я въ разныхъ уѣздахъ. Вездѣ одинъ духъ усердія и покорливости.

Наилучшимъ образомъ приняты всѣ мѣры къ снаряду, продовольствію и вооруженію земскаго войска; люди готовы. Встрѣчается только

индѣ та неудобность, что по скорости назначенія надобно вписывать и одинокихъ; а изъ семейныхъ, въ отлучкахъ для обыкновенныхъ промысловъ, иные скрываются, чего нельзя было и не ожидать.

Нѣкоторыхъ видѣлъ я и весело, охотно записывающихся. Видѣлъ даже крестьянъ, очень здраво рассуждающихъ о нуждѣ усилить отечественное ополченіе. Всѣ пылаютъ одолѣніемъ неистоваго врага спокойства.

Не внесетъ онъ оружія своего въ нѣдра нашего Отечества. По крайней мѣрѣ не хотѣтъ дожить до того, должно быть лучшимъ чувствомъ Русскаго патріота. Едва ли сколько нибудь съ успѣхомъ проникнуть сюда можетъ и адское коварство его, къ дѣйствіямъ чрезъ обольщеніе черни. * Но дай, Боже, чтобъ, кромѣ такихъ непосредственныхъ и едва ли сбыточныхъ вліяній, сохранились въ ней связи подчиненности; чтобъ въ дворянствѣ и состояніяхъ учащихся не торжествовало ложное просвѣщеніе, на безвѣрїи основанное, и чтобъ, наконецъ, не изострилось внутри пагубнѣйшее оружіе отъ злоупотребленій самаго земскаго войска! Не чрезъ мятежи и волненія его, но чтобъ столь природное людямъ властолюбіе его начальства, своевольство чиновниковъ его, на которое при такихъ случаяхъ неслетные пути отверзаются, и могущая отъ того послѣдовать распутность толь многочисленной толпы рядовыхъ его ратниковъ, не обратилось бы въ оскорбленіе несносное и въ тягость возмутительную народу!

Итакъ, Государь, вѣрность и рвеніе вездѣ общія. Все Вамъ вѣрно, все любить Васъ до восхищенія. Но чувство бремени отъ земскаго войска общее же, какъ доносилъ я откровенно.

Всѣ, говоря, что щастливѣйшая будетъ та минута, въ которую отмѣнится сіе войско, продолжаютъ думать, что лучше, вмѣсто его, взять со ста по одному, даже по два, въ случаѣ крайности, обыкновенныхъ рекрутъ, безъ большой только браковки.

Затрудняются до боязни вліяніемъ начальства его, столь тѣсно сплетеннаго съ управленіемъ гражданскимъ и хозяйственнымъ состояніемъ при толикой степени власти.

* Предполагали, что непріятель будетъ дѣйствовать внутри Россіи чрезъ обольщеніе черни своими тайными агентами.

Полагая, что Ваше Императорское Величество изволили послать Сенаторовъ для перевѣсу ея, радуются здѣсь очень и моему прїѣзду.

Врученіе областнымъ начальникамъ вдругъ такой власти всѣхъ поразило. Признаюсь, Государь, что и я содрогнулся, когда, не предвидя близкой причины, услышалъ такое торжественное разрѣшеніе смертной казни... въ Россіи, гдѣ мечь ея прежде всѣхъ странъ земныхъ отринуть былъ — разрѣшеніе отъ руки, которой опредѣлено, кажется, подписывать одну милость и щастье народамъ.

Государь! То время, что или все вѣрно, или смертная казнь не удержитъ. Но когда устрашала она злодѣевъ? Они не думаютъ о казни, или бы бѣжали зла.

Государь! Пламеннымъ сердцемъ любви къ Тебѣ и Отечеству — у ногъ Твоихъ, руки Твои омывая слезами, говорю, будь только всегда Александръ, великій благостью! Она все преодолѣеть.

Откровенно представляю образъ мнѣнія народнаго, и свою душу раскрываю предъ Вами, Государь. Руководствуюсь одними чувствами безпредѣльной вѣрности подданнаго, сына Отечества и десять лѣтъ имѣющаго честь носить званіе Сенатора, не для имени только.»

Изъ Тулы, 24 Генваря. 1807.

«Въ трехъ донесеніяхъ моихъ предъ симъ Вашему Императорскому Величеству со всею откровенностью безпристрастія представилъ я все. На сей разъ важнѣйшаго донести ничего не имѣю.

Пріемлю только смѣлость представить Вамъ, Государь, слыша, что начальствомъ здѣшней области предполагается учредить нѣкоторой однорядокъ въ одеждѣ и рядовыхъ милиціи, какъ то: кафтаны покроя крестьянскаго, но по сотнямъ уравненные; особые пояса; на рукахъ перевязки съ шифрами; шапка одного манера и цвѣта и проч., и проч., что, конечно, не иное, какъ плодъ любви къ единообразію устройства, состарѣвшагося въ искуствѣ его Генерала Тутолмина.

Но по соображенію мѣстному, гораздо лучшимъ считаю все сіе оставить бы, естли можно, ибо оно хотя въ мелочахъ, но все обязываетъ на повинности, еще новыя и не безубыточныя, умножаетъ случаи къ излишнимъ притязаніямъ, при злоупотребленіяхъ, ни въ чемъ и нигдѣ не избѣжныхъ, и, что всего важнѣе, больше утвердить можетъ народъ въ мысляхъ о невременности земскаго войска, и самаго его, или чрезъ сіи же мысли приводить въ уныніе, или особенностью такою, какъ и всякою, болѣе поощрять къ буйству, которое и безъ того весьма трудно будетъ отвращать при сліянніи

властей, крайне всегда неудобномъ для нашего народа. Наконецъ, всякое такое установленіе представляется отмѣною даннаго Вашимъ Императорскимъ Величествомъ Указа и Правительствующему Сенату, чтобъ людей, въ милицію поступить имѣющихъ, одѣвать не иначе, какъ по примѣру обыкновенныхъ наборовъ, въ таковую же одежду, въ каковой они прежде ходили. А потому откровенно донесу, что и слухъ объ однорядкѣ ономъ, не съ удовольствіемъ пріемлется.

Вся же одежда и проч., по точному исполненію повелѣнія Вашего Императорскаго Величества, уже всеми приготовлена; и такъ отмѣна еще съ немалымъ всехъ убыткомъ затруднить.

Смѣло донося Вамъ, Государь, что знаю и думаю, повергаюсь къ освященнымъ стопамъ Вашимъ и цѣлую руку, отъ которой ожидаютъ всѣ побѣды и милостей.»

Послѣднее оное донесеніе приготовилъ я ввечеру, спѣша въ ту же ночь ѣхать въ Рязань. Ожидалъ только почты, которой надобно было притти въ тотъ вечеръ, считая, что я могу получить какой нибудь отзывъ на мое первое донесеніе.

И подлинно получилъ я Государевъ рескриптъ отъ 16 Генваря, въ которомъ и милость и гнѣвъ изъявлялись. Начать рескриптъ свидѣтельствомъ благоволенія за усердное исполненіе по Манифесту о милиціи. Потомъ Государь, сказавъ мнѣ, что «не сокроетъ Онъ отъ меня, что не безъ удивленія нашелъ Онъ въ донесеніи моемъ разсужденія, совсѣмъ постороннія сдѣланному мнѣ препорученію,» изволить описывать причины составленія временнаго ополченія, и заключать рескриптъ слѣдующими словами: «Я увѣренъ, впрочемъ, что каковъ бы ни былъ образъ вашихъ мыслей касательно составленія земскаго войска, но вы столько чувствуете долгъ вашъ, что потщитесь исполнить со всею ревностію и усердіемъ возложенную на васъ обязанность.»

О полученіи сего донесъ я слѣдующимъ письмомъ:

«Высочайшій рескриптъ Вашего Императорскаго Величества отъ 16 Генваря я удостоился получить.

Священнымъ долгомъ считалъ я откровенно доносить Вашему Императорскому Величеству образъ мнѣнія народнаго, а собственныхъ чувствъ моихъ не могъ скрыть отъ Васъ, и не скрою никогда.

Тѣмъ же чистосердечіемъ исполнены и всѣ мои донесенія. И нещастнѣйшая минута жизни моей будетъ та, въ которую навлечетъ

она гнѣвъ на меня Государя моего, несчастнѣйшая по безпредѣльной вѣрности и любви моей къ Нему и Отечеству.

Что касается до ревностнаго и усерднаго исполненія возложенной на меня обязанности, Всемилостивѣйшимъ ожиданіемъ чего заключается Высочайшій рескриптъ Вашего Императорскаго Величества, то осмѣлюсь сказать, что въ ревности и усердіи исполнять повелѣнія Ваши не уступаю я никому.

Всеподданнѣйше подношу при семъ донесеніе, которое уже написано было при полученіи рескрипта.»

Написавъ сіе донесеніе, запечаталъ я его въ одинъ кувертъ съ приготовленнымъ прежде отъ того жъ числа и, отдавъ Почмейстеру для отправленія, спокойно сѣлъ въ кибитку и поѣхалъ въ Рязань.

Я продолжалъ писать къ Государю съ тою же искренностью и смѣлостью правды, какъ увидятъ изъ слѣдующихъ донесеній.

ПРОДОЛЖЕНИЕ

ВЫПИСКИ ИЗЪ ДОНЕСЕНІЙ.

Изъ Рязани, 30-го Генваря, 1807.

«Духъ покорности и пламенной любви къ Вамъ, Государь, и Отечеству, тотъ же здѣсь, какъ и вездѣ. Равно и образъ общаго мнѣнія о учрежденіи земскаго войска такой же, какъ я прежде въ моей вѣрноподданнической откровенности доносилъ Вашему Императорскому Величеству.

Не изобильны пожертвованія въ Рязанской губерніи, имѣющей въ себѣ много бѣдныхъ дворянъ и купцовъ, но весьма добровольно и непрерывно приносятся.

Къ правильному назначенію рядовыхъ въ милицію представляетъ въ иныхъ мѣстахъ здѣшней губерніи нѣкоторое затрудненіе отлучка мѣщанъ и поселянъ въ разные промыслы, какъ-то: въ извозъ, въ работы, наемъ въ дальнія мѣста и проч., особливо изъ семейныхъ, что должно неизбѣжно иногда обращаться къ отягощенію одинокихъ. Есть такіе, кои скрываются, или нарочно удаляются, имѣя пашпорты, полученные прежде Манифеста о составленіи земскаго войска.

Безпокоятся и здѣсь также тѣми однорядками, о неудобности которыхъ представлялъ я Вашему Императорскому Величеству въ моемъ послѣднемъ донесеніи.»

Изъ Калуги, 7 Февраля, 1807.

«Нельзя пересказать, сколько народъ утѣшенъ Всемилостивѣйшимъ дозволеніемъ отъ Вашего Императорскаго Величества отпускать и въ дальнія работы и промыслы. * Желательно только, чтобъ образъ исполненія сего установился, и сколько можно удобнѣйшій, чтобъ формы и разномысліе, ежели не прихоти исполнителей, не стѣсняли нисколько пользу сего, отеческою милостью къ народу начертаннаго, повелѣнія, и чтобъ миличное начальство въ связи своей, при исполненіи ономъ, съ начальствомъ гражданскимъ, руководствовалось всегда одними благородными видами частной хозяйской и общей отечества пользы.

Истинно, Государь, всякое облегченіе повинности земскаго войска неизобразимою благодарностью возносить къ престолу Вашего Императорскаго Величества сердца вѣрноподанныхъ, пылающія любовію къ Вамъ и усердіемъ безпредѣльнымъ.

Въ глубинѣ такихъ чувствованій повергается къ Вашимъ освященнымъ стопамъ.» и проч.

Изъ Калуги, 13 Февраля, 1807.

«Сердцемъ, которое горитъ желаніемъ, чтобъ все покорялось Россійскому скипетру, и чтобъ Ваша рука управляла имъ до позднѣйшей возможности жизни человѣческой, цѣлуя благотворную руку сію, приношу Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше мое поздравленіе съ новою надъ врагами отечества знаменитою побѣдою, ** которую торжествовали здѣсь при восторгахъ, свойственныхъ чувствамъ любви и усердія Вашего народа къ Государю и Отечеству.

Отъ 7 числа сего мѣсяца доносилъ я Вашему Императорскому Величеству, что въ Калужской Губерніи земское войско готово, и все къ составленію его сдѣлано наилучшими мѣрами.

Нынѣ же, какъ о существеннѣйшемъ, донесу, что съ восхитительнѣйшею радостью принято Всемилостивѣйшее постановленіе Вашего Императорскаго Величества, опредѣляющее лѣта вступающимъ въ оное войско, отъ 17-ти до 50, *** и повелѣвающее на убыль изъ

* Тогда вышло повелѣніе отпускать въ работы и промыслы; а до того, съ начала изданія Манифеста о милиціи, всѣхъ держали въ домахъ своихъ, къ отягощенію крайнему.

** При Прейсишъ-Эйлау

*** Сіи лѣта назначены были, съ отмѣною прежняго, сходно съ моимъ пред-

него мѣста рядовыхъ другихъ не требовать. Последнее тѣмъ паче обрадовало, что въ Инструкціи о должности чиновниковъ земскаго войска, отъ здѣшняго областного начальства составленной, къ неопisanному затрудненію и отягощенію всѣхъ состояній, предписано уже было оное наполненіе, и изъ самыхъ тѣхъ участковъ, изъ коихъ случится убыль. * Вездѣ готовы люди, одѣты, снабжены и по возможности вооружены во всей точности, сходно съ Манифестомъ о учрежденіи милиціи и данными о томъ Указами Вашего Императорскаго Величества. Но отъ начальства ея требованія новыя, касательно образа одежды, рода и количества оружія и проч., производятъ во всѣхъ Губерніяхъ затрудненіе тѣмъ состояніямъ, кои обязываются на исполненіе онаго.

При семъ, по откровенности безпредѣльнаго усердія моего, не могу я, Государь, удержаться, отъ вѣрноподданническаго дерзновенія сказать, что хотя Вашему Величеству благоугодно было облекъ Главнокомандующихъ обласнымъ земскимъ войскомъ такою властію, чтобъ во всѣхъ случаяхъ, до устройства областного войска относящихся, предписанія ихъ принимаемы и исполняемы были, какъ собственныя Ваши повелѣнія, но сіе, конечно, не о томъ, что было бы въ отмѣну оныхъ, какъ и самый Правительствующій Сенатъ, коего указамъ Монаршею довѣренностью издавна присвоена сія сила, не можетъ, конечно, дѣлать такихъ отмѣняющихъ предписаній.

По возложенной на меня обязанности представлять Вашему Императорскому Величеству образъ общаго мнѣнія о настоящемъ случаѣ внутренняго вооруженія, долженъ я донести, что власть она, или лучше, возможность ея дѣлать устраняющіяся отъ точности извѣстной и всенародно объявленной воли Вашей предписанія такія и по такимъ предметамъ, о коихъ положенія должны и могутъ быть и не на мѣстѣ предвидѣны и вездѣ однообразны, по крайней мѣрѣ, приводить въ недоумѣніе всѣ земскія вѣдомства и большое разливать стѣсненіе въ сердца.

Еще долгомъ считаю донести, что на представленіе вѣрноподданническаго усердія моего о неудобности назначать дни для збора и

ставленіемъ отъ 11 Генваря. въ коемъ представлялъ я и противъ онаго наполненія.

* Инструкціи, въ коей сіе предписано было, уже никогда послѣ не отыскивали.

ученья милиціи изъ дней подъ наименованіемъ работныхъ на помѣщика, Вашему Императорскому Величеству благоугодно было въ своемъ Высочайшемъ ко мнѣ рескриптѣ изобразить, что оное, «хотя упомянуто въ данной грамотѣ Господамъ Главнокомандующимъ областными войсками, но сіе сказано соботвенно для нихъ;» однако въ упомянутой же Инструкціи * отъ здѣшняго начальства сего войска, которая, по существу своему, конечно, всемъ извѣстна быть должна, именно назначаются два дни въ недѣли изъ работныхъ на помѣщиковъ. О семъ всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству по тѣмъ же причинамъ, по которымъ и первое мое представленіе осмѣлился сдѣлать.»

Изъ Владиміра, 4 Марта, 1807.

«Въ Губерніяхъ Тульской, Калужской, Рязанской и Владимірской спокойно все и благотишно.

Въ послѣднюю пріѣхавъ, здѣшнюю обзорю и извѣдаю на мѣстѣ все, повелѣнное Вашимъ Императорскимъ Величествомъ.

Проѣзжая, видѣлъ я у городскихъ и сельскихъ жителей неописанную радость о тѣхъ облегченіяхъ по милиціи, которыя Ваше Величество Всемиловитѣйше сдѣлать извоили. «Дай Богъ здоровья Государю!» говорятъ чистосердечно поселяне, прибавляя: «Когда-то со всемъ отмѣнится?»

Убѣждая ихъ въ томъ, что крайняя была надобность въ такомъ вооруженіи, увѣряю, что оно весьма временное, и что, конечно, отмѣнится, какъ скоро только можно будетъ. «Дай-то Богъ, дай-то Богъ!» отвѣчаютъ съ такимъ чувствомъ оживительной надежды, котораго истинно безъ слезъ почти видѣть нельзя.

Всемиловитѣйшій Государь! Я думаю, что у Монарха мудраго и добродѣтельнаго, истиннаго Отца Отечества, вѣрноподданническая любовь и усердіе должны давать право на смѣлость представленій и приближать къ престолу, нежели одинъ порядокъ чиновъ и Царедворскихъ должностей. Итакъ, въ моей предъ Вами откровенности, которую всегда я для себя считаю священнымъ долгомъ, осмѣлюсь сказать, что въ самомъ благодѣтельномъ царствованіи Вашего Императорскаго Величества благодѣтельнѣйшій будетъ тотъ день, въ который отмѣнится земское войско.

* Ся-то Инструкція тотчасъ тогда исчезла.

И четвертая часть его, обыкновеннымъ образомъ равно со всего государства собраннаго и воински устроеннаго, конечно, будетъ ополченіе гораздо дѣйствительнѣйшее, а для народу легчайшее; ибо совершенно общій образъ мнѣнія непрерывно есть тотъ, что лучше по одному, даже по два рекрута со ста, и отдѣленіе людей отъ настоящихъ званій въ прямое военное, столько же было бы полезнѣе къ удобнѣйшему устройству и нужно строгому управленію единоначальствомъ воинской власти, сколько нынѣшнее сліяніе властей представляетъ неудобства; а развлекательное положеніе въ состояніяхъ и земледѣльца, или промышленника, и купно ратника можетъ лишать ихъ способностей и къ тому и другому, питая между тѣмъ духъ буйства и своеволія.

Впрочемъ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, до чрезвычайнаго числа умноженное войско можетъ со временемъ по разсмотрѣнію быть уменьшаемо, и изъ всякаго рода организаціи возвращаемо въ мирныя хозяйственныя состоянія.

Примите, Государь, великодушно мои представленія; простите милосердо, естли они неосновательны, но они всегда происходятъ единственно отъ такихъ чувствъ, по которымъ я имѣю щастіе быть до гроба

вѣрнѣйшимъ подданнымъ.

Изъ Владиміра, 8 Марта, 1807.

«Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу, что общія тишина и спокойство непрерывны въ здѣшней Владимірской и въ прочихъ, обозрѣнію моему ввѣренныхъ, Губерніяхъ, изъ коихъ еженедѣльно получаю извѣстія.

Все, касающееся до составленія земскаго войска со стороны гражданскаго начальства, при ревностномъ подвигѣ всѣхъ сословіи Владимірской Губерніи, весьма хорошо устроено.

Духъ любви и усердія къ Вамъ и Отечеству безпредѣленъ здѣсь, какъ и во всей державѣ Вашего Императорскаго Величества, равно и образъ общаго мнѣнія о вооруженіи земскомъ, точно здѣсь такой же, какъ, по возложенному на меня долгу, въ откровенности доносилъ я изъ прочихъ Губерній.

Найтщательнѣйше внушаю я о временности онаго войска и о пребываніи рядовыхъ его въ нерушимости связей и повиновенія по ихъ кореннымъ состояніямъ. Сіе тѣмъ паче считаю нужнымъ, что уже появляется, какъ и естественно, хотя изрѣдка и въ неважномъ еще

видѣ, расположеніе къ своевольству, отъ несмысленныхъ заключеній, что уже подѣ особливимъ живутъ начальствомъ, и плодъ заблужденія сего, доселѣ не вяпшій, какъ въ нѣкоторыхъ развратное и дома истощающее пьянство, уклонность отъ хозяйственныхъ упражненій, малыя послушанія, что все можетъ еще униматься не самыми строгими, только неупустительными, средствами, которыя и подтверждаю я бдительно употреблять въ самыхъ коренныхъ состояніяхъ оныхъ оруженосцевъ, т. е., въ земскомъ вѣдомствѣ и въ кругѣ волостныхъ и помѣщичьихъ властей, дабы исправляемые, купно съ исправленіемъ, больше убѣждались и въ томъ, что не выведены они изъ подчиненія властямъ онымъ.

Изъ Москвы, 18 Марта, 1807.

Узнавъ здѣсь о полезномъ преобразованіи земскаго войска съ столь знатнымъ его убавленіемъ, благословилъ я, и конечно съ милліонами, любезнѣйшее Отечеству имя Ваше; духомъ неизобразимой радости поцѣловалъ Вашу руку, коей скипетръ вручило милосердіе небесъ къ человѣчеству. Да, едвали была когда въ Россіи радость, столь общая и столь чувствительная всѣмъ въ ней состояніямъ, какъ та, которая разольется онымъ спасительнымъ преобразованіемъ!

Не могъ я не начать симъ, Государь, отъ безпредѣльнаго удовольствія истинно вѣрноподанической любви къ Вашему Императорскому Величеству и пламеннаго усердія къ благу общему.

Высочайше мнѣ повелѣнное исполнилъ я во всѣхъ четырехъ Губерніяхъ, кои обозрѣнію моему ввѣрены были.

Во всѣхъ, относящееся къ внутреннему ополченію, учреждено и производится съ рвеніемъ, отличающимъ Вашихъ подданныхъ.

Пожертванія вездѣ продолжаютъ въ Губерніяхъ Тульской, Калужской, Владимірской и Рязанской, которыя, конечно, по справедливости удостоены будутъ Семиблагостивѣйшаго ознаменованія Высочайшаго благоволенія Вашего Императорскаго Величества.

Исполнивъ все, повелѣнное мнѣ, возвратился я къ своему мѣсту, какъ предписано въ Высочайшемъ рескриптѣ Вашего Императорскаго Величества.

Смѣю надѣяться, что образъ исполненія моего угоденъ отеческой любви Вашей къ подданнымъ, великой душѣ и мудрой прозорливости Вашего Величества, ибо я руководствовался единственно неописаннымъ усердіемъ къ истинной славѣ Вашей и къ твердому благу Отечества.

Откровенность и вѣщаніе правды безъ всякихъ отъѣнокъ предъ Монаршимъ Престоломъ есть всегда для меня долгъ священный, не изгладимо впечатлѣвшійся въ сердце, совершенно преданное служенію Вамъ и Отечеству; а въ дѣлѣ, толико общественномъ и столь нѣжно касающемся непоколебимости благосостоянія Государственнаго, какъ есть настоящее вооруженіе внутреннее, и малое отступленіе отъ онаго правила моего, было бы, по мнѣнію моему, сущее предательство.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Преобразование земскаго войска, о которомъ я писалъ въ послѣднемъ моемъ донесеніи, подлинно обрадовало всѣхъ и облегчило не-сказанно; оно было сдѣлано точно такимъ образомъ, о которомъ имѣлъ я смѣлость усердія представлять Государю отъ 4-го Марта изъ Владиміра, только что не четвертая, а третья, часть оставлена была.

Скоро послѣ того и совсѣмъ перестало, какъ извѣстно, существовать сіе войско и возвратилось въ свои прежнія состоянія, кромѣ тѣхъ, коихъ помѣщики, или общества мѣщанъ и поселянъ казенныхъ, пожелали оставить на службѣ, для зачета въ рекруты.

Миръ, и съ сохраненіемъ чести Россійской Державы, въ Тильзитѣ заключенный, все успокоилъ.

Онъ весьма желателенъ былъ и полезенъ. Одинъ только неизбѣжный притомъ разрывъ съ Англіею много навлекъ неудобствъ разнаго рода.

Хотя я очень мало свѣдущъ въ дѣлахъ иностранныхъ и коммерческихъ, однако при семъ могу, кажется, не безъ основанія осмѣлиться сказать, что главное искусство Россійской политики должно состоять въ томъ, чтобъ сколько можно не только меньше завистѣть отъ Европы, но и меньше связей съ нею имѣть, какъ политическими сношеніями, такъ и нравственными. Подъ именемъ послѣднихъ разумѣю я обычаи, коихъ заразительная гнилость снѣдаетъ древнее здравіе душъ и тѣлъ Россійскихъ.

Хорошо бы имѣть военныя силы, съ удержаніемъ всегда неустрашимаго духа и нравовъ Русскихъ, во внутренности ополченія устроенныя по тактикѣ Тюренновъ, и Фридриховъ, для отраженія только непріятелей отъ предѣловъ Россійской Имперіи, слишкомъ обшир-

ной, и при нужномъ знаніи иностранныхъ языковъ, при упражненіяхъ въ изящныхъ и полезныхъ наукахъ и искусствахъ, не стыдиться многихъ своихъ старинныхъ обычаевъ.

Покрой платья, цвѣтъ и доброта того, изъ чего оно шьется, не просвѣщаютъ, а покоряютъ частныхъ людей самой малодушной зависимости, цѣлое же Государство непримѣтно подвергаютъ очень большой къ ихъ ослабленію. Обѣдать не въ полдни, а въ шестомъ часу по полудни, а ужинать въ третьемъ за полночь, конечно, не есть ни умнѣе, ни великодушнѣе; а что тѣлу оно изнурительно и головѣ тяжело, то естественно.

Я думаю, что не меньше полезно отучить отъ того, чтобъ не считали необходимымъ употреблять сахаръ и кофе; всякой почти день, или, по крайней мѣрѣ, всякой выѣздъ, женщинамъ быть въ новомъ платьѣ и тому подобное, нежели завоевать нѣсколько провинцій, хотя и не меньше трудно.

Истинной патріотизмъ въ томъ, чтобъ желать Отечеству истиннаго добра и содѣйствовать тому всѣми силами; желать, чтобъ не на Французовъ, или Англичанъ, походили Русскіе, а были бы столько щастливы, какъ только они быть могутъ.

Что такое любить Отечество? Имѣть къ нему тѣ точно чувства любви, какія имѣютъ къ милой роднѣ своей, любить его подлинно, какъ добрыя дѣти любятъ своего отца. Будутъ ли они радоваться, видя, что отецъ ихъ въ красивыхъ нарядахъ и обширными владѣніями дачами, таеетъ и чахнетъ? И не будутъ ли лучше желать и стараться, чтобъ онъ выздоровѣлъ, когда еще можно?

Такъ, конечно: самыя суетныя привычки, самыя мелкія связи обычаевъ, обращаются въ тяжкія оковы.

Не имѣли бы мы по привычкѣ такой надобности въ сахаръ, кофе, сукнахъ тонкихъ и прочемъ подобномъ, — и разрывъ бы съ Англіею въ Государствѣ едва извѣстенъ былъ.

Азіатцы, начиная отъ Пекина до Царяграда, могли бы, думаю, искреннѣйшими быть съ нами союзниками. Не много обезпоятъ они и своею невѣрностью въ союзахъ. Всякая наша пушка у нихъ въ особомъ почтеніи. А размноженіе съ ними торговли, думаю, весьма бы могло быть полезно, съ большею удобностью сохранять въ ней всегда и перевѣсъ въ разсужденіи того, что меньше всегда причинъ уважать ихъ и опасаться.

Сколько одной пшеницы выпускать можно съ Турецкой стороны, при полезномъ переселеніи на нее пахарей изъ мѣстъ малоземельныхъ, и при усовершенствованіи земледѣлія, сего источника обиды и силы Государствъ.

Истинное богатство ихъ должно состоять не въ множествѣ монеты, а въ малой надобности въ деньгахъ. Государство, какъ и человѣкъ частный, чѣмъ меньше имѣть надобностей, тѣмъ меньше и зависимости отъ другихъ, тѣмъ больше въ себѣ господства и силы.

Я думаю, что составившаяся у насъ надобность Европейской торговли, въ такой пространной мѣрѣ причиною, что хитрость иностранныхъ торговцевъ, пока не сбавятъ гораздо съ нихъ нужды, никогда не допустить и купечество наше быть столько богатымъ, сколько оно должно и можетъ быть.

Хитрость сія въ змѣинномъ пронырствѣ своемъ неутомима. Если не можно сверху, то вползаетъ она снизу, и трудно изъ флеровыхъ ея сѣтокъ выпутываться безъ старинной Русской простоты и безсребренничества.

Но про все это знаютъ большіе... а мнѣ пора оканчивать свои Записки.

Кромѣ того рескрипта отъ 16 Генваря, 1807 года, которой вписать я здѣсь въ своемъ мѣстѣ, не получалъ я никакого отзыва на всѣ мои донесенія Государю при обозрѣніи Губерній, во время составленія земскаго войска, и ни одного отношенія по сему важному порученію ко мнѣ не было, послѣ перваго особеннаго отъ Государя наставленія, коимъ оное на меня было возложено.

При всѣхъ разсыпанныхъ, какъ извѣстно, наградахъ за эту милицію, Сенаторы, товарищи мои въ этомъ дѣлѣ, ничего не получили, по крайней мѣрѣ, двоимъ изъ Московскихъ Департаментовъ, знаю я, что и благоволенія сказано не было. Думали, что не я ли тому былъ причиною, ибо исключить меня, конечно, по справедливости было не можно.

А что Государь имѣлъ на меня неудовольствіе, то весьма открыто мнѣ было изъ самаго рескрипта Его. Впрочемъ, не хочу я повѣрить, чтобъ Онъ сколько нибудь прогнѣвался за то, что я представлялъ правду; но Онъ, вѣроятно, находилъ, что не мнѣ въ семъ случаѣ принадлежало дѣлать такія представленія.

Я, однако, по совѣсти считалъ за долгъ дѣлать ихъ при тѣхъ важныхъ обстоятельствахъ, какія тогда были, и какія едва вѣками быва-

жъ. Зная жеудовольствіе на меня Государево, не безпокоился я ни одной минуты, по тѣмъ причинамъ, о которыхъ довольно изъяснено мною въ самыхъ донесеніяхъ, навлекшихъ отъ Него оное на меня жеудовольствіе.

Время, и скоро, оправдало, конечно, въ очахъ Его всѣ мои представленія, и Онъ въ томъ же году ознаменовалъ ко мнѣ милость свою и притомъ характеръ свой прямо Царскій.

Сія черта истинно означаетъ величіе души Его и любовь къ правдѣ.

Награждать за пріятное, естественно очень; но послѣ гнѣва, которой также иногда и напрасной, естественъ въ кругъ смертныхъ всѣмъ, никого не исключая, воспользоваться, такъ сказать, первымъ случаемъ къ награжденію знатнымъ отличіемъ того, на кого простирался гнѣвъ оный, есть дѣйствіе благотворительности великодушной, предпочитающей справедливое пріятному.

12 Декабря, 1807 года, Государь пожаловалъ нѣсколькихъ Тайныхъ Совѣтниковъ по старшинству въ Дѣйствительные Тайные Совѣтники. Въ числѣ ихъ я пожалованъ былъ послѣдній. Иные изъ нихъ, я знаю, что очень того желали и давно искали, а мнѣ и на мысль не приходило, тогда особливо, получить этотъ чинъ. И вотъ какимъ образомъ я пожалованъ, какъ слышалъ я отъ довольно вѣрныхъ.

Государь приказалъ подать списокъ Тайныхъ Совѣтниковъ, пожалованныхъ въ 1796 году. Повѣряя списки самъ по печатному описку, издаваемому Герольдіею, увидѣлъ мое имя первое подъ послѣднимъ изъ поданныхъ Ему въ списокъ. «Что жъ его тутъ не помѣстили?» спросилъ Государь. — «Онъ произведенъ въ 1797 году.» отвѣтствовали Его Величеству. — «Однако жъ въ началѣ,» отвѣчалъ Государь, «и такъ это мало разности,» — и Самъ изволилъ приписать мое имя. Но хотя бы это и не такъ происходило, все, однако жъ, пожалованіе меня послѣдняго, несомнительно означаетъ особое благоволеніе. Не можно, конечно, при производствѣ обойти безобидно, и потому случается, что для того, чтобы пожаловать одного, жалуютъ, не желая, нѣсколькихъ, кои его старѣе; но послѣдній, безъ всякаго вида несправедливости, при производствѣ оставленъ быть можетъ, и пожалованіе его уже непременно значить вниманіе милости.

Я благодарилъ за чинъ Государя нисьмомъ, въ которомъ осмѣлился дать нѣсколько примѣтить, что я чувствую и при семъ случаѣ все величіе души Его въ любленіи правды. Государь на первой почтѣ удостоилъ меня отвѣтомъ, въ которомъ изволилъ мнѣ сказать, что «Ему пріятно было въ письмѣ моемъ видѣть изъясленіе извѣстныхъ Ему моихъ чувствованій,» и проч. *

Нѣкоторые изъ ближайшихъ тогда къ Государю оказали себя въ разсужденіи меня совсѣмъ не подражающими Его добродѣтелямъ. Они по сіе время злобятся на меня за образъ моихъ мыслей о милиціи, въ планѣ коей они наиболѣе участвовали, и не постыдились въ пристрастіи и злобѣ обличить себя дачею такого голоса по дѣлу о долгахъ моихъ въ Общемъ Собраніи первыхъ 3 Департаментовъ, въ которомъ совершенно отступили отъ всякой справедливости и законовъ. **

По возвращеніи моемъ въ Москву изъ Губерній, бывшихъ подъ моимъ надзираніемъ, по случаю составленія земскаго войска, продолжая присутствовать въ 8 Департаментѣ, знакомился я съ апелляціонными въ немъ дѣлами, кои прежде никогда почти въ рукахъ моихъ не бывали. Продолжалъ я также и обычай мой не соглашаться на то, что несправедливымъ мнѣ кажется. Могу сказать, что я не выше неправды; но правда меня такъ выше, что я не смѣю и заикнуться противъ ея.

Въ ономъ Департаментѣ споры мои большею частію были по дѣламъ ищущихъ вольности отъ помѣщиковъ. Вдругъ приняли себѣ за правило всячески натягивать въ пользу таковыхъ ищущихъ, и это не по сердечному расположенію и не по законной справедливости, а для того, что угождать думаютъ тѣмъ Государю. Я никогда не соглашался удовлетворять прозьбамъ такихъ ищущихъ вольности, безъ совершеннаго, по законамъ, ихъ на то права.

Государю, конечно, угодно, чтобъ не оставались крѣпостными тѣ, кои подлинно ими быть не должны; но освобождать изъ крѣпостей

* Подтвержденіе онаго Монаршаго благоволенія ко мнѣ имѣлъ я щастіе видѣть въ пріѣздѣ Государевъ въ Москву въ первыхъ числахъ Декабря 1809 года, въ которой, при олично милостивомъ обхожденіи со мною, изволилъ Онъ покаровать меня Кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго.

** Голосъ сей, съ пособіемъ малодушнаго угодничества, холодности къ правосудію и незнанія, былъ причиною, наконецъ, самаго несправедливаго и разорительнаго для меня рѣшенія онаго дѣла.

подборомъ подъ законы есть разрушеніе силы ихъ во вредъ общій. И кромѣ, вреда сего, какой же плодъ такихъ рѣшеній? Нѣсколько десятковъ, или сотенъ, не будутъ подъ властью помѣщиковъ съ тѣмъ, что большая изъ нихъ, можетъ быть, часть сопьются, или годовые и нѣгіе скитаться будутъ по улицамъ и по дорогамъ.

Наконецъ, Министръ Юстиціи предложилъ, что не имѣть права по такимъ дѣламъ и законъ о десятилѣтней давности, уничтожающей всякіе иски, и всѣ Департаменты сіе приняли, но я не согласился, и не соглашусь прежде нежели будетъ на то Указъ Государевъ, которой одинъ можетъ перемѣнять законы. Они должны исполняться по точнымъ ихъ словамъ, а въ толкахъ о разумѣ ихъ могутъ быть разномысліе и ошибки у всѣхъ Министровъ и Сенаторовъ.

Ежели въ оныхъ дѣлахъ не принимать закона о десятилѣтней давности, которой нынѣ одинъ ограничиваетъ время исковъ, то, натурально, и никакого времени уважать не должно; а за сто, за двѣсти, за триста лѣтъ, и для чего не больше, когда такъ — кто жъ найдутся крѣпостными? И такъ взволнуешь только людей самымъ малымъ числомъ такихъ рѣшеній, а многихъ сдѣлать общая польза, конечно не допустить. Цѣлыя селенія, многія тысячи душъ, стануть производить иски вольности. Начнется дѣло перьями стряпчихъ, питающихся ябедою и подущеньемъ на нее, а кончится пушками, или, по крайней мѣрѣ, кнутьями и ссылками, ежели не висѣлицами, что также бывало.

И въ семъ случаѣ имѣю я предметомъ только общественную пользу; собственность моя ни сколько тутъ не вмѣшивается и не можетъ вмѣшиваться, какъ я очень изъяснилъ въ первомъ письмѣ моемъ по милиціи къ Государю изъ Тулы, отъ 4 Генваря, 1807 года.

Еще скажу, что я первой, можетъ быть, желаю, чтобъ не было на Русской землѣ ни одного несвободнаго человѣка, естли бы только то безъ вреда для нея возможно было. Но народъ требуетъ обузданія и для собственной его пользы. Для сохраненія же общаго благоустройства нѣтъ надежнѣе полиціи, какъ управленіе помѣщиковъ. Тираны изъ нихъ должны быть обузданы, но сіе должно быть такъ расположено, чтобъ начальники Губерній, при обузданіяхъ тиранства, столько же бы страшились наказанія за малѣйшее при томъ излишество, или пристрастіе, и столько жъ бы увѣрены были не избѣжать того наказанія, сколько тираны за тиранство.

И еще скажу, что по сіе время въ Россіи ослабленіе связей подчиненности помѣщикамъ опаснѣе нашествія непріятельскаго. Свойственно мягкосердечію жалѣть и о томъ, когда не совсѣмъ еще отъ болѣзней оправившіеся, могутъ только прогуливаться въ больничномъ саду и пить и ѣсть только то, что имъ велятъ лѣкари; свойственно доброму ееряцу желать, чтобъ они какъ можно скорѣе воспользо-вались полною для всѣхъ свободою; но дать ее имъ прежде времени, было бы ихъ же уморить.

У насъ въ рѣшеніяхъ принято оное правило всегда рѣшить въ пользу отбывающихъ отъ помѣщиковъ, отнюдь не изъ состраданія къ нимъ, и даже совершенно противъ своего желанія, но по тому только ошибочному понятію объ угодномъ, какъ я выше сказалъ, и чтобъ не спорить съ Министромъ Юстиціи.

На его предложеніе о томъ, что на дѣла сего рода десятилѣтняя давность не простирается, я, не согласясь, записалъ въ Общемъ Собраніи Московскихъ Департаментовъ слѣдующій отзывъ:

«Естьли не простирать на подобныя дѣла десятилѣтней давности, и никакимъ временемъ не ограничивать права ищущихъ вольности, то можетъ, въ общій подрывъ состоянія дворянскаго и коренными законами утвержденнаго преимущества его, неограниченное множество крѣпостныхъ людей отойти отъ своихъ помѣщиковъ. А при семъ сколько можетъ открыться путей и способовъ къ поползновенію людей, злонамѣреніемъ, или невѣжествомъ, водимыхъ, смущать простодушіе, часто, противъ истинной пользы своей, желающихъ опой свободы, и сколько можетъ возникнуть тяжбъ, расслабляющихъ неописанно полезныя для общественнаго покоя и благоустройства связи подчиненности!» 20 Марта, 1808.

Иные изъ товарищей очень хвалили мой патриотизмъ — и всѣ согласились съ Министромъ.

Особливо настаивалъ я по дѣламъ подобнаго рода, чтобъ не лишать селенія солдатками безъ мужей своихъ прижитыхъ дѣтей, въ нихъ воспитанныхъ.

Законы очень справедливо укрѣпляютъ ихъ за помѣщиками, и въ селеніяхъ по воспитанію оставляютъ.

Отступленіе отъ сихъ законовъ есть поколебаніе права, которое можетъ отнестися къ общему подрыву дворянскаго состоянія и коренными законами утвержденнаго преимущества его, а равно и къ неустройству общественному возбужденіемъ безчисленныхъ тяжбъ

между крѣпостныхъ людей и помѣщиковъ, спокойно, полагаясь на законныя учрежденія и самымъ временемъ укрѣпленные, владѣющихъ неограниченнымъ множествомъ подобныхъ, неосновательно вольности искать могущихъ, людей.

Такимъ образомъ изъяснился я о семъ еще въ Общемъ Собраніи Сената Московскихъ Департаментовъ. И, кромѣ нарушенія законовъ и описанныхъ мною слѣдствій отъ лишенія помѣщиковъ и селеній людей оныхъ, теряется еще истинная польза, которую приносятъ они Государству умноженіемъ самаго полезнаго въ немъ состоянія землемашцовъ, которое есть при томъ самой надежной и прочной запасъ воиновъ. Откуда, какъ не изъ за сохи, брали побѣдителей Карла XII и Фридриха II?

Споры мои въ Сенатѣ нѣсколько умножились въ концѣ 1807 года отъ того, что я мѣсяца два не могъ ѣздить въ присутствіе за болѣзнию въ лѣвой рукѣ, которую зашибъ я, упавши, очень больно. Однако дома читалъ я изъ дѣлъ записки и опредѣленія подписывать. Последнія приносили ко мнѣ обыкновенно подписанныя уже товарищами, и когда я находилъ резолюціи несогласныя съ моимъ о дѣлѣ понятіемъ, то принужденъ былъ давать противной голосъ.

Товарищи особливо со мною не любили соглашаться. «Не уже ли,» говорили, «одинъ всѣхъ умнѣе?» Сильнѣе этого резона не слышно было. — «Не уже ли,» говаривалъ я имъ также въ пріятельской шуткѣ, «одинъ Генераль-Прокуроръ, или Оберъ-Прокуроръ, всегда всѣхъ умнѣе? а вы съ нимъ соглашаетесь?» — Иногда отвѣчали: «Нѣтъ это должность.» — Какъ будто нѣтъ каждаго Сенатора должности объявлять свое мнѣніе, и въ немъ по справедливости настаивать!

Расположеніе не соглашаться со мною отъивно оказалось въ одномъ дѣлѣ. Приходить въ 8 Департаментъ жалоба отъ нѣкотораго крестьянина на Господина и Госпожу свою. Дается резолюція: «Возвратить жалобу просителю, какъ не принадлежащую до сего Департамента.» Приносятъ ко мнѣ подписать о томъ опредѣленіе, уже подписанное моими товарищами. Я разсудилъ, что прозьбу оную возвращать, какъ только не принадлежащую до Департамента, есть то же, что заставлять просителя подавать ее въ другой, гдѣ она будто по приличности принята быть можетъ. А по законамъ — и весьма съ общою тишиною и благоустройствомъ соображеннымъ — отъ крѣпостныхъ людей на своихъ помѣщиковъ не вѣжливо принимать ни какихъ жалобъ и доносовъ, кромѣ какъ по первымъ двумъ пунктамъ.

За весьма нужное почитаю всегда уважать все то, что соблюдаетъ связь подчиненности номѣщикамъ, которой всякое ослабленіе ужасныя производило послѣдствія, и во исполненіе сказанныхъ законовъ думалъ я, что должно просьбу оную передать въ Уголовной Департаментъ, для уваженія и поступленія по онымъ. Но имѣя въ виду удовлетвореніе имъ и пользу истинную, а не то, чтобъ только заспорить, или поставить на своемъ, чѣмъ право я даже гнушаюсь, и зная, сколько товарищи не любятъ со мною соглашаться, не подавалъ я голоса, а прежде приватно писалъ къ Оберъ-Прокурору, и долго старался, чтобъ переимѣнили резолюцію безъ моего участія, при подписаніи въ присутствіи опредѣленія, которое однимъ, или двумя, еще кромѣ меня, подписано не было. Однако и тутъ, т. е., чтобъ передать только бумагу въ другой Департаментъ: «Не ужели одинъ веѣхъ умнѣе?» — подѣйствовало. Не согласились. Я принужденъ былъ подать голосъ, съ которымъ согласился одинъ изъ товарищей, не присутствовавшій при слушаніи сего дѣла, и не подписавшій еще опредѣленія. Дѣло пошло въ Общее Собраніе, а мятежничество крестьянина, ожидавшаго отъ Сената рѣшенія, между тѣмъ питалось.

Когда вступило оно въ Общее Собраніе, то я на Запискѣ было написалъ, что какъ уже дѣло въ Общемъ Собраніи, то въ скорѣйшее укрощеніе буйства, не передавая въ 6 Департаментъ, прямо предписать Губернскому Начальству о поступленіи по законамъ. Но согласившемуся со мною товарищу показалось это по чему-то ненужнымъ: «Ты меня завелъ,» говорилъ онъ, «въ свое мнѣніе, а теперь отступаешь.» Хотя по моему понятію и не было это отступленіе, однако, въ удовольствіе моему товарищу, я вычеркнулъ написанное мною, и подписалъ только, что остаюсь при своемъ голосѣ. Тѣмъ я доказалъ еще, что нѣтъ во мнѣ упрямства, которое многіе право очень напрасно во мнѣ полагаютъ.

Не отступалъ я, правда, въ Общемъ Собраніи никогда отъ своего мнѣнія, и не соглашался въ отиѣну его ни съ однимъ Генераль-Прокуроромъ; только это отнюдь не изъ упрямства, или тщеславія, а подлинно думая, что мое мнѣніе справедливо. Кажется, и нельзя иначе думать, послѣ столькихъ переходовъ дѣла, ежели, разсудивъ объ немъ какъ должно, даешь свое мнѣніе. Едва ли переимѣналъ я, помнится, резолюцію свою и въ Департаментъ Уголовной, потому что дѣла его мнѣ твердо знакомы, и что производило ихъ съ тѣмъ

вниманіемъ, какое требуется ихъ важностью, рѣдко, крайне рѣдко, развѣ случиться можетъ справедливая надобность переѣнить резолюцію.

При слушаніи въ Общемъ Собраніи дѣла по оной крестьянской жалобѣ, всѣ, однако, согласились съ моимъ мнѣніемъ; остались только тѣ при резолюціи 8 Департамента, которые въ немъ ее давали. Скоро дѣло сіе возвратилось и изъ Консультациіи. Предложеніе по оному Министра Юстиціи довольно пространно. Заключение же его состоитъ въ томъ, что хотя сіе дѣло и принадлежитъ до 6 Департамента, но теперь уже отослать ту жалобу прямо изъ Общаго Собранія къ Начальнику Губерніи съ тѣмъ, чтобъ онъ велѣлъ, кому надлежитъ, по той прозбѣ изслѣдовать, и по изслѣдованіи дать ему дѣлу законное теченіе. Притомъ Министръ говоритъ, что; ежели жалоба крестьянина окажется справедливою, то докажетъ недобронравіе и безчиніе (сирѣчь помѣщика) и проч.; ежели, напротивъ того, жалоба та будетъ несправедливою, то докажетъ возмутительность крестьянина,» и проч.

Всѣ по обычаю согласились съ предложеніемъ Министра, а я записалъ слѣдующій отзывъ:

«Имѣя предметомъ единственно скорѣйшее укрощеніе буйства и соблюденіе общаго порядка силою законовъ, соглашаюсь я съ предложеніемъ Его Свѣтлости въ непосредственной отсылкѣ прозбы крестьянина къ Начальнику Губерніи, но только съ тѣмъ, чтобъ было просто предписано о поступленіи въ семъ случаѣ по законамъ, ни сколько въ предписаніи семъ не подавая поводу къ разбору между помѣщиками и крестьянами. 29 Генваря, 1809 года.»

Въ прошломъ 1808 году три были по Сенату произшествія, особливо достопамятныя:

1. Объявлено отъ Государя Императора неудовольствіе за разногласіе по многимъ дѣламъ въ 7 и 8 Департаментахъ. 2. Для скорѣйшаго окончанія въ Московскомъ Общемъ Собраніи накопившихся дѣлъ, велѣно оному присутствовать и послѣ объѣда по средамъ. 3. Въ 7 и 8 Департаментахъ докладывать по осьми и по десяти апелляціонныхъ дѣлъ въ недѣлю.

Естьли бь между Сенаторами была должная твердость единодушія, то надлежало бы о первомъ представить Государю въ справедливое оправданіе свое, а о послѣднемъ, изъ усердія къ истинному успѣху въ дѣлахъ, котораго не можетъ быть при скорости безмѣрной.

Могутъ голоса быть, конечно, и отъ охоты спорить и отъ разныхъ пристрастій; но можетъ быть разномысліе основано и на самомъ чистосердечномъ побужденіи къ правдѣ, при свойственныхъ человѣческому понятію ошибкахъ. А какъ и того и другаго безпогрѣшно всегда опредѣлить невозможно, то, кажется, полезнѣе для правосудія, чтобъ были споры, хотя иногда и неосновательные, нежели чтобъ не было ихъ, для того только, что боятся спорить.

Что жъ принадлежитъ до скорости, то она, по мнѣнію моему, гораздо вреднѣе медленности въ судопроизводствѣ. Лучше истцу подождать, но получить принадлежащее ему, нежели онаго лишиться чрезъ необдуманное, по скоропостижности, рѣшеніе. Лучше просидѣть годъ лишній въ тюрьмѣ невинному, нежели, отъ незрѣлости уваженія поспѣшнаго суда, отправиться на каторгу.

И потому-то я не только не жалѣю теперь, что переведенъ изъ Уголовнаго Департамента, но очень бы опечалился, естли бь случилось опять въ немъ присутствовать, при такомъ образѣ теченія дѣлъ.

Спѣшить и хорошо дѣлать естественно, развѣ на пожарахъ; но и на нихъ часто ломаютъ лишнее въ напрасной убытокъ людямъ.

Безмѣрною спѣшностью отнимутся всѣ способы хорошенько вникать въ дѣла, для должнаго объ нихъ разсужденія, и по неволѣ оставишь ихъ въ рукахъ у докладчиковъ, да у Оберъ-Прокуроровъ съ Генераль-Прокуроромъ, отъ вліянія которыхъ они и такъ, по нещастью, всегда гораздо больше зависѣли, нежели надобно.

Въ Общемъ Собраніи два раза въ недѣлю докладываютъ по два и по три дѣла въ каждое. Это можно сказать, хотя, говоря о собраніяхъ такого важнаго Правительства, и неприлично бы — одно щегольство. Дѣйствительнаго же отъ того успѣха ни какъ быть не можетъ. Во первыхъ, едва ли чьихъ силъ достанетъ на прилѣжное прочтеніе по столькимъ дѣламъ всѣхъ Записокъ. Сіе должно естественно мѣшать хорошему разсмотрѣнію; а со-стороны скорости, то, разчисливъ время, нужное для консультаціи по всѣмъ симъ, спѣшно рѣшимымъ, дѣламъ, и для обращенія изъ нея въ Сенатъ къ окончанію надлежащаго производства, ясно откроется, что ни сколько отъ оной спѣшности прямо скорѣе оканчиваться дѣла не могутъ, а хуже разсматриваться и рѣшаться будутъ невремѣнно.

Впрочемъ, нынѣ почти труда не стоитъ заботиться Сенаторамъ разсматриваніемъ дѣлъ въ Общемъ Собраніи; и ломать свои головы

о томъ, какое въ немъ дать мнѣніе, развѣ для того только, какъ я нѣгдѣ сказалъ, чтобъ омыть свои руки; ибо такъ уже укоренился нещастной обычай большинствомъ голосовъ соглашаться съ предложеніями Министра Юстиціи, или какого нибудь моднаго Оберъ-Прокурора, что все равно, какъ бы они одни рѣшили дѣла, а Сенаторскія разсужденія и труды совѣтъ становятся лишніе. Самыхъ же Сенаторовъ слабость, конечно, тому виною.

Всегдашнее отступленіе отъ своихъ мнѣній и согласіе съ такими предложеніями, ясно обнаруживаютъ жалкое состояніе суда въ самомъ верховномъ Судилищѣ и Правительствѣ, коего долгъ наблюдать за правосудіемъ и во всемъ Государствѣ.

Тутъ-то можно бы кстати сказать: «Неужели одинъ всегда бываетъ всѣхъ умнѣе, и всегдашнее уваженіе къ такому одному не явлено ли показываетъ презрѣніе правды и законовъ?»

Безпристрастіе, зрѣлое уваженіе и точность въ наблюденіи судебного порядка, должны быть неразрывны и составлять истинную натуру правосудія. Безъ того мертвы будутъ законы, сколько бы хорошо они написаны ни были.

Въ нѣкоторомъ смыслѣ можно сказать, что законы всѣ хороши, только бы исполнялись, и никогда, конечно, не бываетъ зла отъ недостатка законовъ, а все отъ того, что не слѣдуютъ имъ и справедливости.

Могутъ, конечно, и законы быть хуже и лучше, и нужно перемѣнять ихъ иногда, такъ сказать, по времени и возрастамъ народовъ. Перемѣну сію, удобнѣе, думаю, дѣлать частно, ознакомливая людей постепенно съ каждымъ новымъ узаконеніемъ. Перемѣна же вдругъ цѣлаго круга законодательства въ Государствѣ самымъ уже тѣмъ громомъ, которой сопровождать ее долженъ, можетъ произвести въ умахъ колебаніе, коего послѣдствій вредъ, или пользу, трудно прежде отгадать.

Но все главное въ судопроизводствѣ дѣло — любовь къ правдѣ, вниманіе и порядокъ. Первая лучше не захочетъ судить, нежели спѣшить судомъ, а послѣднихъ при торопости сохранить невозможно.

Отъ этой-то, думаю, торопости, разсуждать мѣшающей, или отъ желанія, чтобъ какъ можно меньше вводить дѣлъ, для того, чтобы выслуживаться инымъ усѣхомъ въ томъ, что нѣтъ у насъ дѣлъ, всѣ перерѣшены, думаю, отъ того, а не отъ совершенной, конечно,

холодности къ челоѣчеству, вотъ что произошло въ 6 Уголовномъ Департаментѣ:

Вдругъ рѣшились на производства по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ о людяхъ нижняго состоянія не принимать жалобъ, которыя всегда въ Сенатѣ принимались, и сдѣлали о томъ опредѣленіе.

Оберъ-Прокуроръ, не находя оного противнымъ закону, не пропустилъ, однако жъ, опредѣленія, потому что оно отмѣняетъ прежнія. Перешло дѣло въ Общее Собраніе. Всѣ согласились съ опредѣленіемъ, чтобъ не принимать жалобъ. Я далъ голосъ съ изъясненіемъ о пользѣ принятія оныхъ жалобъ и о могущемъ быть злоупотребленіи отъ неприниманія ихъ. Со мною согласились трое.

По обыкновенной отсылкѣ дѣла на консультацію, получено предложеніе отъ Министра Юстиціи, который также находитъ, что не должно принимать такихъ жалобъ; но какъ они уже давно принимались, то, чтобъ не поступить противно указу, запрещающему разность рѣшеній, надлежитъ объ отмѣнѣ принятія тѣхъ жалобъ поднести Государю докладъ.

На сіе предложеніе Министра записалъ я слѣдующій отзывъ:

«Жалобы оныя, не апелляціоннымъ порядкомъ и безъ остановки безвременной теченія дѣлъ, болѣе десяти лѣтъ принимались въ 5, что нынѣ 6, Департаментъ, т. е., съ того времени, какъ уголовныя и слѣдственныя дѣла переданы были въ него изъ 2-го. Но по симъ самымъ переданнымъ дѣламъ, весьма мнѣ извѣстнымъ, ибо я въ то же время началъ присутствовать въ 5 Департаментѣ, видно, что во' 2-мъ принимались оныя жалобы еще много лѣтъ прежде. До учрежденій о Губерніяхъ принимаемы онѣ были также въ Сенатѣ на рѣшенія Юстицъ-Коллегіи, Губернскихъ Канцелярій и проч., словомъ: едва ли не во все время существованія Правительствующаго Сената принимались онѣ.

Итакъ опыты цѣлаго уже столѣтія доказываютъ, съ одной стороны, сколько принятіе оныхъ жалобъ служило не рѣдко къ защитѣ и избавленію невинности, столько, съ другой, что не доходило еще число дѣлъ сего рода до такого множества, коимъ бы Сенатъ необхятно и для челоѣчества бесполезно затруднился. Если же бы до того, паче чаянія, и дошло, то и тогда было бы время принять мѣры къ ограниченію труда излишняго и безуспѣшнаго. Но доселѣ челоѣчество часто избавлялось отъ напраснаго страданія, чрезъ разсматриваніе оныхъ жалобъ, а Сенатъ еще никогда не справедливо-

сти слишкомъ обремененъ имъ не быть. Успѣхъ же въ первомъ, стоитъ того, чтобъ продолжать трудъ послѣдняго, и въ большемъ гораздо количествѣ.

Впрочемъ, Сенатъ всегда занимался уваженіемъ оныхъ жалобъ, только по мѣрѣ того, сколько которая изъ нихъ онаго заслуживала, и тогда только останавливалъ производство дѣлъ и приступалъ къ изслѣдованію объясненіями, когда находилъ обстоятельства основательныя, на неправоту суда сомнѣніе навлекающія. Но, по крайней мѣрѣ, существовало обузданіе на неправду въ судахъ, по части столь тѣсно сопряженной съ жребіемъ жизни человѣческой, и свободной открытъ былъ путь къ скорой защитѣ. Когда же обузданіе оное снимется, то, естественно, усугубятся злоупотребленія отъ небрежности, или пристрастій неискоренимыхъ.

Не оскорбляя вообще самаго почтеннаго званія Губернаторскаго, можно осмѣлиться сказать, что бывали Губернаторы и не соответствовавшіе своему назначенію. Они получали и должное отъ правосудія за то возмездіе. Но если были такіе, то и впредь иногда быть могутъ, и пока подвергнутся справедливому оному возмездію, многіе и по сей важной части уголовной пострадаютъ отъ ихъ притѣсненія безъ преграды ему.

То же можно сказать и о судьяхъ, которыхъ выборъ еще затруднительнѣе, въ разсужденіи большаго ихъ числа. И не дерзко предположить, что когда снимется обузданіе, налагаемое принятіемъ въ Сенатъ частныхъ жалобъ на рѣшеніе Уголовныхъ Палатъ и на производство дѣлъ уголовныхъ, ибо оставя принятіе первыхъ, несходно было бы даже съ естественнымъ порядкомъ принимать послѣднія; не дерзко, говорю, предположить, что, когда снимется оное обузданіе, то иногда случится можетъ, что, по ссорамъ Губернаторовъ и судей съ помѣщиками, цѣлыя деревни въ рабочую пору сидѣтъ будутъ въ тюрьмахъ и лучшіе крестьяне отправятся въ ссылку, а изъ казенныхъ поселанъ, мѣщанъ и прочихъ людей тѣхъ состояній, о коихъ дѣла не вносятся на ревизію Сената, богатые гораздо чаще подъ судъ попадаться стануть.

Неправда и неусмотрѣніе вездѣ, конечно, быть могутъ, и въ высшихъ судахъ, какъ и въ низшихъ. Но чѣмъ больше имъ преграда, тѣмъ спасительнѣе для невинности.

А по всемъ симъ причинамъ, сказаннымъ мною въ подкрѣпленіе даннаго отъ меня мнѣнія въ Общемъ Собраніи Правительствующаго

Сената по оному дѣлу о неприниманіи жалобъ, полагаю я, что не должно прерывать принятіе ихъ, столь многіе годы продолжавшееся и бывшее однимъ сколько нибудь способомъ къ защитѣ для милліоновъ, коихъ судьба по дѣламъ уголовнымъ совершенно и часто невозвратно оставляется въ самой зависимости отъ рѣшеній Губернскихъ.

Сверхъ того не нахожу я, чтобъ закономъ запрещалось принятіе въ Сенатѣ таковыхъ жалобъ, и чтобъ уваженіе оныхъ не принадлежало до верховнаго вниманія сего Правительствующаго Судилища, коему, въ Высочайшемъ Указѣ 1802 года, 8 Сентября, правомъ, должностью и обязанностью постановлено: «Пещись, какъ хранителю законовъ, о повсемѣстномъ наблюденіи правосудія и прекращеніи всякихъ противузаконныхъ дѣяній во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ».

Докладъ же Его Императорскому Величеству считаю я занужное и Сенату приличное, разсудя въ Общемъ Собраніи и сообразивъ къ устройству лучшія мѣры, поднести о слѣдующемъ:

Апелляція на рѣшеніе Палаты по дѣламъ уголовнымъ дозволяется, кромѣ тѣхъ подсудимыхъ, которые осуждены къ лишенію жизни, или къ лишенію чести, или къ торговой казни, т. е., по дѣламъ мало-важнымъ. Кто теряетъ одну четверть земли, или нѣсколько рублей, тотъ имѣетъ всѣ способы и время, по крайней мѣрѣ, въ трехъ инстанціяхъ, защищать право свое, и всегда знать о теченіи своего дѣла.

А по самымъ важнымъ дѣламъ, осуждаемый къ лишенію жизни, чести, или торговой казни, съ первой минуты начала надъ нимъ слѣдствія, или взятыя его подъ стражу, до послѣдней, въ которую объявится ему рѣшительной приговоръ, для отсылки его на казнь, не вѣдаетъ своей участи, не имѣетъ никакого способа опровергать несправедливыхъ объ немъ въ судѣ заключеній, какія бы сильныя на то доказательства имѣть ему ни случилось. Однимъ словомъ, совсѣмъ въ рукахъ у судящихъ; а безграмотной, каковыхъ по симъ дѣламъ большая часть, и въ показаніяхъ своихъ, по коимъ его судятъ, зависить отъ тѣхъ, которые ихъ записываютъ. Другому никому за такого страдальца законы не только ходатайствовать явно не позволяютъ, но строго запрещаютъ и знать объ дѣлѣ.

И весьма случается можетъ, что истинно невинной и въ невинности своей спокойно ожидающей свидѣтельства ея справедливо-

сти отъ суда, вдругъ услышитъ, при открытыхъ дверяхъ Палаты, кнутъ себѣ, или ссылку. А Сенатъ просто и не свѣдаетъ никогда.

Всѣ пути его блюстительства и прибѣжища къ нему пресѣкаются; одинъ оставался — принятіе оныхъ жалобъ, которой нынѣ самъ Сенатъ уничтожаетъ. Присылка экстрактовъ изъ колодничьихъ дѣлъ уже давно отмѣнена, хотя и въ мое присутствіе въ Сенатѣ не разъ и по разсмотрѣнію экстрактовъ сихъ возвращали съ каторги, напрасно въ нее сосланныхъ.

Вотъ о чемъ, по мнѣнію моему, достойно Правительствующаго Сената поднести Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ, и хотя благонамѣреніемъ мудрости учреждена Коммисія о сочиненіи законовъ, но въ дѣлахъ, спасающихъ отъ гибели человѣчество, дорогъ и часть.

Все сіе сказать при настоящемъ случаѣ, о чемъ я за долгъ званія Сенатора, по совѣсти и по усердію къ общему благу Государства, и за особенное щастіе всегда почту повторить оное предъ самымъ Августѣйшимъ лицомъ Государя Императора. 29 Января, 1809 года.»

Въ Общемъ Собраніи большинствомъ голосовъ опредѣлено, согласно предложенію Министра Юстиціи, поднести Государю докладъ о неприниманіи оныхъ жалобъ. А я, оставшись при своемъ мнѣніи, послалъ, на той же почтѣ (8 Марта, 1809 г.), на которой докладъ сей отправленъ къ Его Величеству, съ надписью: «Въ собственныя руки,» слѣдующее представленіе:

«Правительствующій Сенатъ, въ Общемъ Собраніи Московскихъ Департаментовъ, большинствомъ голосовъ опредѣлилъ поднести Вашему Императорскому Величеству докладъ о томъ, чтобъ не принимать въ Сенатѣ жалобъ на производство уголовныхъ дѣлъ о людяхъ нижняго состоянія, къ тяжкому наказанію присуждаемыхъ, такихъ жалобъ, кои всегда въ Сенатѣ принимались и которыя были для людей оныхъ однимъ путемъ прибѣжища къ вышнему Правительству, въ случаѣ невинности, или осужденій, превосходящихъ мѣру законнаго опредѣленія.

Разсуждая, что слѣдствіемъ этого могутъ быть большія злоупотребленія, во вредъ человѣчеству и правосудію, дважды изъясняя я въ Общемъ Собраніи о всѣхъ злоупотребленіяхъ, произойти могущихъ.

При большинствѣ голосовъ, по настоящему учрежденію Сената, голосъ мой долженъ собываться недействительностью. Но, считая,

что дѣло сіе особливою есть важности, по существу своему въ общемъ кругѣ судопроизводства и по отношенію его къ жребію большаго числа людей въ Государствѣ, приѣмлю смѣлость донести объ немъ Вашему Императорскому Величеству, всеподданнѣйше представляя при семъ на Высочайшее благоусмотрѣніе и данныя мною въ Общемъ Собраніи мнѣнія.

Симъ, по крайней мѣрѣ, успокоиваются чувствованія долга моего званія, одушевляемые безпредѣльнымъ усердіемъ къ истинной Вашей славы и къ благу Отечества.»

Оканчиваю повѣсть о моихъ былахъ. Не всѣ разсказалъ я ихъ здѣсь, но не сказалъ я ни одной небылицы. Будетъ ли что еще въ жизни моей достойное описанія, и успѣю ли его сдѣлать, не знаю.

Quis scit, an adjiciant hodiernae crastina summae
Tempora dī superi? *

Horat. Lib. IV, Od. VII.

* * *

Теперь, посреди службы и Москвы обширной, живу я въ пустынѣ. Лучшіе друзья мои почти всѣ разлучены со мною смертью, или отсутствіемъ. Бесѣдою мертвыхъ друзей челоуѣчества, въ просвѣщенныхъ ихъ писаніяхъ, питаю я душу, а тѣло подкрѣпляю прогулкою и воздухомъ. Не ѣзжу я на вечерніе обѣды и на утренніе ужины. Не ѣзжу также въ театры, и для того, что не нашелъ я никогда ни одного, въ которомъ бы хотя на минуту можно забыть, что видишь актеровъ.

Но довольно нынѣ заниматься зрѣлищемъ великаго театра Вселенной, на которомъ чудесная быстрота сценъ весьма разительно вѣщаетъ, что міръ переходитъ....

Кстати скажу, что пишетъ о семъ ко мнѣ въ послѣднемъ письмѣ своемъ почтенной другъ Юнгъ-Штилингъ, сей небомъ просвѣщенный проповѣдникъ истины и предвѣстникъ явленій ея царства.

«Что касается вообще до хода вещей», пишетъ онъ, «въ политическомъ мірѣ, то со дня на день все больше раскрывается, и кому духъ предсказанія отверзаетъ очи, тотъ скоро увидитъ, чему изъ того вытти должно. Наше же дѣло есть только пребывать въ бдѣніи, въ

* «Не знаю, доживу ли я до завтра» Переводъ короткой и самой вѣрной.

молитвъ и въ прилежной борьбѣ съ грѣхами, приготовляя свѣтиль-никъ свой на срѣтеніе Господа.»

Гонить меня къ уединенію и наскучливость, такъ сказать, жизни, въ которой испыталъ я, хотя въ обрачикахъ, всѣ мечты тщетнаго счастья, и знатность породы и чиновъ, коею такъ малодушно кичатся, и бренность богатства, и горечь сладострастія, и пустоту шумныхъ веселій и тщетныхъ похвалъ и почестей.

Пѣли меня стихотворцы, и не за деньги.* Меня пѣлъ, въ своемъ Владимірѣ, Херасковъ, которому недавно отданную справедливость, назначеніемъ отъ Россійской Академіи сочинить ему Похвальное слово, читалъ я съ чувствительною признательностью къ уваженію достоинствъ, приносящихъ Отечеству честь; къ которому нѣсколько лѣтъ питалъ я и доказывалъ искреннюю дружбу, и коего смерть оплакивалъ я всею нѣжностью сердца.

Итакъ, все часъ отъ часу болѣе убѣждаетъ меня, что для истиннаго щастья нѣжно только одно, которое вездѣ и всегда съ нами быть можетъ, и коего никто изъ смертныхъ не можетъ ни дать, ни отнять.

Подъ симъ первое добро есть дружба. Я имѣлъ друзей, конечно, но всему изъ лучшихъ въ Государствѣ; нѣкоторыхъ и теперь имѣю. Пные оставили меня, но я не переставалъ любить ихъ, хотя о потерѣ дружбы ихъ и не жалѣю, потому что они меня оставили.

Однако, есть еще у меня друзья добрые, и есть люди, которые конечно, меня помнятъ и любятъ!

Заключу повтореніемъ конца того завѣщанія,** которое писалъ я къ нимъ нѣсколько лѣтъ назадъ, въ чувствованіяхъ очень непри- творнаго памятованія о смерти:

* Всего лестнѣе для меня посланіе ко мнѣ изъ Рязани въ 1807 году, напечатанное въ Вѣстникѣ Европы, а послѣ особо. Лестно особенно по тому, что я совсѣмъ незнакомъ былъ съ сочинителемъ, не только чтобъ привлечь его благосклонность какою нибудь услугою; да онъ ни въ какой и надобности не имѣетъ. Впрочемъ, похвала сія не можетъ ослѣпить меня: ибо я знаю, сколько свойственно пристрастіе энтузіазма такому добродушному и благородному сердцу, какимъ отличается изыщной оной поэтъ, украшающій Россійскую литературу прозаическими рѣдкихъ его дарованій.

** Сіе завѣщаніе напечатано при второмъ изданіи сочиненной мною драмы: «Торжество правосудія и добродѣтели или доброй судья, 1798 года, въ Москвѣ.»

«Друзья и всѣ, которые знаютъ меня и любятъ! Когда я умру, не тратьте иждивенія на покровъ земли землею, художествомъ испещренною. Употребите оное лучше на возбужденіе въ добрыхъ сердцахъ скудости благодаренія къ Источнику всѣхъ благихъ даровъ.

Не пишите и не заставляйте писать мнѣ похвалъ. Да вы и сами сего не сдѣлаете, не для того только, что я ихъ не заслуживаю, но и для того, чтобъ не сравнивать меня со всѣми тѣми, которыхъ хвалятъ.

Одинъ вздохъ искренней любви больше усладить мою память, нежели книга похвалъ, написанныхъ рукою хладнаго искусства.

Одна слеза нѣжности; — слезамъ печали, друзья мои, не давайте воли, изъ уваженія къ закону великодушія и добродѣтели; одна слеза нѣжности, пролитая на простой, муравкою одѣтой, могилѣ моей, болѣе прославить мой прахъ, нежели великолѣпнѣйшее надгробіе, поставляемое алчнымъ наслѣдникомъ, радующимся смерти оставившаго ему тысячи, омытыя плачемъ ближнихъ.

Нѣтъ, друзья мои, не похвалъ и памятниковъ хочу я отъ васъ.

Возобновите ко мнѣ въ сердцахъ своихъ неразрывный, вѣчный узелъ дружбы, не умирающей съ тѣломъ и не ограниченной временемъ.

Поминайте меня горячею, вѣрною любовію ко всему тому, что было дорого и любезно моему сердцу.

Когда вспомните, что сердце сіе было вѣрнымъ хранилищемъ драгоценнаго залога дружбы вашей; что оно рыдало о всякомъ огорченіи вашемъ, и восхищалось всякимъ вашимъ удовольствіемъ, когда вспомните, что я плѣнялся красотами истины, хотя слабо соблюдалъ ея небесныя уставы; что я усердно чтилъ во всемъ изящное, стремился любить человѣчество и ближнему служить готовъ былъ; что естли кого и оскорбилъ, то безъ намѣренія и охотно бы согласился оное загладить величайшимъ прискорбіемъ самому себѣ.

Когда при томъ вспомните о моихъ порокахъ и слабостяхъ, гораздо превосходящихъ то малое добро, которое, можетъ быть, мнѣ случилось въ жизни своей ощутить и сдѣлать, то, друзья мои, изъ глубины пылающихъ любовію сердецъ вашихъ, пожелайте только, чтобъ не по заслугамъ моимъ, а по единымъ щедротамъ Благости

пилъ я неисчерпаемую чашу блаженства въ той непостижимой странѣ, гдѣ цвѣтетъ вѣчной садъ радости, гдѣ вѣчная жизнь, здравіе, спокойство, наслажденіе разливаются неизсякаемымъ Источникомъ, изъ котораго происходитъ всякое доброе дѣло и всякая мысль добрая.»

КОНЕЦЪ.

«Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы» И. В. Лопухина напечатаны сдѣсь во всемъ согласно съ подлинными. Сочинитель самъ роздалъ нѣсколько списковъ съ нихъ знакомымъ своимъ, между прочимъ онъ прислалъ одинъ списокъ и въ библиотеку Московскаго Архива Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, при письмѣ къ начальнику онаго, А. О. Малиновскому, слѣдующаго содержанія:

«Ваше Превосходительство, какъ просвѣщеннаго любителя всякихъ произведеній Исторіи и Словесности и отличающагося въ нихъ искусствомъ, а при томъ по всегдашней пріязни, осмѣливаюсь дѣлать моимъ душеприкащикомъ, вручая книгу моихъ «Записокъ», съ просьбою поставить ее въ библиотеку Архива, гдѣ есть и должно быть собраніе всего — не одной только золотой древности.... Не знаю, понравится ли моя книга. Впрочемъ, есть пословица: «Не любо не слушай, а врать не мѣшай.»

NB. Въ пословицѣ сказано «врать не мѣшай;» только я это слово по совѣсти выкинуть бытъ долженъ для того, что я въ повѣсти о моихъ былахъ не всеъ рассказалъ ихъ; однако подлинно не сказалъ ни одной небылицы.»

На Архивной рукописи № 171 — 257 находится собственноручная надпись Лопухина:

«Въ Библиотеку Московскаго Архива Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ поставилъ самъ

Лопухинъ.»

24 Декабря
1810.

Machine, Denkwürdigkeiten.

3/6

No

NF 2 E7

B. H. BLACKWELL LTD.
Booksellers
50 and 51 BROAD STREET
OXFORD

N. F. 2. e. 7.

271

Sh Amchin, Kent on ...

3/6

NF 2 E7

B. H. BLACKWELL LTD.
Bookellers
50 and 51 BROAD STREET
OXFORD

N. F. 2. e. 7.

248

